

ИГОРЬ СТЕНИН

Constanta

Игорь Стенин

Constanta

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=14342965

ISBN 9785447438906

Аннотация

Россия. Середина 90-х. Хмельной дух свободы кружит головы. Юным и дерзким открыты все дороги. Два друга, Степан Греков и Тит Боронок, используют свой шанс, идя навстречу счастью разными путями: правильным и коротким. По прошествии нескольких лет Степан становится руководителем строительной фирмы, Тит – бандитом. Казалось бы, отчуждение неизбежно. Но остаётся нечто, продолжающее связывать друзей. Перед лицом новых испытаний им не обойтись друг без друга.

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	10
Глава третья	20
Глава четвёртая	28
Глава пятая	35
Глава шестая	41
Глава седьмая	44
Глава восьмая	51
Глава девятая	59
Глава десятая	70
Глава одиннадцатая	77
Глава двенадцатая	92
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Constanta

**Время уходит или остаётся
с нами – в зависимости от того,
чем мы живём в нём. История 90-
х о дружбе, ненависти и любви**
Игорь Стенин

© Игорь Стенин, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая

Учебное заведение встречало новые лица. По длинному коридору, частицей спешащей на лекцию толпы, вчерашняя абитуриентка шла ему навстречу.

Сон наяву открывался перед Степаном Грековым. Сердце билось на пределе возможного. Первокурсница брала верх над старшекурсником.

Преследуя уходящий призрак, он оказался в помещении комсомольского архива.

Среди учетных карточек членов ВЛКСМ её открылась одной из первых.

Барышинская Илона.

Чёрно-белым бутоном, прекрасная и юная, восемнадцати лет от роду смотрела с фотографии она на него, обещая расцвести при умелом обращении с кодом цветения.

Судьба? Избранником ее или случайным встречным прими вызов, узнай мальчишка...

Физкультура. Преодоление себя. Возвращение в своё естественное состояние – к истокам.

Незнакомый белокурый юноша, участвуя в переключке группы, парил высотой покорённой деревянной шведской стенки напротив. Казалось, слитый с ней воедино и возвышаясь над всеми, он изображал ангела. Концентрация внимания была предельной – победа над земным притяжением ковалась прямо на глазах.

Переключка закончилась. Внимание группы переключилось на преподавателя, в ответ на его команду шеренга заколыхалась, пришла в движение и побежала, демонстрируя уже собственные физические возможности. Юноша продолжал висеть.

Быть висельником Степану не составляло особого труда. Так, в своё время, он отработывал прогулы перед завкафедрой профессором Чугуновым – спортсменом до мозга костей, прирождённым тренером, личностью, одержимую чужими рекордами. Вис на бис был излюбленным упражнением обоих, в то время как другим, менее одарённым прогульщикам, приходилось искупать свой грех обычным физическим трудом. Уборщиками, мусорщиками, рабами.

Пробегая мимо шведской стенки второй круг, Илона практически забыла про ангела наверху. До того ли в бегах. И вдруг он прыгнул прямо на неё.

Казалось, настоящая волна обрушилась сверху, подхватила и вынесла её из бегущего потока. Она даже не успела вскрикнуть. Волна овладела ею целиком. Сквозь туман до неё донёсся голос:

– Ты не ушиблась?

Внезапно она увидела перед собой парня, красивого и сильного, почувствовала контакт, тепло, энергию живого близкого мужского прикосновения. Такого с ней ещё не бывало. Волна чуть снова не подхватила её, на сей раз угрожая вынести далеко – за пределы спортивного зала. Встряхнув головой, она высвободилась, попятилась и устремилась обратно в бегущий рядом спасительный поток, бросая на ходу:

– Ты, что, с ума сошёл?

Уже на приличной дистанции от парня Илона окончательно пришла в себя. Возмутитель спокойствия, заняв место в центре зала, вступил в оживлённый разговор с преподавателем. А она усердным сосредоточенным бегом по кругу, плечом к плечу среди своих подруг, принялась анализировать произошедшее событие.

Напасть.

Падение ангела.

Случайность, возносящая до сверхъестественной головокружительной высоты.

Когда парень оказывался спиной к ней, она украдкой устремляла любопытный взгляд на него. Неужели он один из них – простой студент?

Бег закончился. Пришёл черёд других упражнений. Свободно маневрируя по залу, Илона ловила на себе взгляды парня, одновременно отмечая его синхронные перемещения вместе с собой. Всякий раз, когда расстояние между ними сокращалось до опасного минимума, она стремилась уйти в отрыв. Однако это не спасало. Парень неизменно снова и снова оказывался рядом, словно притянутый незримым магнитом. И, вероятно, нарываясь-таки на новую случайность.

Физкультура кончилась. Они перебросились между собой парой фраз. И разошлись. Открыв друг друга.

Соппротивление Илоны длилось несколько недель. Но то была всего лишь дань кокетству. Пришёл день, когда уступая его настойчивости, она согласилась выпить вместе сока. В порядке компенсации за причинённый случайностью ущерб.

Их знакомство завязывалось. Разницы в целых пять лет как ни бывало. Илоне претит быть и выглядеть младшей. Она чувствовала себя на равных с ним. И даже выше. Ведь источником притяжения была она. Ему выпала судьба испытывать силу её притяжения.

Тем временем спокойную студенческую жизнь ждали перемены. Неожиданно грянули первые ранние заморозки. Пришли холода, а вслед за ними – и весть о мобилизации первого курса. Убирать картошку.

В свои неполные 19 лет яркая голубоглазая брюнетка Илона Барышинская была одной из дочерей страны Советов. Такая же, как все, урождённая воспитанница коллектива. И полная противоположность ему. Осаниста, глазаста и желанна. Достояна провожатого мужского рода.

Они ехали за тридевять земель в картофельное царство вдвоём.

Выделиться среди колхозного десанта особого труда не стоило. Пятилетняя разница в возрасте была налицо. Кнут, пряник, личный пример – властью, данной деканатом, Степан отвечал за то, чтобы не погасла ни одна свеча на ветру, студенты-первогодки остались целы.

Холод, морось, невыносимая тяжесть невольничьего труда. Они прошли всё. Мечта стала явью. Зарю на закате однажды среди бескрайнего поля два сердца соединились в одно...

– Хочу пить!

Слова сорвались и полетели, словно птицы, рассеивая крыльями сладкий безмятежный сон.

Июль.

Окрестности посёлка Солнечное. Граничащая с водами Финского залива песчаная коса. Одно из самых ярких и красивых мест курортной зоны Ленинграда.

Полуденный зной дикого пляжа ожил.

– Джинн услышал тебя! – заявил он, поднимаясь. – Потерпи, я скоро. Отыщу росу, вернусь и напою тебя вволю.

Она улыбнулась. Смотря вслед ему – спешащему творить добро – прищурилась. Как жаль, что кончился лимонад...

В вестибюле пансионата было людно. Дикарей – раз, два и обчёлся.

Доминировала одежда разных фасонов, покроя и цветов.

Слегка освоившись и оглядевшись, он увидел буфет, а в нём – много лимонада в бутылках зелёного стекла. Товарно-денежный обмен был в разгаре. С бумажным советским рублём в кулаке он занял очередь навстречу.

Оживлённый гул сотрясал помещение. В стороне за деревянной шахматной доской шла азартная баталия. Игроки, их секунданты, случайные прохожие – все как один профессионалы – соревновались между собой в поисках ходов личного Шаха или Мата.

Степан совсем не разобрался в шахматах. Да их было и не видно за толчеей. Гораздо интереснее и забавней было видеть другое – как шахматы играют людьми. Увлёкшись, он не заметил, как оказался у самой стойки буфета и даже вздрогнул, когда вдруг прямо перед ним раздалось:

– Тебе чего, спортсмен?

На него, что-то жуя, в упор смотрело безмятежное румяное лицо буфетчицы.

Он протянул мятый рубль вперёд, коснулся им дна тарелки с затейливым цветастым рисунком.

– Лимонада, на все!

– Эх, – подхватила буфетчица, – гулять так гулять! Тебе на вынос?

– Да.

– Тогда одна бутылка в руки, – подбоченясь, заявила румяная.

– Хорошо.

Рубль исчез одним неуловимым движением. Появилась бутылка, брякнула мелочью сдача.

– Открывашка-то есть? – уже с некоторым участием спросила буфетчица.

– Да обойдусь.

– Ну, на здоровье!

Обратно он шёл той же дорогой, усеянной как и прежде божьими коровками.

Ярко-оранжевая, местами чёрная полоса мёртвых жуков самостоятельной частью суши тянулась вдоль всей видимой кромки воды. Застывшая кульминационным выплеском энергии стихия.

В порыве невольного трепета Степан старался держаться от неё особняком, на дистанции, предпочитая холоду и хрусту под ногами скользящее плавание в горячем и податливом песке.

Показались заросли осоки. Кончалась территория жуков и людей. Начинались владения дикого пляжа. Вступая в их раздольные просторы, Степан вспомнил об Илоне. Предвкушение близкой встречи охватило его. Включился автопилот. И рванулась босая душа вперёд, не разбирая ни дорог, ни преград вокруг.

Степан был хорошим пловцом. Несколько раз за день, срываясь и оставляя её одну, он уходил в залив – по пояс, плечи, целиком, пока не сливался с водой так, что совсем скрывался из вида. Заплывы длились бесконечно. И всякий раз, когда ожидание Илоны на берегу достигало пика, он возвращался, выходя из воды медленно, не торопясь, исподволь – обрядом мира и согласия с родной стихией.

Прошло достаточно времени как он ушёл. Она поднялась с песка, отряхнулась, посмотрела вдаль на залив, повернула голову и чуть не вскрикнула. Он возвращался из сухопутного путешествия раненым, хромя на одну ногу.

Илона побежала ему навстречу.

– Поранился?

– Пустяк. Держи свой лимонад.

– У тебя кровь. Давай садись, посмотрим.

– Сейчас. – Он передал ей бутылку, направился к воде, всполоснул ногу и запрыгал обратно на одной здоровой ноге – к брошенному на песок покрывалу.

– Представляешь, – опустил он на ткань, – шёл туда – жуков под ногами видимо-невидимо. Иду обратно – ещё больше.

- Ты не бредишь? – спросила она, внимательно взглянув на него. – Какие ещё жуки?
- Божьи коровки. Павшие.
- Бред, – пожалала плечами Илона. – Или какая-то аномалия.
- Море жуков! Последний парад насекомых. Такого я ещё не видел.
- Разберёмся, – сказала Илона.

Она взяла сумочку, вынула носовой платок, пластырь. Устроилась перед ним, положила его ступню себе на колено и принялась внимательно осматривать её.

- Так на что ты напоролся?
- Стекло, – поморщился он.

– И правда – стекло, – нащупав, она ухватила краешек прозрачного осколка. – Стекло – это хорошо. Чище, по крайней мере, ржавого гвоздя. Смотри, – продемонстрировала она вытщенный осколок.

– Малыш, – улыбнулся он через силу. – Если бы ты видела, какого сома вытащил я сам! Вот, – отмерил он длину указательного пальца.

– Охотно верю, – сказала она, приглядываясь к ступне. – Но, кажется, тот сом был не последний.

Он побледнел.

– Я ничего не чувствую.

– Хорошее обезболивание, – улыбнулась она. Проходясь пальчиками по уже пустой ране и изображая схватку, воскликнула:

– Смотри-ка, ускользает!

– Лови! – подбодрил Степан.

– Эх, – щипнув воздух, остановилась Илона. – Поздно, уплыл за первым сомом.

– Туда ему и дорога, – с облегчением вздохнул Степан.

– Да, – согласилась Илона, беря в руки пластырь. – Однако нет худа без добра, продолжила она, распечатывая упаковку. – Тебе, мой друг, заплывы в ближайшие дни противопоказаны. Слышишь? Строгий сухопутный режим. Если честно, я очень рада.

Степан, откинув голову назад, смолчал.

Залепив рану пластырем, Илона подула на него, подняла глаза на раненого.

– Как?

– Стреляет, – отозвался он.

– Так и надо. Теперь всё. Устала, хочу пить.

...Илона задумчиво гладила его по волосам. Туда-сюда. Белокурый жёсткий ёршик ласкал её руку, она – его. Внезапно она нахмурилась и, прерывая сеанс нежности, ущипнула любимого за ухо.

– Короче не мог подстричься?

Он зажмурился, пожимая плечами, выдавил:

– Производственная необходимость.

– Что ты имеешь в виду?

Степан открыл глаза.

– Я имею в виду сборы.

– А-а, – протянула она.

– Все пацаны решили, – продолжал он, – лучше оставить неприкосновенный запас волос, чем лишиться их совсем. Главный военный обещал всем волосатым бесплатную стрижку под ноль.

– И что он себе позволяет! – возмутилась Илона. – Сатрап! Это же самое натуральное подавление личности.

– Точно, – поддакнул Степан.

– Чтобы после сборов не смел так стричься!

– А что плохого? С такой стрижкой вся армия ходит – от солдата до генерала.

– То армия, – заметила она. – У неё кругом враги. А нам с тобой воевать не с кем. Мы люди мирные. Наше счастье – в вихрах. И здесь, как в настоящем хлебном поле – каждый колосок на счету.

Степан озабоченно провёл рукой по ёршику.

– Хорошо хоть корни остались, – сказала Илона, смотря на него и хитро прищуриваясь. – Всё же, какое-никакое, а утешение.

– Да, – улыбнулся Степан.

...Последняя электричка в город уходила через час. На пляж опускались сумерки. Умиротворённо, чуть слышно, словно сожалея о своём дневном неистовстве, плескались волны о песок. Особое чудесное настроение распространялось вокруг. Природа обретала покой, сливаясь воедино стихиями земли, воздуха и воды.

– О чём задумалась? – спросил Степан, нарушая тишину.

Илона откликнулась не сразу. Прошло несколько минут прежде, чем одолевающие её чувства нашли выражение словами.

– Знаешь, наше одиночество обманчиво. Мы здесь не одни. Перед нами наше общее родное начало. Ласковый и нежный, бесконечный океан.

Она повернулась к нему. Глаза её горели.

– Твои жуки не умерли. Круг замкнулся. Они стали частицей океана. Самой бесконечностью.

Степан улыбнулся.

– Прекрасный день для новой жизни, – заметил он.

– Прекрасный, – подтвердила она. – Один из лучших. Такой день остаётся в памяти.

– Да, – соглашаясь, кивнул Степан.

– Навсегда.

Думы и разговоры иссякли. Они сидели перед огромным во всё небо розовым закатом, забыв про всё, наедине с собой и целым миром, в обнимку, словно боясь потерять друг друга, совсем ещё дети, накануне большой и взрослой жизни – прошлым, настоящим и будущим лета тысяча девятьсот восемьдесят восьмого года...

Глава вторая

Ранним утром 1-го августа трёхкомнатная квартира Степана на Гражданке переживала столпотворение. Вся семья – мать, отец, сестра, суется, собирали его в дорогу. Домочадцев угнетала предстоящая месячная разлука. Степан, напротив, был оживлён и весел. Впереди встреча старых испытанных друзей. Жизнь роем.

Ранее, прослышав про сборы, всполошился дед. И тут же условился об обязательном свидании с внуком: для, так сказать, напутственного слова. Свидание состоялось. Вдвоём с Илоной они навестили деда проездом с пляжа, благо до Репино, где дед жил в собственном доме, было рукой подать.

Дед. Бывший фронтовик, морской пехотинец, ныне 70-летний пенсионер Серафим Греков. Здоровый телом и духом, поджарый жизнерадостный белозубый старик.

Дед жил один, потеряв жену – бабушку Степана – несколько лет назад в автомобильной катастрофе. Едва поздоровавшись с гостями, он отправил Илону хлопотать на кухню, а сам уединился со Степаном. Разговор по душам. Серьёзней не бывает. Степан пытался было рассеять серьёзность напускным весельем, но дед не поддался. Терпеливо дождавшись подходящего момента, он устремил взгляд в глаза внука и, приковывая внимание, изрёк:

– Грековы за твоей спиной. Будь достоин на людях всех наших. Гляди, не посрами.

То были части ключевой фразы. Прямое попадание. Он – первый и последний мужчина своего рода на рубеже между прошлым и будущим. До конца вечера, в течение которого дед, веселясь, смешил Илону морскими байками, Степан молча, наедине с собой пожинал плоды. Сила напутственного дедовского слова, ожившая магия древнего обряда, эстафета, терзая и заставляя быть серьёзным, брали своё.

Прощание с Илоной состоялось накануне, во время долгих, чуть ли не до утра, проводов её после пляжа домой. Она поделилась важной новостью. Учёба в институте на инженера-технолога разочаровала её. Посоветовавшись с матерью, она решила переводиться в Медицинскую Академию, пойти по материнским стопам – стать врачом.

Степан возблагодарил небо, что подобная перемена случилась вовремя, после того как ему посчастливилось встретиться со своей половиной. Не повезло Вузу – бедному институту вновь предстояло плодить безликую инженерную братву.

На вокзал Степан поехал вдвоём с сестрой, младшей его на целых 8 лет, 15-летней Викторией.

Жизнь Викторией была размеренна и безмятежна. Она плыла по ней, рассекая волны, и в штиль, и в бурю, на корабле маминой опеки. Мама управляла кораблём от киля до парусов, в то время как Виктория была на нём единственным беззаботным пассажиром.

Спозаранку она крутилась возле матери, помогая укладывать вещи в походную сумку Степана. При этом постоянно напоминала родителям о необходимости дать денег брату в дорогу, тайком бросая красноречивые взгляды на него самого – в расчёте получить свою долю на вокзале.

Дети уехали, муж отправился на работу, дома осталась одна мать. Прирождённая домохозяйка, проводящая практически всё время в движении. Казалось, не было момента, чтобы можно было застать её без дела. Очереди, доставка продуктов, уборка, стирка, приготовление пищи – хлопот хватало, она успевала везде.

Семья жила на отцовскую зарплату. Крошечная стипендия Степана была не в счёт.

На вокзале Степан купил сестре мороженое. Пересчитав родительские деньги, отдал большую часть ей.

– Мне они ни к чему. Я буду жить на всём готовом, – объяснил он свой подарок. – Не отказывай себе ни в чём, вспоминай брата.

Вика приложила руку к груди и чмокнула брата в щёку.

– Откажу себе во всём, – подсчитала вслух она, – тогда на одну хорошую вещь хватит.

Он был рад, что взял сестру с собой. Школьные каникулы тянулись монотонным однообразием, любое новое впечатление было как нельзя кстати, подобно глотку свежего воздуха оно позволяло скрасить время и выжить. Конечно, Вика могла бы поехать за воздухом и к деду, но «полосатый», как называла она его, неизменно видел её лишь членом экипажа с сопутствующим ворохом обязанностей – от полки грядок до мытья полов. Рассчитывать на счастливое детство в компании с ним не приходилось.

Погуляв ещё некоторое время с сестрой по вокзалу, Степан обнял её, дал несколько напутствий и отправил домой – официальная часть проводов подошла к концу.

Финляндский вокзал. Площадь перед перроном. Аквариум со знаменитой «рыбкой» – паровозом Ильича. Традиционное место сбора путешественников всех мастей. Среди затопившего его людского моря пестрел островок стриженных голов. Неприкосновенный запас волос. Увидев его, Степан поспешил навстречу и, ворвавшись в самую гущу, растворился в нём без следа.

Коротая время в ожидании отъезда, однокурсники прощались с гражданской жизнью. Успеть надышаться, наговориться и ещё кое чего. Самые отчаянные обратились к сопровождающему офицеру.

– Товарищ капитан, исполните последнее желание!

Офицер по фамилии Запарка, высокий, стройный, подтянутый и начисто лишённый эмоций, поднял бровь.

– О чём разговор?

– Жажда мучит. Напиться бы.

– А слёзы мамкины в дорогу – разве не вода?

– Их след давно простыл. Нам бы иной водицы, живой – пивка...

Капитан пожал плечами. Время брить головы наголо, разделять и властвовать ещё не наступило.

– Валяй.

А пива на вокзале было вдоволь. Группами, одна за другой, стриженные потянулись к торгующим ларькам. Примкнул к живой очереди и капитан.

Уносились прочь километры, колёса стучали по рельсам, весёлая эйфория сопровождала путь студентов. И, казалось, и ей, и рельсам нет конца. Вместе им уготована одна бесконечная дорога. Однако пиво, как всегда, оказалось верно своей природе. Минуло совсем немного времени, как стадия фильтрации была завершена.

Терпение – удел настоящего солдата, терпеть были готовы все, но электричка вдруг сбавила скорость, потеряла ход и встала посреди зелёного луга, как деревянный пароход во льдах – на вечный прикол. Убивая все надежды дотерпеть.

Лихорадка пивного бремени охватила вагон. Минута стоянки – и она вырвалась наружу. Стриженные рванули прочь со своих мест, прошли лавиной сквозь полуоткрытые двери, выскочили на луг, заметались под пристальными взглядами набитой до отказа электрички и остановились, смыкаясь тесным кругом одной на всех нужды.

Согретая и вскормленная солнцем зелёная трава затрепетала...

Возвращение было тихим. Дождавшись последнего подопечного, капитан Запарка пробежался насмешливым взглядом по лицам, приподнялся и, хлопая в ладоши, сказал:

– Бис!

Демонстрация превосходства одиночки над толпой. Рассаживаясь по местам, студенты открывали заново своего препода. Оказывается, всё человеческое было ему чуждо. Одно море пива. Казалось бы, следом одна неизбежная потеря лица. Но нет. Армейский волк знал секреты победы над собой. Как будто и не пил ничего вовсе.

Движение по рельсам возобновилось. Около час курс ехал в полной тишине, затем сошёл на землю. Здесь студентов ждали автобусы. Впереди маячило бездорожье, местность всё более напоминала глушь.

Затерянный сельский уголок. Автобусы миновали ворота высокого бетонного забора и въехали на территорию действующей воинской части. Место конечного назначения. Вечерело. Веяло дыханием близкой осени. Вступала в свои права иная форма жизни и бытия.

Начальник кафедры полковник Гайдук, юркий тщедушный, словно сваянный наспех дефицитом любви и времени человек, бодро вышагивал по плацу перед строем новобранцев. Новобранцы, большие и рослые, тяготясь пристальным вниманием к себе, отвечали откровенной усталостью.

Осмотр мало-помалу распалил полковника. Обуреваемый противоречивыми чувствами, он остановился перед бесстрастным, словно часовым на посту, Запаркой.

– Ну что это за... кха! – размыкнулись полковничьи уста. – Груз призраков, без вести пропавшие, отщепенцы, ей-Богу!

Внезапный порыв увлёк Гайдуга прочь от шеренги, к краю плаца. Запарка тенью последовал за ним.

– Здорово, ребята! – загремел полковничий голос. – Спрятаться хотите? А кто служить будет? Может, я один?

Шеренга, слушая, стояла из последних сил.

– Отставить зевать! – гаркнул Гайдук.

Эхо взлетело над плацем. Полковник замер, прислушиваясь. Наверное, вот так же в давние времена предок вояки, настоящий дикий гайдук, брал быка за рога, искушая мирных селян одичать с ним в дремучих лесах – угрозой помещицкому господскому произволу. Война, не жалея себя – до победного конца. Однако истекал XX-й век. Эхо стихло. На плацу царило полное равнодушие.

Гайдук утёрся ладонью.

– Вы, двое там, с конца ряда, – палец полковника замер строгой указкой. – Вам, вам говорю, щёголи волосатые! Я предупреждал о длине волос. Напрасно вы не прислушались. Завтра будете бриты оба до голой макушки.

– Ха-ха-ха! – раздалось из шеренги.

Полковник хищно улыбнулся.

– Вот именно – ха-ха! Перевод дословный.

Он посмотрел на часы.

– Однако уже закат. Жаль, время вышло. Хотелось бы пожелать спокойной ночи, – зыркнул он недобрый взглядом, – но здесь я вам, ребята, никаких гарантий дать не могу. Капитан, командуйте отбой.

В казарме курс был поделён на несколько взводов. Каждый из них обзавёлся местным армейским командиром. Взвод Степана принял лейтенант Фатуйма. Молодой, розовощёкий и несуразный. Ряженный. Объявись Фатуйма в лихой час близ тёмной подворотни – и лучшей приманки для злого промысла было бы не сыскать. Однако сейчас время, место и субординация охраняли Фатуйму. Более того, делали его командиром. Поэтому, скрепя сердце, приходилось подчиняться. Впереди была первая ночь в казарме. Фатуйма знал как скоротать её с удобствами.

В опустевшей казарме их было трое. Оставленные в первый наряд на кухню, они лежали на койках, ожидая начала смены.

– Я засыпал и просыпался частями, по отдельности. Потом упало одеяло. Я – за ним. Едва успел закрыть глаза, забыться – и тут этот крик: «подъём»! Какая пытка – это утро!

Вова Налимов, рыхлый и упитанный, живое воплощение здорового мальчишечьего самолюбия, с оскорблённым видом вертел сапог в руках.

– Мужайся! – подбодрил его Степан. – Ты в армии. Впереди ещё 30 подъёмов.

– И железная строевая вертикаль днём, – добавил вылитый азиат Сергей Ким.

– Не трави душу, Ким, – бросил сапог на пол Вова, – она у меня ранимая.

– Опять раздвоишься, Налимыч? – спросил Степан, с интересом смотря на товарища.

– Похоже, деваться некуда, – вздохнул Налимыч. – Придётся.

– Ой, только не это! – замахал руками Ким. – Ты смоешься, а нам с твоей мумией жить? Мамочки, как вспомню, так мороз по коже. Такой урод!

– Я за себя в таком состоянии не отвечаю, – пожал плечами Налимыч. – Если тебя что-то не устраивает, держись на расстоянии, не общайся, обходи стороной.

– А может это и наш выход? – произнёс Степан, размышляя вслух. – Мумифицироваться с тобой – за компанию. Как думаешь, Налимыч?

Налимыч устроился поудобнее, закрыл глаза, блаженно потянулся.

– Этой методе нет цены, – тоном бывшего профессионала сказал он. – Попало тело в безвыходное положение – спасай душу. Представь себя сродни космосу, отдай концы и воспаряй – уходи в астрал.

– Я в таких экспериментах не участвую, – решительно заявил Ким. – Парите ребята без меня.

– Тебя никто не агитирует, – открыл глаза Налимыч. И махнул рукой. – Подъёмная тяга не та.

– Что значит – не та? – насторожился Ким.

– Ты – земля. Простой балласт, короче.

– А ты? – привстал Ким.

– Я? Гм... Я – другое дело. Воздух!

Ким слетел на пол, в мгновение ока оказался перед койкой Налимыча и сходу без остатка прыгнул прямо на него.

– Йё, – выдавил Налимыч, прогибаясь в панцирной сетке.

– Полетели! – закричал Ким, хватаясь. – Даёшь тягу!

Налимыч попытался было отделаться от напасти, но Ким вцепился намертво. Барахтанье пары не оставило равнодушным Степана. Он подошёл, постоял, посмотрел и, заряжаясь энергией борющихся тел, упал сверху. Крики, шум, усилиясь, сотрясли казарму. Трое летели в космос.

Уже в поднебесье, в разгар борьбы за удобное место в полёте, чей-то голос догнал их.

– Я был о вас иного мнения.

Остановясь, они оглянулись. Святоша Фатуйма собственной персоной стоял на земле, изображая последнюю связь с ней. Конец полёта. Возвращение.

Красные, запыхавшиеся, они стояли перед ним – своим одноклассником, увенчанным погонами, теряясь в поисках оправданий. Но Фатуйме было не до их откровений – он раскрывал крылья для собственного взлёта.

– Играете! – заявил он, вздымая голову. – Детства не хватило? Хотите сделать игрище из армии?

– Да какое там игрище, – парировал Ким, отдуваясь. – Так, размялись, просто пар выпустили.

– Узнаю гражданку, – полетел Фатуйма. – Все потери на передовой испокон веков из-за таких, как вы. Откуда в вас столько легкомыслия и безответственности?

– Вы зря всё так воспринимаете, – попытался защититься Налимыч. – Это просто недоумение.

– Анархии не будет! Армия – это жизнь по уставу. Ясно вам?

Степан поднял глаза в потолок. Тоска – вот попались!

Глаза Фатуймы застил туман. Он достиг самой запредельной высоты.

– Ваше счастье, что есть, кому за вас ответить, – сказал он, паря. – Благодаря тому, что сегодня первый день службы, я обойдусь словесным предупреждением. Но следить за вами отныне буду с пристрастием. Все ваши заслуженные наказания впереди.

Отыграв роль командира и дождавшись на лицах подчинённых выражения запоздалого раскаяния, Фатуйма перевёл дух, придал своему лицу отстранённое выражение и приказал всем троим немедленно покинуть казарму – для встречи с объявившим общий сбор Гайдуком.

Приняв, как положено, вид мобилизованного контингента, одетые и обутые, словно братья-близнецы, студенты застыли на плацу. Гайдук в окружении офицеров кафедры маячил чуть поодаль. Все примелькавшиеся родные лица, сменившие затворничество институтских аудиторий на вольную волю. Общение без званий и чинов – на равных. Взрыв смеха, взмах полковничьей руки и компания рассеялась. Гайдук взошёл на плац, прошёл несколько шагов и остановился перед молодёжью – одинокий повелитель судеб величиной с перст.

Несколько минут напряжённой тишины.

– Больные, – рявкнул он. – Шаг вперёд!

Никто не отозвался.

– Хорошо, – отреагировал полковник. – Это обнадеживает. Есть резерв для манёвра.

Он поднялся на цыпочки, сделал несколько пружинящих движений и вернулся в исходное положение.

– Итак, – вновь зазвучал его голос. – Товарищи курсанты! Видимые и невидимые, близорукие и дальнозоркие, юноши... Начинается мероприятие под кодовым названием «муштра». Каждому предоставляется возможность усладиться оным и придти, слегка изменясь, к общему знаменателю. Объявляю обратный отсчёт.

– Короче, спасайся, кто может!

Гайдук уставился в шеренгу. Спустя несколько секунд его пытливый взор выявил среди окаменевших лиц одно живое.

– Отставить! Диалога захотелось, товарищ курсант? Фамилия?

– Боронок, – последовал ответ.

– Как?

– Боронок.

– Знал я одного Боронка. Тот немой был. Настоящий человек. Ничего, дай время – я и тебя очеловечу.

Отвлёкшись, полковник бросил несколько общих фраз, покосился на возмутителя спокойствия и закончил своё выступление. Под крик «Р-разойдись!» плац опустел. Начиналась муштра – повзводно и для каждого в отдельности.

Курилка – четыре скамейки под деревянной крышей – была забита до отказа битком. Весёлое оживление царило внутри. Гвоздём программы был Боронок.

– Видели, как у Гайдука лицо вытянулось? Кто посмел голос подать? Перечить самому главному! Ха-ха!

– Молодец! Охмурил полкаша.

– Так держать!

– Боронок, будь человеком, не обижай армию. Ой, умора!

Среди общего восторга нашлось место и неодобрению.

– Накликал себе приключение. Гайдук злопамятный, покажет ещё тебе, где раки зимуют.

– Испугал ежа голым задом! – парировал худой парень, прозванный за чрезвычайно широкие ноздри Горынычем. – Знал бы ты, какое приключение мы пережили вдвоём перед сборами! Гайдук и вся его армия отдыхают.

Боронок. Брат ветра и солнца, увенчанный боевым убором полубокса – бритым затылком и густой пепельно-серой чёлкой волос. Сложенный по образу и подобию богатыря, таящий ум, хитрость и одержимость оборотня.

Судьба не баловала парня, она вела его путём бесконечных испытаний, растя и пестуя из него своего любимца. Ведомый ею, совершенствуясь, он постепенно обретал характер, облик и черты своего земного героя. Тит Боронок. Судебный исполнитель. Мобилизованный.

Слушая и улыбаясь, он сидел молча – немым участником праздника слова. Последняя реплика Горыныча слегка оживила его. А действительно: приключилась же история неделю назад. Редкой закрутки сюжет. Есть что вспомнить.

...Свадьба общих знакомых удалась на славу. Отгуляв на ней положенное время, Боронок и Горыныч возвращались домой в Купчино, где жили по соседству в одной многоэтажке. Час был поздний. Необходимо было спешить, чтобы успеть добраться до метро, грозящего вот-вот закрыть двери. Успели. Сев в пустой вагон, друзья расслабились, закрыли глаза и уснули.

Сон кончился на конечной – в ста с лишним километрах от родного дома. Тиха, свежа и прохладна была ночь. Метро исчезло. Подземный поезд на глазах вдруг превратился в электричку. Спасаясь от наваждения, потрясённые, они поспешили прочь – в объятия местных спасателей. Те посмеялись над бедой, ободрили и повели за собой. В спасительный оазис. Поначалу Боронок не придавал значения исчезновению Горыныча. Подумал, так и надо. Когда же спустя время хватился его, всё стало по местам: оазис – лесом, спасатели – шпаной, он – переодетым оборотнем.

Перепуганная шайка рассеялась. Горыныч был найден и спасён. В отместку разъярённый Боронок бросился в погоню. И неизвестно, чем бы закончилась эта ночь, каких бы дров пришлось наломать, сколько жизней загубить, если бы в дело не вмешалась третья сила – вооружённый милицейский патруль.

Услышав звуки предупредительных выстрелов в воздух, Боронок с Горынычем дрогнули, бросили охоту и устремились вон из леса, на огни близлежащего шоссе.

Шоссе было оживлено. Оставив Горыныча у обочины, Боронок двинулся голосовать. Какое-то время, пытаясь обратить на себя внимание, он соблюдал осторожность. Однако машины проезжали мимо, не замечая его. У него была веская причина покинуть это место и он начал рисковать, выходя на опасную середину дороги. Его боднули. Один раз, другой. Увёртываясь от третьего, он очутился перед автобусом. Один на один. На сей раз возможности для манёвра были исчерпаны, ослеплённый фарами, он закрыл глаза и пал на асфальт – в летящее навстречу узкое пространство. Разминуться не удалось. Сомкнулась незримая пасть, уцепилась страшными зубами и потащила за собой, отрывая от асфальта. Конец был близок. Всего один волосок отделял его от гибели. И тогда, рвя связь с жизнью и жертвуя собой, он использовал крик, благой мат во всю мочь – средством оповещения света о своём рождении заново. Свет услышал. Движение остановилось.

Происшествие и вид самого Боронока, вылезающего невредимым из-под колёс, потрясли пассажиров автобуса. Все как один они высыпали наружу и облепили его. Им, случайным встречным, конечно, было невдомёк, что стоны и ахи ни к чему, это всё не просто страшное стечение обстоятельств – рука судьбы, одно из ниспосланных свыше испытаний, очередной этап пути преодоления себя и достижения необходимых закалки, крепости и мужества.

...Курилка дымилась, как потревоженный вулкан. Боронок бросил окурок наземь и растоптал его.

– Среди всех этих гавриков и гайдуков я признаю только Запарку, – подал голос он. – Что скажет, то и сделаю. Скажет – закопайся, закопаюсь. Прыгни в окно – прыгну. Остальным я живым не дам. Пусть занимаются своим привычным делом – приручают голубей.

Он встал, расправил плечи.

– Ну, всё, пацаны, расступились. Хочу выйти.

Пространство вмиг поредело.

В конце курилки, преграждая путь наружу, спиной к Боронку стоял, сладко потягиваясь, равнодушный ко всем земным страстям Налимыч.

– Здорово, Налимыч!

Налимыч повернулся.

– А, это ты, Боронок, – сказал он, зевая. – Чего здороваешься несколько раз на дню? Виделись же.

Заметив протянутую руку, он пожал плечами и протянул навстречу свою.

– Здорово.

Рукопожатие замкнулось. В следующую секунду Налимыч, обмякая и выпучивая глаза, стал медленно оседать наземь. Давление руки Боронок росло, превосходя сопротивление всего Налимыча. Тот опускался всё ниже и ниже. Когда колени Налимыча коснулись земли, гримаса боли, перекосив лицо, достигла апогея, Боронок отпустил его. Налимыч не удержался и сел. Перешагнув через устранённую помеху, Боронок вышел.

Курилка хранила полное молчание.

Второй день сборов. Дождавшись послеобеденного отдыха, у курилки, маскируясь офицерским кителем, объявился змей-искуситель.

– Кому здесь свобода дорога? – вкрадчиво произнёс он.

Минутой позже плотное кольцо студентов окружало начальника тыла части капитана Рыбкина.

– Кто такой Гайдук? – вопрошал он, купаясь в общем внимании. Два передних золотых зуба его, блистая ярким блеском, норовили затмить собою солнце.

– Шишка, – сказал кто-то, выражая общее мнение.

– Ха. – Капитан закурил студенческую сигарету – одну из множества, преподнесенного ему со всех сторон. – Ответ неверный, – пустил облако дыма в воздух он. – Гайдук здесь – гость, воробей на птичьих правах. А настоящий хозяин местной жизни – я. Предлагаю иметь дело со мной. Поработаем? Встряхнём косточки ударным трудом так, чтобы всем врагам тошно стало.

– А как же муштра?

– Муштра? – переспросил капитан. – А что муштра? У вас впереди один месяц. Что можно сделать за него? Морскую болезнь победишь, а плавать всё равно не научишься. Потерянное зря время, пустота. А труд – дело другое, каждый из вас знаком с ним с рождения. Потому здесь лови мгновение, трудись, оставляй след на земле.

– Муштра и труд – одна неволя, – возразили капитану. – Где же тут свобода?

Капитан бросил окурок.

– Выбор – ваша свобода, – улыбаясь, обнажил золотые зубы он.

– Нам экзамены перед Гайдуком держать. Как же без муштры?

– Это моя проблема. Кто со мной – тому экзамены автоматом.

– Круто. А что делать-то?

– Будем строить вольер для свиней.

– Что-о-о? – застигло всех врасплох разочарование. Чары змея вмиг утратили свою силу.

– Никого не неволю, – произнёс капитан. – Я же сказал: ищу тех, кому свобода дорога.

– Подумать надо.

– Думайте.

В результате раздумий круг студентов разомкнулся. Возле капитана остались двое: Налимыч и Степан.

– Мало вас, ребята, – сказал капитан, морщась. – Я рассчитывал на бригаду.

– Мы запеваля, – подал голос Степан. – Сейчас запоём, народ откликнется, подхватит, будет бригада.

– Запевай, – усмехнулся Рыбкин. – У тебя есть время до ужина. Смотри, не упусти его.

– Скажите пожалуйста, – обратился к нему Налимыч, – а есть гарантия, что мы не провалим экзамены?

– Что?

– Вы говорили – кто с вами, тому экзамены автоматом.

– Слово офицера, – подтвердил капитан.

– А-а, – протянул с неопределённостью Вова.

Рыбкин ушёл.

Степан ткнул Налимыча в бок.

– Пляши, Вова! Мы улизнули от Гайдука. Встречаться с ним теперь будем два раза в день – на поверках.

– Я рад, – отозвался Вова, хмурясь. – А ты уверен, что это наша удача?

– Конечно. Ведь Рыбкин прав. Работа – это естественное состояние человека. А когда угрожает муштра – вдвойне. Лучше работать, чем маршировать. Очнись, Налимыч, это большая свобода из двух.

– Хорошо, – попробовал изобразить улыбку Вова. – А ведь я, Стёпа, уже собрался в автономку. Осталось запечатать выход.

– Я догадался.

– Да. Однако повременю, раз такое дело.

– Благодарю Рыбкина.

– За этим дело не станет. Если он и вправду кудесник, моё место в очереди благодарных будет первым.

Песня пропела. Откликнулись Ким, Горыныч, комсорг Коля Раков. Не остался равнодушным и Боронок, выразивший желание присоединиться к бригаде сольным номером – в образе простого универсального домкрата. Слегка задерживаясь, он подходил к месту сбора последним, прицельным взглядом угадывая своё место в строю.

Настроение искрилось. Всех томило радостное возбуждение. Лишь одному Налимычу было не по себе. Рука, знакомая с домкратом, болела. Страшило продолжение знакомства. Однако Боронок был горазд на сюрпризы. Подойдя, он распахнул объятия и обнял его без всякого намёка на насилие: трепетно, нежно, искренне, чуть ли не со слезами на глазах, вынуждая забыть всё плохое и заключить мир.

– Психологическая совместимость – это хорошо, – заметил Рыбкин. – Она – залог успеха любого дела. – Он обвёл взглядом бригаду, остановился на Степане. – Весь список, запеваля?

– Весь, – ответил тот.

– Поздравляю. Продолжение песни за мной. Пошли, спеваться будем по ходу и месту. Боронок оставил Налимыча и с озабоченным видом уставился на капитана.

– Я слышал, вы решили выгуливать свиней? – спросил он.

– Да, – ответил капитан. – А что – тебя это напрягает?

– Нет. Просто интересуюсь.

– Не понял. Что это за интерес такой?

– Взаперти наездников меньше.

– Кого?

– Гадов ползучих.

– А-а, – облегчённо протянул капитан. – Это... Не переживай. Свиньи – твари ещё те. Любого гада порвут, ползучего, стрекучего и даже в людском обличье. Попробуй встань у них на пути.

– Вот как, – протянул Боронок, почёсывая затылок. – Ну я-то с этой фауной незнаком. Думал, ветчина есть ветчина. Однако, если она постоять за себя может, пусть гуляет.

– Вот именно – пусть. – Капитан вдруг помрачнел. – Весной они у меня погуляли. Разнёс хряк дембельский вольер и рванул с ордой по окрестностям.

– Наездники лихие попались? – поинтересовался Коля Раков.

Капитан оставил его иронию без внимания.

– Ловили всей частью. Двух так и не нашли. Удрали. – Капитан горько вздохнул, поминая про себя утрату, затем, сплюнув, продолжил:

– Дембеля, сволочи, пьют сейчас портвейн дома и радуются – обставили Рыбкина, липой отделались.

Лицо капитана вдруг посуровело, он скользнул взглядом по бригаде и пристально уставился на Боронок, как будто разглядев и найдя в нём главного виновника своей беды.

– Ребята, – зазвучал угрожающе капитанский голос, – я вас предупреждаю серьёзно: никаких потёмкинских деревень. Напортачите как дембеля – живыми не выпущу.

Боронок выпятил грудь. Угроза подействовала на него возбуждающе.

Капитан попытался было смягчить свои слова, но Боронок опередил его.

– Работа – это праздник, – сказал он. – Не будем омрачать его пустой болтовней. Показывай дорогу, командир.

Тыл части был оголён. Никаких знаков, забора и КПП. Границей с внешней жизнью служил лес.

Оживлённо переговариваясь, бригада во главе с капитаном пересекла большую лужайку и остановилась перед длинным приземистым зданием.

– Вот, – ткнул перед собой рукой Рыбкин, – это и есть наша ферма. Прямо перед ней – на этой поляне – мы и построим наш новый вольер. Старый дембельский был деревянный. Пустили мы его на дрова. Теперь будем ваять железный. Столбы, – махнул он рукой вертикально, – сетка, – рассёк воздух по горизонту. – Садитесь здесь, обустройвайтесь. Вон сварщик местный сидит, познакомьтесь, он будет помогать нам. А я пока отлучусь кое-куда, вернусь, тогда и начнём.

– Как звать сварщика? – спросил Коля Раков.

Капитан ответил.

– Как? – переспросили все.

Капитан повторил.

Сварщик был мужчиной лет пятидесяти, весь заросший щетиной, довольно угрюмого и неприятного вида. По первому взгляду казалось, он явился сюда не работать – свести счёты с жизнью. Компания усевшейся рядом молодёжи не произвела на него абсолютно никакого впечатления. Немое самоистязание было в разгаре.

– Всё сварка проклятая, – сочувственно сказал Боронок, глядя в хмурое лицо работника. – Допекла парня.

Отверженный не шевелился. Весь вид его говорил – ему не до разговоров.

– Может он с бодуна? – предположил Налимыч.

– Нет, – поспешил возразить Горыныч. – Ты принюхайся, он свежими яблоками пахнет.

– Что-то личное, – молвил Степан, выражая своё мнение.

– Грош! – вдруг гаркнул Коля Раков.

Сварщик вздрогнул.

– Откликается! – закричали все.

Оживлённо потирая ладоши, Боронок подсел к сварщику вплотную.

– Куй железо, пока горячо!

– И чего? – насторожился тот.

– Откройся нам, – убедительным тоном заговорил Боронок, – всю правду без утайки, кто ты, чем дышишь, за что нам любить тебя.

Огорошенный сварщик захлопал глазами.

– Меня любить? – Он замотал головой. – Не надо. Люби Рыбкина. Он медаль даст.

– Само собой. А как насчёт деревенских развлечений?

– Иди и развлекайся. Я при чём?

Боронок взял паузу. Он начал пристально разглядывать Гроша, с интересом коллекционера, встретившего редкую экзотическую бабочку.

Грош заёрзал.

– Грошова опера у тебя получается, – произнёс Боронок, нахмуриваясь. – Никакой правды жизни. Вспоминай, чем жажду утоляют в деревне. А то у нас без вариантов, голяк – один одеколон.

Какая-то неуловимая перемена промелькнула в Гроше. Он оторопело уставился на Боронок.

– Признавайся, гонят самогон? – задал прямой вопрос Боронок.

Слова дошли до ушей Гроша.

– Само собой, – ответил он, изображая отдалённое подобие улыбки. – Могу похлопотать, если охота.

Боронок хлопнул сварщика по плечу.

– Другой разговор. Вот ты и открылся. Будем любить тебя.

Глава третья

Спустя неделю Степана ждало чудо. Устанавливая очередной железный столб в яму, он услышал откуда-то издалека:

– Грека! Тебя две девчонки ждут.

Не слышалось. И гадать не приходилось. Илона и сестра. Столба с ямой как ни бывало.

Он нашёл их перед КПП.

– Чем вас кормят? – первым делом после объятий по-взрослому осведомилась Виктория.

– Мечтами, – вздохнул Степан.

– Мечты материализовались, – вступила в разговор Илона. – Бери сумку, солдат. Мы еле дотащили её вдвоём.

Путь в казарму выдался на редкость оживлённым. Весть о гостях с быстротой молнии облетела часть и кругом стало зелено от хаки – армейской молодёжи с диким жадным блеском в глазах. Вчерашние пацаны, оторванные от вольной жизни долгом перед Родиной, сбежались пережить миг встречи с ней наяву.

Виктория шла впереди, открыто и по-детски получая свою долю внимания и от души купаясь в нём. Илона тушевалась, стараясь выглядеть как можно более незаметно.

– Ой, Стёпа, – прошептала она, проходя мимо большой группы солдат, – что-то мне не по себе. Смотрят как кровожадно, будто людоеды.

– Не бойся, – поспешил он успокоить её. – Между вами море брома. Эту заразу не переплыть. Только смотреть и остаётся.

– Вам дают бром?

– Конечно.

Она взглянула на него. Немой вопрос отразился в её глазах.

– Не беспокойся, – улыбнулся он. – Как видишь – я учусь держаться на плаву.

Она отвернулась и через несколько шагов ткнула его в бок. За слишком грубый солдатский юмор.

– Мама скучает. Прислала тебе письмо. Папа передаёт привет. «Полосатый», как всегда, занят своим огородом.

Лёжа на койке, Вика щебетала без умолку.

Илона и Степан сортировали привезённую провизию, раскладывая её направо и налево – для срочного и длительного хранения.

Закончив сортировку, Степан оглядел всё сказочное пищевое изобилие и, не удержавшись, ухватился за голову.

– Придётся делиться с пацанами. Иначе буду раскулачен.

– Тебе виднее, – согласилась Илона. – Вам вместе жить.

Отсортированные продукты заняли место в тумбочке и походной сумке. Сев передохнуть на койку, Степан посмотрел на взявшую паузу сестру.

– Какие новости на личном фронте? Воспользовалась моим отсутствием?

– Стёпа! – с укоризной произнесла Вика. Спohватившись, сунула руку за пазуху, повозилась и вытащила маленький плеер с наушниками.

– Смотри, что я купила! За те деньги, что ты мне дал. Помнишь?

– Помню.

– Спасибо тебе. У меня с собой «Моден Токинг». Хочешь послушать?

– Не больше одной песни. И то – если потом заслушать «Бон Джови».

– «Бон Джови» нет, – вздохнула Вика.

– Тогда не надо, – отмахнулся Степан. – Один «Токинг» не по мне, слишком сладок на слух, слушай сама.

Следуя словам брата, Вика надела наушники и, увлечшись музыкой, затихла.

Степан устремил взгляд на Илону, ясный и открытый, стремясь разглядеть в её глазах одно небо на двоих. Увидел море.

– Бром, Стёпа, – улыбаясь, объяснила Илона. – Бром. – И поджала ноги под себя, притворяясь неувловимой русалкой.

Подобное поведение не охладило пыл Степана. Искра за искрой пламя страсти охватило его, обещая сжечь дотла, но одолеть любое море.

Пришло время прогуляться. Они вышли из казармы, прихватив с собой сумку с продуктами, и направились в лес. Подальше от людского внимания.

Небольшая заросшая травой поляна. Едва устроившись, Степан похлопал себя по карманам и, изображая сожаление, произнёс:

– Курева нет.

Хитрым взглядом глянул на сестру.

– Вика, будь другом! За казармой офицерское кафе, сбегай, купи сигареты. – Он вытащил мелочь из кармана. – Пачку «Родопи».

Вика подняла брови, перевела вопрошающий взгляд на Илону.

– Отставить, – немедленно отреагировала та. – Разве можно менять курево на братскую любовь? Любовь дороже.

Степан сорвал травинку, сунул в рот и, жуя, поднял глаза в небо. Девчонки затаили дыхание. Ах, какая досада эта любовь!

Разжевав травинку в полном молчании, Степан сплюнул.

– Свидание у меня, – решительно заявил он. – Делим любовь пополам. Вика, погуляй немного.

На сей раз обошлось без уловок. Вика заговорщицки улыбнулась Илоне. Ни слова не говоря, поднялась и повернулась лицом к чаще.

– Далеко в лес не уходи, – бросил ей вслед Степан.

Они остались наедине.

– Привет, – прошептал он.

Илона насмешливо взглянула на него.

– Мне кажется, я слышу настоящего мужчину?

Вместо ответа он обнял её, крепко-крепко, за все дни разлуки, наслаждался долгим поцелуем и увлёк за собой в траву.

На лужайке кипела работа. В поте лица своего трудилась вся бригада. Выбрав место почище, Степан и его спутницы остановились.

– Эй, – крикнул он, – братья по разуму, обезжиренные!

Бригада, отзываясь, бросила работу. Смущённо улыбаясь, двинулась навстречу. Последним, вслед за всеми, подошёл Боронок. Впечатлённый, пожал руку Илоне, затем Вике. Удерживая ладошку девушки дольше положенного, засмотрелся на неё, словно ища отличия от брата. Вогнал девушку в краску.

– Эй, – отвлек его Степан, – смотри, сколько еды – ешь не хочю. Угощайся!

Угощение было разделено на всех. Хотя бригада отобедала, принесённые в сумке припасы растаяли буквально на глазах, без следа.

День постепенно подходил к концу. Обеспокоенный близостью вечера, Степан решил ускорить отъезд девушек и проводить их ещё засветло.

Они прощались, стоя перед КПП. Из окна, ничуть не стесняясь, опершись на подоконник, на них глазел дежурный офицер.

– Переводишься? – спросил Степан Илону.

– Да. Все документы уже сдала, собеседование прошла. Буду врачом. – Присмотревшись, она стряхнула с его плеча несколько своих волос.

– Изменщица.

– Зато буду всё знать про тебя, как ты устроен, чем живёшь и дышишь.

– А сейчас разве не знаешь?

– Тсс, – приложила палец к губам Илона. – Мы не одни.

Степан покосился на сестру. Ушки на макушке. Предупреждение прозвучало вовремя.

Пришёл момент расставания. Долой слова и границы. Любовь делилась в открытую на троих.

Несмотря на близкое родство, Виктория не была копией красавца брата. Она родилась его тенью. Однако постепенно с возрастом в ней росло и формировалось женское начало, цельное и настоящее, способное сиять самой внутренней красотой. Отражённым светом своего начала возвращалась Вика домой. Одна из настоящего женского рода. Земная красавица.

– Лёша! Виктория звонила с вокзала. Они вернулись. Через полчаса подъедет к дому. – Переговорив с дочерью по телефону, обрадованная мать поспешила в гостиную.

Отец лежал на диване, смотря телевизор.

– Через полчаса? – переспросил он. Взглянул на часы. – Ночь на дворе. Лягушка-путешественница. Надо идти встречать.

– Иди, – согласилась мать.

Управившись с маминым ужином и держа большое яблоко в руках, Вика с ногами забралась на диван.

– Ну, рассказывай, как наш Стёпа, – подседа рядом мать.

– Нормально, – сказала Вика, кусая яблоко.

– Рад был видеть тебя?

– Да.

– А девушку свою?

– Илонку? Ещё бы! Она ему такую сумку еды собрала... Вот! – раскрыла она руки.

– Свадьба скоро? – спросил отец.

– Я не знаю.

– А вы всё время рядом были? – поинтересовалась мать.

– Конечно. От начала и до конца. Там все на виду, никуда не скроешься, даже если очень захотеть. Стёпке даже едой пришлось делиться, а то неудобно. Друзья у него хорошие. Один такой...

Вика остановилась, пытаясь найти точное определение.

– Большой. Мне кажется он сильнее всех. Даже нашего папки. Точно. Если бы вы встретились, он бы тебя одной левой...

– Мне бы его года, – взволновался отец, – тогда бы померились силами.

– Ладно, ладно, – вмешалась мать, вставая на защиту мужа. – Заговорились, поздно уже, сейчас мы папу уложим, а с тобой, Вика, ещё на кухне поговорим.

За полночь, когда сил разговаривать уже не осталось и Виктория начала потихоньку ронять голову вниз, мать встала и принялась убирать на столе. Остатки ужина, блюдце с застывшим вареньем, недопитый чай. Мельком глянула на дочь.

– Спать сегодня будешь как младенец, – с улыбкой сказала она.

– Ага, – потягиваясь, зевнула Вика.

– И хорошо, что съездили. Стёпка как-будто снова рядом с нами.

Родная уютная постель. Виктория засыпала. Улетали прочь сосны, ели, берёзы, мелькали чужие и родные лица... И вдруг, затмевая вся и всех, объявился он. Большой. Сказочный герой, молвящий сквозь время и пространство:

– Спокойной ночи!

Мать Илоны была из тех женщин, которые никогда не стареют. Возраст был не властен над ней – с годами она становилась ещё краше и привлекательней.

Со своим мужем, отцом Илоны, она рассталась ещё когда та была ребёнком. С тех пор они практически исчезли из жизни друг друга. Через общих знакомых до неё доходили слухи о его отъезде за границу, работе якобы в торгпредстве и даже новой семье. Она была бы рада, если бы эти слухи оказались правдой. Их совместная жизнь не сложилась, но каждый имел право на счастье. Своё счастье она нашла в дочери и работе. Хирург. Женщина на страже чужих жизней. Гроза отчаяния и боли. Днём и ночью. Коллеги-мужчины, боготворя, готовы были пасть к её ногам при первом удобном случае. Однако случай не предоставлялся. В этой жизни её выбор был определён. Ею самой и, как она полагала, судьбой.

Тихим поздним вечером маленькая кухня двухкомнатной квартиры в старой кирпичной пятиэтажке на улице с радужным названием Благодатная была полна света.

Илона сидела перед матерью. Они пили чай.

– Что, доча, съездили?

Илона зажмурилась.

– Ой, времени не заметила. Будто слетали.

– Нравится он тебе?

– Да.

– Не торопись говорить ему об этом.

– Он знает.

Мать внимательно посмотрела на дочь.

– Нетрудно было догадаться. – Пригубила чашку. – Что-же, тогда в добрый путь.

Илона готовилась ко сну. Живой Стёпа стоял перед глазами. Исхудавший, растерянный, с улыбкой до ушей. Первые минуты встречи. Перед поездкой она решила, что не даст ему никакого шанса пустить руки в ход. Железная решимость и опора в виде Вики были на её стороне. Она готова была держаться. Кто знал, что вид, запах и тепло любимого окажутся сильнее...

Постепенно вокруг лужайки рос частокол железных столбов. Рыбкину не терпелось увидеть хотя бы фрагмент будущего вольера и он велел как можно скорее приварить к столбам несколько рам из сетки. Пирамида рам лежала в полной готовности неподалёку. Пока бригада обедала, двое взялись за работу. Сняв с верхушки пирамиды раму, Боронок понёс её к двум столбам, где наизготовку в амуниции сварщика замер Грош.

– Как варить начну, ты на сварку не гляди, – предупредил Грош. – А то неровён час – схлопочешь зайчика.

– Что за зверь?

– Раз-два слепанёт, потом слезу будет сутками вышибать – такой вот зверь.

Боронок примкнул раму к столбам и, держа её на весу, послушно отвернулся.

Грош опустил маску, чиркнул электродом по столбу, высекая искру, и удовлетворённый, принялся за дело.

Сварка длилась минуту-две, как вдруг Боронок, казалось, слившийся единым целым с железом, встрепенулся.

– Слушай, Грош, кажется, лихорадит меня.

– Чего? – спросил Грош, не прерывая сварки.

– Трясёт, говорю.

– Это ток. Так и должно быть. Сыро вокруг. – Грош прервал работу. – Выравняй-ка раму чуток, – скомандовал он.

Боронок исполнил команду. Решив помочь рукам, в качестве дополнительной опоры подsunул под раму ногу. Вспышка, разряд и сильная конвульсия сотрясла его с пят до головы.

– А-а-а! – закричал он, едва удерживая раму.

– Держи! – рявкнул Грош, тыча электродом. – Держи, пока не прихвачу.

Сноп искр, трескучий ослепительный свет, железо, калясь и плавясь, поплыло ручьём лавы. Столб и рама насильно соединялись между собой.

– Всё, – выдохнул Грош, поднимая маску.

– Ух, – ответил ему Боронок, убирая ногу из-под рамы.

Уставившись на твердеющий шов, Грош молча порадовался своему мастерству. Взглянул на Боронка.

– Сыро сегодня, – почесал лоб он. – Надо пережить.

Сварка продолжалась. Одна рама, другая, третья... Рука Гроша, вооружённая электродом, подрагивала, методично круша, плавя и смыкая части железа. Отдача терзала Боронка.

– Грош! – вскрикнул он, извиваясь от очередного разряда.

– Чего?

– Ой-ё-ёй!

– Сыро, – отвечал Грош.

– Грош!

– А?

– А-я-яй!

Устав от жалоб, Грош остановился. Поднял маску.

– Маэто тебе?

– А сам попробуй!

– Сам?! – вскричал Грош. – Да где он, этот ток? Покажись!

Являя собой живой пример железного бесстрашия, он ткнул в воздух обгоревшим электродом.

То была последняя капля. Немедля в ответ Боронок вцепился в раму, бешеным усилием оторвал её и поднял над головой.

Короткое замыкание.

Сварщик, открыв рот, замер.

Бум-м-м, упала брошенная рама.

– Живца нашёл? – прохрипел Боронок, судорожно кривя лицо и разминаясь. – На тебе!

Грош сорвал маску и в сердцах бросил её наземь. Всё вышло из-под контроля. Конец работы. Конструкция требовала немедленного заземления.

Помимо свиней на ферме постоянно находились двое солдат-срочников. Полностью освобождённые от службы, они шефствовали над животными, обслуживая их, ухаживая и потакая всем капризам. За такую близость к свиньям парни были вынуждены мириться с участью отверженных, живя и трудясь в зоне отчуждения. Граница нарушалась лишь самостоятельными выходами на кухню, да визитами повара. Повар находил на ферме убежище и покой, свинари же получали от него свежие новости и гостинцы. Союз зиждился на крепкой взаимовыгодной основе. Присоединилась к данному союзу и проводящая свои трудовые будни на ферме бригада.

– Совсем крысы обнаглели, – жаловался повар во время одной из общих посиделок, угощая всех сухофруктами. Его юношеское лицо, украшенное чёрными вразлёт бровями,

тоненькими усиками и выдающимся орлиным носом, выражало большую озабоченность. – Рано утром выползают и шастают по столовой, как у себя дома. Жирные.

– Откормились на солдатских харчах, – заметил Налимыч.

– Не-ет, – отмахнулся повар. – Харчи под охраной. Они отбросы жрут, что сюда свиньям собираем.

– Это непорядок, – подал голос Коля Раков. И посоветовал: – Котов натравите.

– Пробовали. Коты их боятся.

– Значит, надо дрессировать.

– Я – что, дрессировщик?

– Учись. Становись им от такой жизни. Поймай крысу за хвост, сунь мордой в ящик, туда же кота. Выживет, значит, будет крысоловом. Нет – повтори. Работай, пока не получится. Главное, чтобы котов хватило.

Повар задумался. Казалось, слова Коли произвели на него впечатление. Было в них нечто, побуждающее к действию.

Спустя два дня личный состав части, за исключением караульных, устремился в дальний марш-бросок. На ферме воцарилось праздничное настроение, можно было расслабиться и отдохнуть. У повара тоже возрадовалась душа, он дал знать о себе, прислав на ферму вестового – с приглашением потешиться зрелищем поединка животных.

– Что он дурак, твой повар? – лениво отозвался Боронок, разглядывая не в меру возбуждённого вестового. – Какая нам радость от этого?

– Мы кошку с крысой в окно посадили, между стекол – чтобы всё видно было. Меня за это кошара вон как расцарапала. – Вестовой показал руки, кровоточащие свежими царапинами.

– И что крыса? – спросил Боронок, поневоле оживляясь.

– Ждём вас. Пока не стравляли.

Возбуждение мигом охватило всех. Поединок, драка зверей. Конечно, такое зрелище не для одиночки, повару действительно требовалась компания. В обратный путь вестового сопровождала вся бригада, за исключением Гроша, оставшимся верным своему ремеслу.

Животные находились в разных углах окна. Рассевшись перед ним, публика затаилась.

Горели, не мигая, пронзительным огнём глаза кошки. Сидя за стеклом, словно за стеной, она была подобна застывшему каменному сфинксу.

Иным было поведение крысы. Рождённая во тьме, добычей света, она стремилась всячески поладить с ним – привстав на задних лапках, качаясь из стороны в сторону, туда-сюда, и непрерывно исследуя воздух носом.

Потакая общему зрительскому нетерпению, повар нагнулся, подхватил с пола тряпку и метнул её в окно. Стекло задрожало от удара. Сигнал был красноречивей некуда. Однако должного гладиаторского отклика он не получил – животные остались на своих местах.

Повар и Боронок переглянулись.

– Время – деньги, – сказал Боронок. – Пора драться.

Кивнув, повар поднялся и направился к окну.

Это возымело действие. Не дожидаясь приближения человека, крыса опустила на четыре лапы и устремилась в кошачий угол.

Все оцепенели. Два кровных врага сошлись. Крыса попыталась перебежать через кошку. Та заблокировала движение. Возня, ужимки, мелькание зубов и когтей. И, наконец, всё успокоилось. Крыса заняла место сверху, кошка – под ней.

– Брэйк, брэйк! – отчаянно закричали зрители.

Повар вооружился палкой, открыл переднюю раму и, сунув палку в щель, принялся разъединять бойцов.

Кошка в страхе попятилась, крыса, напротив, сгруппировалась и, прыгнув вперёд, вступила в отчаянное противоборство с палкой.

Упоённо, с азартом, коля и рубя, фехтовал повар палкой. Удары сотрясали крысу от носа до хвоста. Терпя, она сражалась.

Повар решил сменить руку. Крыса воспользовалась моментом и цепкой наездницей оседлала конец палки. Не успел повар моргнуть глазом, как палка оказалась объезжена – морда крысы сунулась наружу в щель.

Повар бросил палку, ухватился за раму и с грохотом захлопнул её. Но было уже поздно. Пленница вырвалась на волю. Прыжком сиганула с подоконника на повара, скользнула по нему вниз, соскочила на пол и, петляя, побежала в сторону кухни. Потрясая кулаками, повар бросился за ней.

Отчаянное мяуканье кошки привлекло внимание бригады. Оставшаяся в одиночестве пленница требовала своей свободы.

Делать было нечего. Представление кончилось. Бригада поднялась с мест, выпустила кошку и, оживлённо переговариваясь, направились к выходу из столовой.

Покинуть столовую мирно не удалось. Примерно на середине пути их поджидало серое видение. По виду – сытому и наглому – сама подруга крысиного короля, беспечно развываясь, нежилась на полу.

– Бей! – вырвался из глоток единый крик.

В руках мигом появились сапоги и ремни. Истосковавшиеся по адреналину зрители ринулись в бой.

Шансы были не в её пользу. Крыса распласталась на полу, оценивая обстановку. Оценила. И, вскочив, бросилась навстречу. Одна против всех. Смешала ряды атакующих и юркнула в брешь. Горыныч замахнулся ремнём. Свист, удар пряжкой... Мимо. Эстафету принял Налимыч. Разбег, пинок. Носок сапога разминулся с серой бестией и нашёл голень Горыныча. Хряп. Тот захватался руками за воздух, выронил ремень и осел, мгновенно белея. Протяжно воя, опрокинулся назад, вернулся и закачался. Туда-сюда.

Бригада окружила раненого.

– Горыныч, ты окучен, – с видом знатока заметил комсорг.

Горыныч остановился, взглянул на него и выдохнул:

– Умри, Коля Раков!

Растолкав всех, перед Горынычем присел Боронок.

Унял суету замелькавших перед собой рук, снял сапог с пострадавшей ноги и, обнажив рану, исследовал её.

– Пустяк, – заметил он спустя несколько секунд. – Завтра будет на что посмотреть, а сейчас – ерунда.

Схватив Горыныча за уши, он потряс его и скомандовал:

– Крови нет. Ты здоров. Собирайся, пошли.

Энергия Боронок придала Горынычу мужества. Лицо его порозовело, охая, он пришёл в себя, поднялся на ноги и к радости товарищей, хромя, сделал шаг вперёд.

Выход из столовой. Здесь их ждал ещё один призрак. Уже иного рода. Гайдук. Столкнувшись с ним, они хотели было исчезнуть без следа, но грозный окрик, парализуя, остановил их.

Гайдук разглядывал их несколько секунд.

– Бригада! – сказал он, презрительно кривя лицо. – Проданные души. Товарищи их маршем истязают, а они без всякого стыда их имя позорят. Того и гляди, самого полковника затопчут, не оглянутся.

– Что с ногой? – обратился полковник к Горынычу.

– Упал, – ответил тот, морщась.

– Жаль не в моём присутствии. Потешил бы старика. В твоём ведь возрасте падают либо от лени, либо от вина. Другого не дано. А ну, дыхни!

– Ха, – выдохнул Горыныч прямо в лицо Гайдуку.

– Ленивый, – оценил результат полковник. Повёл носом, принюхиваясь к остальным.

– А-а-а, – уставился он на Боронка. – Главный ёрш мелководья, баламут подполья, партизан.

Боронок поднял глаза вверх, словно пытаясь вообразить себя хотя бы одним из перечисленных образов. Не получилось. Глаза вернулись обратно. Невинные.

– Во! Где-то я уже это видел. А! – приседая, хлопнул себя по ляжкам Гайдук. – Вспомнил – Иоганн Вайс без памяти.

Левый глаз Боронка непроизвольно дёрнулся.

– Что? – нахмурился Гайдук. – Есть возражения?

– Нет, – сквозь зубы ответил Боронок.

– То-то, – упиваясь своей властью, расслабился Гайдук. – Чти старшего. За это я, так и быть, похлопочу о твоём будущем. Забирай с собой лентя и марш за мной, примерять хомуты. А вы, – обратился Гайдук к бригаде, – передайте от меня привет своему альфонсу Рыбкину. Пусть справляется меньшим числом. Эти двое – теперь моя отдушина. Ну, пошли, жеребцы.

И тщедушный полковник, тыча в спины, погнал Боронка и Горыныча перед собой вперёд.

Это был настоящий конец шоу. Такого не мог предугадать никто. У гладиаторов животного мира – крысы и кошки – оказывается, был свой небесный покровитель.

Несколько дней настроение было хуже некуда. С утра до вечера все работали, опустив головы, молча, без звука. Временами тишину нарушал голос Гроша, в одночасье на безрыбье возомнившего себя пупом земли. Никто не был в состоянии дать ему отпор. Призрак Гайдука страшным чудищем витал перед глазами, парализуя волю.

Полным составом бригада встречалась в казарме. Охомутанные Боронок и Горыныч возвращались под вечер – зализывать раны и пытаться забыться на время общим сном. Пахота их была тяжёлой. В гараже находился отживший своё старый облезлый УАЗ Гайдука. Им было велено вдохнуть в него жизнь и сделать крылатым.

Отчаяние угнетало. Однако жизнь постепенно брала своё. Внутри созревала острая потребность в разрядке. Рассказы солдат-свинарей о близости воли – в деревне, за лесом – подливали масла в огонь.

Вскоре Боронок велел передать Грошу, чтобы тот раздобыл гражданской одежды и самогон. Было решено готовиться к вылазке.

Близилась выходная. Деревня грезилась субботней танцевальной вечеринкой. И, как нельзя кстати, Гайдук засобирился по семейным обстоятельствам в город. Лучшего времени для осуществления задуманного было не придумать. Утром в пятницу на ферме появились деревенское зелье и одежда на десятерых. Оставалось дожидаться отъезда полковника.

Гайдук уехал.

Радости не было предела. Однако они не успели вдоволь насладиться ею. В самый разгар торжества, как чёрт из табакерки, объявился Фатуйма.

Грянул гром среди ясного неба.

Бороновать Боронка. Круглосуточным нарядом до понедельника.

Такова была оглашённая вслух последняя воля призрака.

Глава четвёртая

Они шли походным маршем, переодетые. Ветер свистел в ушах. Огонь пылал внутри. Сначала самогон показался простой сивушной водой, но Грош не обманул. Большой Литр дал шороху. Он разметал всю компанию в стороны, усыпил свинарей, отключил Налимыча, уронил на четвереньки Колю Ракова и оставил на ногах только их двоих. Сейчас, шагая по главной деревенской улице, мимо божьих одуванчиков, лающих псов и каких-то дикарей, они, Степан и Ким, совсем не замечали потери. Казалось, их – целая бригада, они все вместе и каждый из них – Боронок.

На крыльце большого дома, украшенного вывеской: «Дискотека», они остановились, повернулись друг к другу и обнялись.

– Грека!

– Ким!

Хотели растянуть объятия, но сзади поднапёрли. В дело вмешалась местная разгорячённая молодёжь. Внеся внутрь дома, не давая опомниться, она подхватила, закружила и заразила их общим плясом. Руки, ноги, тела заходили ходуном, деревенская дискотека – прочь церемонии, пляши и бери от жизни всё, пока молодой.

В самый разгар пляса Ким узрел перед собой живое девичье лицо. В порыве страсти едва не облизнул его. Девушка рассмеялась. Принюхалась и, приняв за своего, прижалась к нему всем телом. Степан почувствовал рядом упругое бедро её подруги. Веселиться стало ещё веселее.

Песни сменяли одна другую. Басы пробирали до пят. Веселье, веселье, веселье! Внезапно Степан ощутил какое-то движение сзади. Толкнулся в ответ. Толчок вернулся. Не удержавшись на ногах, он упал лицом в пол.

– Наших бьют! – раздался голос Кима.

Сигнал боевого клича. Разлёживаться было некогда. И, вступаясь за наших, Степан поспешил вскочить на ноги.

Лес махающих рук. Поддаваясь общему порыву, он дал волю своим рукам, махая, попадая и зажмуриваясь в ответ. Спонтанная, дикая и беспощадная рубка – все против всех.

– Где наши? – закричал Степан, внезапно сталкиваясь с Кимом.

– Здесь, – ответил Ким, хотел было что-то добавить и исчез. Чужой страшный до одури Квазимодо, плясь оловянными глазами, предстал вместо него.

– Ким! – закричал Степан, размахнулся и ударил кулаком по страшной роже. Кулак сгинул вслед за Кимом.

Потеря была страшной. Степан едва не заплакал.

– Отдай! – закричал он, кидаясь вперёд головой.

Квазимодо дрогнул.

Кулак вернулся на место, вместо страшной чужой рожи Степан увидел Кима.

Друзья успели порадоваться новой встрече, но на свою беду – гораздо горячее, вдохновеннее и продолжительнее, чем следовало бы. Внезапно драка стихла. Оба оказались на лобном месте – перед самой дверью. Миг прозрения. Одни против толпы. Самогон пылал в крови всех. Но деревенской крови было больше. Сгореть?

– Грека!

– Ким!

Нет, жизнь дороже. И, выпуская пьяный дух, трезвой памятью они обратились в бегство.

Погоня гналась следом, по пятам. Какие-то минуты и кончилась деревня. Лес, земля, поросшая сорняками, бараки.

– Беги! – крикнул Ким, виляя в сторону и исчезая.

Степан хотел броситься за ним, но передние настигали и, извернувшись, пулей он понёсся к родной ферме.

Уже вблизи фермы погоня отстала. Угрозы и проклятия вслед. Спасся, можно считать повезло, если бы не канувший по пути Ким. Радость и горе пополам. И Степан продолжил бег. Он бежал за помощью, поднимать на выручку друга казарму, ребят, Боронка.

Плац. Одинокий взвод. Запарка перед ним. Вечерняя поверка.

– Стой! – гаркнул капитан, прерывая бег.

Степан остановился.

– Ко мне!

Тяжело дыша, едва не задыхаясь, Степан приблизился.

– Почему в гражданском? – спросил капитан.

– Они вольер строят для свиней, – подал голос кто-то из взвода.

– Слышал, – усмехнулся капитан. – Солдатскую форму сменил, а бегать всё равно приходится. Свиной дух покоя не даёт?

– Нет, – ответил Степан. – На нас напали.

– Кто?

– Местные. Кима поймали. Убивают.

Степан перевёл дух. Поднял глаза на Запарку. Теперь делай, что хочешь, капитан. Вся ответственность на тебе.

Шеренга зашумела.

– Отставить! – бросил Запарка. Выпрямился, вонзил взгляд в Степана, глубоко, до самой правды.

– Ким кто – наш?

– Да.

– Тоже строитель?

– Да.

– Взвод кру-гом! – скомандовал капитан, меняясь в лице. И бросил Степану:

– Веди.

Земля содрогалась от топота ног. Степан бежал впереди, взвод за ним и сзади, замыкая строй, один за всех – Запарка.

Ферма, лес. Показались бараки, те самые. Рывок. Замедляя бег, Степан остановился.

– Здесь!

– Ким! Ким! – закричала десятками голосов подмога.

Пространство завибрировало от оглушительного зова.

Тщётно – кругом пустота, в ответ – никакого отклика.

Неужели опоздали? Внезапно среди отчаяния Степану что-то почудилось. Он шагнул в тень, пошёл, углубляясь в неё и неожиданно, споткнувшись, очутился перед ямой. Она была обитаема. Он уловил движение. Различил голову. И шестым чувством опознал раскосые глаза с улыбкой до ушей. Друг нашёлся!

Казалось, неиссякаема эмоциями была встреча. Радости не было предела. Она переполняла всех.

– Где враги? – вернул в реальность капитан.

Ким и Степан разомкнули объятия. Посмотрели друг на друга и повернули головы в сторону деревни.

– Там, – не сговариваясь, сказали оба.

И действительно, там – на границе деревни, сливаясь грозной тучей, маячила вражья сила, толпа местной молодёжи, разгорячённая и взбудораженная ожиданием развязки беспокойного вечера.

Все стихли.

– Взвод кругом! – скомандовал Запарка.

– Товарищ капитан! – раздались протестующие голоса.

Но капитан был неумолим.

– Исполнять! Всем обратно – в расположение части.

– А вы?

– А я сам по себе.

Толпа ждала.

Уверенным шагом Запарка подошёл и остановился перед ней.

Темнело. В бликах догорающего света дня две стороны, сойдясь, выражали решимость выискать удовлетворение друг с друга. Туз с головы до пят и сборная разношёрстная колода.

Условный знак, волнение и толпа расступилась. Вперёд вышел долговязый с колом наперевес. Приглядываясь, вытаращил глаза.

– А-а-а! – внезапно закричал он со всей мочи, поднял кол и устремился на Запарку.

Не миновать беды... Хрясь – приняв удар, брызнула во все стороны земля перед капитаном. Запарка не пошелохнулся.

Долговязый взглянул на него, выронил кол и отшатнулся.

Резким махом полетела наземь фуражка. Следом – пуговицы воротника, ремень. И словно страшная невидимая сила вырвалась наружу.

Толпа замерла.

– Айда со мной, – шагнул ей навстречу Запарка. – Умрём вместе!

Руки капитана, маня, раскрылись...

Они ждали его на плацу всем взводом, возбуждённо переговариваясь и беспрестанно курая. Он появился неожиданно, откуда ни возьмись, словно вынырнул из-под земли, весёлый и невредимый, с ремнём на плече, фуражкой в руке. Обвёл всех шальным взглядом, остановился на Киме.

– Молодец, что отсиделся в яме. Как поёт Высоцкий: коридоры кончаются стенкой, а тоннели выводят на свет.

Посмеявшись со всеми, взглянул на часы.

– Впечатлительным – оставить все впечатления при себе. Военная тайна. Гайдук узнает – пеняйте на себя. На сегодня это всё, свободны. Дуйте по койкам, шагом марш!

Смотря уходящим воспитанникам вслед, капитан задержался на плацу. Улыбка появилась на его лице. Как воспитатель он был более чем доволен. Ай да вылазка! Реальная мимолётная... Она одна стояла целого месяца муштры.

Боронок кинул в ведро очищенную картофелину, потянулся к громадной куче нетрогнутой кожуры, взял новую и принялся с остервенением чистить её.

Только что из кухни вышли Степан и Ким, помятые и счастливые, укаченные от души опасным аттракционом местной деревенской жизни.

– Я убью Гайдука, – произнёс он, мрачно глядя перед собой. – Попроюсь к нему ночью, вопьюсь в горло и выпью всю кровь. Пусть даже потом отравлюсь – всё равно. Старый полкан. Нашёл время для картошки.

Боронок был возбуждён. Произошедшие события никак не могли оставить его равнодушным.

– Жаль, что всё кончилось миром. Будь иначе, я пошёл бы с Запаркой воевать вдвоём, – загорелся он. – Слышишь, Горыныч? Мы бы взяли штурмом деревню, не оставили бы ни

одного пленного, а потом всем бы сиротам дали наши имена. Запарка! – взмахнул он левой рукой. – Боронок! – повторил движение правой.

Горыныч молчал. Ему было всё равно. Хомут висел на шее. Ключи от его жизни, свободы и языка находились в чужих руках.

Толпа не тронула Запарку. Он не тронул её. На том и разошлись, удовлетворённые друг другом. Первой – толпа.

Спустя день на лужайке появился деревенский мальчишка лет восьми. Постояв и поглазев на бригаду, он подошёл к ближнему – Коле Ракову. Комсорг, трудясь, засыпал лопатой гравий в яму со столбом.

– Кольча! – представился ему мальчишка.

Комсорг кинул в его сторону недружелюбный взгляд.

– Чего тебе?

– Конфету дай.

– Ха! А две не хочешь?

– Хочу.

Коля остановился и, опёршись на лопату, утёр лоб.

– Иди мальчик отсюда, – сказал он. – Здесь люди делом занимаются и плохо себя чувствуют.

– Дай. А я тебе чего скажу. – Мальчишка поднял брови и состроил серьёзную мину, словно готовясь предсказать будущую Колину судьбу.

– Отвали пацан! – Коля с шумом зачерпнул гравия.

– Не жмоться, дай.

– Катись, шкет!

Шкет! Разговор перешёл границы дозволенного. Искоса глянув на подходящую троицу: Кима, Налимыча и Степана, мальчишка склонил голову и шмыгнул носом.

– За шкета получить можешь, – тихо сказал он.

– От тебя что-ли? – с усмешкой спросил Коля.

– От меня – когда вырасту. А пока – от Рябого.

– Кого?

– Кореша моего.

– Пошёл отсюда! – вступая в разговор, заступился за комсорга Налимыч.

– Ты, толстый, не встревай, – отмахнулся от него мальчишка. – Не с тобой говорю.

– Ах, ты..., – рванулся было в его сторону Налимыч, но увяз в руках бросившихся на защиту ребёнка Степана и Кима.

– Налимыч, вы в разных весовых категориях, – сказал Ким, успокаивая друга. – Остынь.

– А чего он провоцирует?

– Разберёмся.

Когда страсти поутихли, Степан и Ким устремили внимание на мальчишку. Он – на них.

– Пацан с секретом, – убеждённо заметил Ким.

– Думаешь?

– А я видел его на дискотеке. – Ким подмигнул мальчишке. – Здорово, вражина! Разнохивать сюда послан, лазутчиком – собирать агентурные данные?

Мальчишка растерянно захлопал глазами.

– Попался! – довольно ухмыльнулся Ким.

– Конфету дай! – попробовал выкрутиться мальчишка.

Ким сложил фигу и с чувством нескрываемого удовольствия поднёс её ему к носу.

– Выкуси! Я из-за твоих друзей личного счастья в эту субботу лишился. И ещё по морде получил, вместе с товарищем.

– Ладно, – примиряюще сказал мальчишка. – Так и быть, скажу чего пришёл. Конфету будешь должен. Гляди, не заныкай.

– И зачем же ты пришёл?

– Наши ждут вас здесь, в лесу. Картошку пекут, мириться хотят. Вожак Рябой сказал, что не тронет. – Он задумался, вспоминая. – Гарантия безопасности вам обещана.

– Всё?

– Да.

– Это не стоит конфеты. Обойдётся.

Мальчишка обиделся, засопел, но высказаться вслух не решился. Детская личина отошла на второй план, маски были сорваны, уже как настоящий парламентёр он должен был вести себя достойно.

Информация требовала частного обсуждения. Оставив мальчишку, Степан и Ким отошли в сторонку. Откликаться или нет? Какой сюрприз подготовила для них деревня? Какое у них всех будущее – мир или война?

Постепенно, взвесив все за и против, оба сошлись во мнении, что пути в лес не миновать. Следовало открыть карты. Уверенности в своих силах добавляла возможность подстраховаться живым парламентёром. Заложником.

Выпытав у парламентёра маршрут, они заперли его в каморке свинарей, поручили тем приглядывать за ним и, условившись с Налимычем о времени возвращения, отправились в путь. На мирные переговоры.

До условленного места встречи они добрались без помех, довольно скоро. В центре большой, окружённой соснами, поляны горел костёр. Восемь-десять человек сидели вокруг него. Их ждали.

Рябой оказался плотным крепышом. Лицо его было сплошь усеяно веснушками. Казалось, сомкнись глаза с белесыми ресницами – и праздник солнца на отдельно взятом лице был бы обеспечен. Однако хозяину лица было не до того. Глаза его были настороже, буравя отнюдь не солнечные лица гостей.

– Где наш пацан? – осведомился он.

– Остался, – ответил Ким, стараясь выглядеть как можно более убедительнее и непринуждённое. – Какие-то дела там у него.

Вожак усмехнулся.

– Подлиза. За сладкое мать родную продаст. Но моё слово верное, расслабьтесь, будем разговаривать.

– Хорошо, – согласился Ким.

Рябой протянул им руку. По очереди они пожали её.

– А ведь вы не солдаты, – заметил он, приглядываясь. – Умело скосили под наших. Все, как бешеные, перемахались между собой. И дёру дали вовремя. Кто такие?

– Студенты, – ответили они в один голос.

– На сборах, – добавил Ким.

– А-а, – протянул Рябой.

– И мы не косили, – продолжил Ким, – танцевали и всё.

– Танцы кончились мы и ушли, – подхватил Степан. – Зачем нам лишние хлопоты, мы – люди мирные.

– Кабы так, сейчас бы вас здесь не было, – раздался чей-то хриплый голос.

На это ни у Кима, ни у Степана не нашлось, что ответить. Возникла затяжная гнетущая пауза.

Рябой вытащил сигареты. Они, чуть помедлив – свои. Закурили.

– Слышь, – начал снова Рябой, – а главный ваш каков, пришёл нас успокаивать. Один. Он, что, всегда такой?

– Какой?

Рябой поёжился.

– Психический.

– Но вы же все целы, – осторожно заметил Степан. – Потерь нет.

– А что ему оставалось делать? – подал голос Ким. – Такой форс-мажор! Ведь вы сами себя уже не узнавали.

– А нечего по чужой территории шастать, чужих девок лапать, – возбудился один из сидящих напротив – долговязый.

– Хорошо, хорошо, спокойно, – поднял руки Степан. И обратился к Рябому: – Зачем звал?

– Да забыть всё надо, – ответил тот. – Что кудахтать-то – дело сладилось. Картоху, вот, печём. Садись есть с нами.

Усердно дую на испёкшуюся картофелину, Степан перекатывал её в руках и искоса разглядывал своих бывших противников. Все как один – крепкие жизнерадостные ребята. Студенты по возрасту, деревенские видом. Достойные уважения. Внезапно он затаил дыхание. Квазимодо. Отдушина родной кулачной ярости. Кулак был разбит, на долгое время выйдя из строя. Лицо Квазимодо, напротив, скалясь весельем, было живее живых. Жду нового боя, казалось, говорило и бросало вызов оно. Стушевавшись, Степан отвёл глаза и опустил голову. Причуда природы. Уродство неуязвимо. Пожизненно. В отместку увядающей самой собой красоте.

Постепенно деревенские перестали замечать гостей, оживление охватило их – большая тема не давала покоя.

– Слышь, Рябой, – обратился к жожаку долговязый, – надо было офицерику всё-таки проучить. Зря отпустили.

– По башке сразу надо было бить, – поддержал его хриплый.

– Зря пугали, – раздались ещё голоса. – Навалились бы всем скопом и раздавили.

– Зачем скопом? – вскричал доловязый. – Я ему уже второй раз готовился ка-а-к...

Долговязый не успел закончить фразу. Оглушительно стрельнуло полено. Яркое пламя костра взметнулось до небес. Все обмерли. Живая противопехотная мина предстала вдруг перед глазами. Фигура капитана. Память, сеющая страх, паралич и немоту...

Рябой предложил им дружбу. По всему облику и поведению желая её больше, чем они. Это был тот самый редкий случай, когда ему, жожаку местной молодёжи, было не до войны. И они, Степан и Ким, единогласно без колебаний приняли предложение, прекрасно сознавая, кому обязаны им. Капитан Запарка стоял за их спинами. Управой на всех Рябых.

На радостях от заключенного мира Ким потерял голову. Сумасшедший кавалер взыграл в нём, готовый сорваться и мчаться без оглядки вслед за украденным счастьем.

– Мы обманем Гайдука, Стёпка, – убеждённо говорил он, укладываясь поздним вечером в койку. – Отбудем поверку в субботу, смоемся и прогуляем всю ночь в деревне – до самых петухов.

Бессильный разубедить друга, Степан вынужден был поддержать его, молча, с тяжким вздохом записываясь в телохранителя.

Питая сладкие мечты, Ким уснул. Прошла ночь. Утром ему лучше было бы не просыпаться.

Очередь перед умывальником, увидев его, расступилась. Удивлённый, он посмотрелся в зеркало на стене. И едва не лишился чувств. Такого себя он ещё не видел.

Назад он вернулся с понурой головой, едва волоча ноги. Койка встретила его разбитыми в пух и прах мечтами.

– Ты себя видел? – спросил его Налимыч.

– Видел, – мрачно ответил он. Вся правая половина его лица припухла, расцветя синевато-красной желтизной. Глаз почти заплыл. Проявлялась тайнопись субботнего вечера.

– Махнёмся лицами? – предложил Степан, улыбаясь. – Сделаю тебе одолжение на субботу.

– А может пройдёт? – с надеждой взглянул на него Ким. Осторожно дотронулся до глаза.

– Не надейся, – сказал Налимыч. – Это случай особый. Жди свадьбы, не раньше.

Все засмеялись. Позволил улыбнуться себе даже Коля Раков, последние дни непохожий на себя самого. Большой Литр травил изнутри, блуждая в поисках выхода. Глядя на меченого Кима, Коля мечтал разрешиться своим тяжким бременем.

– А кому какое дело в деревне до его лица? – высказался Налимыч по пути бригады к вольеру. И продолжил: – Они, может, сами все такие с рождения.

– Ты давно в деревне не был, Налимыч, – возразил Ким. – И там любовь живёт. За неё, видишь, как приходится расплачиваться. – Он замолк. Потрогал пальцами лицо. – Ёлки-палки, хотя бы на пару минут дольше мы с ней знакомы были. Адрес, имя знать – тогда бы залез ночью прямо в окно.

– А если она чья-то подруга? – спросил Степан.

– Отдохнула бы. Что я зря за неё схлопотал?

– Смотри, ещё схлопочешь.

– Хуже уже не будет.

– Опять пить придётся, – вздохнул Степан.

– Да ладно тебе. Много не будем. Так, по чуть-чуть, для бодрости.

При этих словах Коля Раков вдруг побледнел и, шумно дыша, зашатался. Все уставились на него. А Коля, наконец-то, дождался своего момента. Подпрыгнул, зажал рот рукой и устремился к бетонному приюту свиней, метя путь по дороге.

– Повезло хрюшкам, – бросил ему вслед Ким. – Сегодня Коля угощает.

Все заулыбались. Кроме самого насмешника. Ему было не до веселья – половина лица его пухла и расцветала ярким буйным цветом на глазах.

Глава пятая

Стоя посреди зарослей лопуха на маленьком пустыре позади офицерского кафе, лейтенант Фатуйма справлял нужду. Лето. Пора выхода из табу и полного слияния с природой.

Уйти по-хорошему не удалось. Почуввав неладное, он наклонился, пригляделся и увидел преображённый правый сапог – яркий, цвета зрелой лимонной кожуры. Злость закипела в нём. Что за напасть? Не успел избавиться от своей нужды, как угодил в чужую. Какая же морока теперь с этим сапогом, с собой – обгаженным. А ведь он при исполнении – на службе.

– Р-р-р, – донеслось вдруг сзади.

Он обернулся. Буквально перед ним, рыча, стоял чёрный с рыжими подпалинами бродячий пёс. Налиты кровью глаза, обнажены клыки, из пасти свисает густая жёлтая слюна. Бешеный. Только его и не хватало. Забыв про испачканный сапог, Фатуйма сорвался с места и резвым иноходцем устремился прочь. Пёс – за ним.

Отчаянными зигзагами Фатуйма одолел пустошь и добежал до асфальта. Кровь стучала в висках, дышать было нечем, сердце норовило выскочить из груди. Замедляя движение, он перешёл с бега на шаг. Остановился. Позволил себе оглянуться. Пёс исчез. Растаял, словно призрак. Естественно, а по другому и быть не могло – здесь дикая территория кончалась.

Ох, попадись ему эта псина в руки! Рассчитался бы за пережитой страх сполна. Руками студентов. Вот этого например.

– Куда следуем, товарищ курсант? – обратился он к проходящему мимо Киму.

Идя беспечной походкой, словно по Невскому, тот отвернулся в сторону.

– Стоять! – бросился наперерез Фатуйма.

Внимая команде, Ким встрепенулся и остановился. Чуть помедлив, со вздохом развернул лицо и глянул на подскочившего командира заплывшим глазом. Получай.

Фатуйма лишился дара речи.

Ким зажмурил здоровый глаз, притворяясь сражённым насмерть.

– Вам плохо? – еле совладал с собой Фатуйма.

– До казармы как-нибудь дотяну, – открыл глаз Ким.

– Это вас укусил кто-то?

– Да. Шмель ночью.

– Осторожней надо. Холод приложить. Потом обязательно в санчасть.

– Хорошо. Я пойду?

– Да-да, конечно.

Гнев Фатуймы рассеялся. Ну и сюрпризы порой преподносит жизнь. Он посмотрел на сапог, повертел носком. Вздохнул. Как же хорошо, что из двух зол его выбрало меньшее. По крайней мере эта гадость внизу не кусалась.

Близилась вечерняя поверка. Ещё один день остался позади. Казарма гудела, как потревоженный улей. Степан, Ким и Горыныч коротали время, лёжа на койках.

– Остался я без женской ласки, – произнёс Ким, рассматривая своё отражение в маленьком осколке зеркала. – С такой рожей только собак пугать. Прощай деревня навсегда.

– Сдаёшься? – спросил Степан.

– А что делать, если самого себя убить хочется. Пусть девчонки спят спокойно. Страхолюга Ким им не приснится.

– Пацаны, – обратился к друзьям Горыныч, – вы оба такие опытные, как я погляжу. Подскажите как подцепить девчонку – самым безотказным способом.

Ким удивлённо взглянул на него.

– А тебя разве Боронок ещё не обучил?
– Он обучит, – фыркнул Горыныч. – У него одни замужние на уме. Таскается по ним и день, и ночь. Одна ему даже свитер связала. Видели зимой на экзамене – с узорами?

Спохватившись, он испуганно вытаращил глаза:

– Только я вам ничего не говорил.

– А мы ничего и не слышали, – поспешил откrestиться от лишней информации Ким.

– Так как познакомиться, чтоб без проблем? – снова задал вопрос Горыныч. – Подскажите.

– Я не знаю, можно ли делиться таким опытом? – обратился Ким к Степану.

– Тем более, когда он достаётся такой ценой? – спросил в свою очередь тот.

– Хватит цену себе набивать! – возмутился Горыныч. – Пока вы в деревне веселились, я картошку чистил. Между прочим – и за вас. Давайте, шуты гороховые, открывайте свои кубышки, делитесь. – И, устроившись поудобнее, Горыныч закрыл глаза в ожидании.

– А первый опыт у тебя уже есть, – сказал Ким. – Самый что ни на есть ценный. Как вспоминаешь о девчонках – сразу начинай чистить картошку. Ха-ха-ха!

Глаза Горыныча открылись, ноздри затрепетали, он вскочил, крутя головой в поисках подручных средств – совет требовал достойной расплаты. Однако до этого дело не дошло. Внутри казармы внезапно воцарилась тишина – зычным голосом вестового Гайдук объявил, что ждёт встречи со всеми на плацу.

Вольер был закончен. В результате полной отдачи душевных и физических сил, опоясывая и надёжно изолируя от внешнего мира безымянную поляну, выросла рукотворная железная изгородь. Стоя перед своим творением, бригада наслаждалась моментом заслуженного торжества.

Запертые в бетонной коробке свиньи, словно чувствуя всю важность происходящего, хрюкали и визжали – это был праздник и на их улице.

Радуюсь, Рыбкин потирал ладоши.

– Это вещь! Всем таранам теперь конец. Пусть разбиваются.

– Этой ограде сноса нет, – поддакнул Грош. – Переживёт и нас, и свиней.

– Долгие лета! – откликнулся Боронок. – Ржавеет и ржавеет.

– Ржавеет? – встрепнулся Рыбкин. – А мы красить будем. Каждый сезон.

Боронок глянул на него, хотел было углубиться в тему, но памятуя о грядущих экзаменах, осёкся и махнул рукой.

– Истомились Хавроньи, – сказал он. – Чего ждёшь, капитан? Шампанского?

– А-а, – улыбаясь, погрозил ему пальцем капитан. – Самому невтерпёж. То-то же. – И, обращаясь к замершим у ворот фермы свинаям, скомандовал: – Выпускай!

Освобождённые, свиньи выбежали наружу. Старые, средние и молодняк – все одной группой. Постояли, косясь на людей, и управляемые хряком, побежали вдоль границ вольера, по периметру – знакомиться с жизнью за сеткой. Одолев несколько кругов, животные остановились и рассеялись. Обживатьсь.

Торжество подошло к концу. Попрощавшись с вольером, свиньями, благодарным Рыбкиным и, оставив их наедине, бригада отправилась в казарму. Рыбкин пробыл у вольера до вечера, любясь контрольными испытаниями студенческого труда. Это занятие так увлекло его, что он совершенно потерялся в пространстве и времени. Перед ужином, едва докричавшись в два голоса, свинаяи вернули его на землю. Придя в себя, Рыбкин вспомнил, что ничего не ел с самого утра. И уверенный, что наконец-то поймал и держит всех свиней под своим контролем, в узде, под свист бодрой мазурки покинул свой пост.

Ночью на небе было много звёзд. Каждая, искушая, звала в дорогу. Покинув вольер, несколько свиней бежали.

Утро хмурилось. Небосвод был затянут тучами. Казарма просыпалась.

– Налимыч! – окликнул друга Степан, потягиваясь. – Осталось мучиться два дня. Настигла под конец всё-таки муштра. Ты как, в космос не собираешься?

– А зачем? – откликнулся Ким. – Что ему там делать? Космос – это пустота. Вот джунгли – другое дело. Сплошной рай кругом – перед глазами заросли дремучие и непуганая женская туземная нагота...

Смех сотряс насмешников.

Глянув на них искоса, Налимыч пожал плечами. Несмыслёныши пытались вывести из равновесия мудреца.

– Если обижают – скажи, – вмешался Горыныч. – Мы их быстренько проучим. – Он сверкнул глазами на весёлую пару. – Натравим Боронка. Тогда узнают, почём фунт лиха.

Неожиданно перед всеми с зубной щёткой в руке вырос сам Боронок. Конец разговора донёсся до его ушей.

– Кто это здесь поминает меня всуе?

– Я, Тит, предупредил их всех, – выпрямился Горыныч, – пусть только попробуют тебя обидеть – будут иметь дело со мной.

Боронок озадаченно уставился на него.

– Вот такой был разговор, – растерянно захлопал глазами Горыныч.

Внезапно все отвлеклись. Общение прервал запыхавшийся Фатуйма.

– Вы строили свиньям загон? – спросил он.

– Мы, – отозвались все.

– Мигом туда. Капитан Рыбкин зовёт.

Бригада переглянулась.

– Чего это ему приспичило? – недовольно спросил Боронок. – Он, что, не знает, что нам завтракать надо.

– Отставить завтрак! – взвизгнул Фатуйма. – Выполнять приказ!

Конец света. Непредвиденное происшествие. Побег. Ночью три свиньи вырыли подкоп, выбрались наружу и были таковы. К счастью, беглянок удалось догнать в ближайшем перелеске, схватить и вернуть. Но лаз остался. Рыбкин стоял напротив него, снаружи, красный, без фуражки, олицетворяя собой крах всех надежд. Лазы мерещились по всему периметру.

– Какие проблемы, капитан? – бодро спросил Боронок, подходя во главе бригады.

Рыбкин повёл на него мутным взглядом.

– Любуюсь вашим творением, – мрачно ответил он. – Видишь, как свищет – фьють, туда-сюда, свиньями. Есть добровольцы постоять вместо меня?

– Добровольцев нет, – замотал головой Боронок, улыбаясь. – За нас железки стоят.

– А свиньи по лесу бегают! – вскричал в сердцах Рыбкин, теряя остатки контроля над собой.

– Сам виноват, – пожал плечами Боронок. – Развёл таких. Может, они у тебя ещё и летают. Мы при чём?

– Ах, ты... – задохнулся от возмущения Рыбкин. – Я тебе покажу – при чём! – погрозил он кулаком. – Нашёлся шутник, мать твою... Сейчас же пожалуюсь Гайдуку. Он тебе вправит мозги.

Глаза Боронка сузились. Гайдука здесь только и не хватало. Ситуация выходила из-под контроля. Требовалось немедленное адекватное реагирование.

– Давай, капитан, отойдём, – предложил он. – Чего воздух зря сотрясать. Есть разговор без свидетелей.

Чертыхаясь и оглядываясь на ходу, капитан последовал за ним.

Они отошли шагов на десять. Остановившись, Боронок развернулся. Сурово было выражение его лица.

– Мало тебе одной дыры? – спросил он стальным голосом. – Хочешь остаться без вольера?

Гром и молния. Угроза страшнее ядерного взрыва. Живой исполнитель перед глазами. Сердце Рыбкина зашло и едва не остановилось.

– Не буди лихо, дядя, – услышал он далее. – Мы – студенты, цвет дембеля. Наше место – в столовой.

Слова Боронка возымели действие. Учёная молодёжь своё отработала – ругаться было бессмысленно. И терпящий бедствие Рыбкин призвал на помощь армию. Через час возле вольера появилась гора досок, заметались солдаты, запели пилы, застучали молотки и уже к вечеру пространство за сеткой преобразилось. Землю укрыл настил. Студенческий труд обрёл завершённый облик. Отныне свобода свиньям могла только сниться.

Экзамены. Как ни страдал Гайдук, гроза прошла мимо. Офицеры – экзаменаторы, экзаменуя, были слепы и глухи, рассыпая щедрой горстью отличные оценки направо и налево. Бригада не почувствовала никакого снисхождения – оно было одинаковым для всех. Складывалось впечатление, что именно месячник муштры и труда и был настоящим экзаменом. Все были оценены ранее – за каждый прожитый, отслуженный и отработанный день. Награда нашла своих героев. Претензий не было.

Близилась последняя ночь на сборах. Та самая, что должна была навсегда остаться в памяти. Прощальная. Никто не собирался спать. Все грезили праздничной бессонницей. На собранные по кругу деньги Грош купил деревенского эликсира. С большими предосторожностями его припрятали на ферме, в каморке свинарей. Сама ферма по плану должна была сыграть роль тайного островка дембельской анархии.

Чувствуя приближение праздника, местные командиры сложили свои полномочия и вернулись к солдатам. Все, за исключением Фатуймы. Как особо доверенное лицо командования он должен был разделить все пережитки армейской жизни студентов до конца.

За два часа до отбоя казарма испытала удар ниже пояса – явился, полный надежд выслужиться перед начальством, соглядатай. Праздник в одночасье оказался под угрозой срыва.

Шло время. Ферма звала. Прикрываясь безобидным перекурком, казарма устремилась на зов. После первого захода вернулись все. Вторым оказался слаще первого – пошли безвозвратные потери. Третий заход, опустошив помещение, оставил Фатуйму одного.

Встревоженный долгим отсутствием подопечных, лейтенант выбежал наружу. Никого. Он бросился на поиски. Нюх привёл его к ферме.

Едва Фатуйма переступил порог свиного приюта, как оказался в ином измерении. Атмосфера братства, равенства и любви распахнула перед ним свои жаркие объятия. Он попятился было, но об отступлении не могло быть и речи. Отсюда был только один выход – через вход.

Ночь. Захват фермы. Дикий шабош внутри. Командование, проверив посты, прислушивалось. Это было почти что законное сумасшедшее торжество. Со своим началом и концом. Как и во времена грешной молодости самих командиров.

Утро. Холодная роса на траве. Бредущие по прямой друг за другом лунатики. Крестьящийся Рыбкин. Босой анархист Фатуйма.

Студентам было велено отсыпаться до обеда. С Фатуймой дело оказалось сложнее. Стоя перед начальником части, беспрестанно улыбаясь и вращая глазами, он пытался объяснить. Но тщётно. Слова были чужие – из чрева какой-то потусторонней пустой бочки –

и все, как одно, почему-то начинались на «у». Грозный тучный полковник, отчаявшись разобрать что-либо, покрутил висящую на нитке пуговицу кителя грешника, оторвал её, бросил на землю и с горечью отца, потерявшего сына, произнёс:

– Не пей больше вина, Фатуйма.

Фатуйма хотел было что-то ответить, но слова вдруг кончились. Подхваченный под руки, с приросшим к нёбу языком, он опустил голову и покорно поплёлся вдаль – под замок, туда, где кончалась свобода и начинался трудный путь обратного превращения в ряженые.

После обеда, отоспавшись, весь курс высыпал на плац. Последнее торжественное построение. Гайдук, окружённый однополчанами, смотрел на студентов. Облик его был миролюбив. Хотя помятые и опухшие, местами еле держащиеся на ногах, но перед ним стояли уже плоть от плоти его – взращенные собственными потом и кровью офицеры.

– Ну, что, соколики? – почти ласково произнёс он. – Закончен наш совместный путь. Позади последняя вершина. Мы сделали из вас всё, что могли. Не обессудьте, это случилось. И сейчас я хочу поздравить с этим знаменательным событием каждого лично, от всей души.

Следуя своему желанию, опьянённый чувствами, Гайдук двинулся в обход. Клеймить отцовской милостью родное многоликое детище. Жать руки.

Радостная суета царила вокруг. Праздник созревших на корню плодов. Конвейер живых эмоций.

Боронок стоял в первом ряду, занимая место крайнего. С бесстрастным лицом он ждал приближения своей очереди. Добравшись до него, полковник остановился, нахмурился, но в ту же секунду тряхнул головой и с выражением радеющего благодетеля на лице протянул руку. Кто старое помянет...

Минута жаркого излияния, другая...

Парадный выход полковника прервался. Капкан учуял живую плоть, охотник – жертву, отличник месячного боронования – свой долгожданный звёздный час. Контакт замкнулся.

Полковник дёрнулся. Туда-сюда. Свобода откликнулась пилением воздуха. Конечно, будь на боку шашка, Гайдук немедля пустил бы её в ход. Но шашки не было. И тогда, желая освободиться, полковник взмахнул безоружной рукой. Хрясь!

Контакт остался на месте, невредим.

Сопровождающие офицеры переглянулись.

Боронок надел маску скорбного сочувствия.

Полковник понял: попался, как кур в ошип, пощады не будет, это поединок. Приходя в себя, он снял фуражку и принял вызов.

– Скучать буду по тебе! – заявил он, потрясая захваченной рукой. – Мы ведь с тобой, что ни говори, друзья. Где, когда ещё доведётся свидеться.

Прислушиваясь, Боронок склонил голову.

– И расстаться не в силах, – продолжал Гайдук. – Верите, – повернулся он к офицерам, – со слезами на глазах прощаюсь. Один ведь он у меня такой, честное слово!

Боронок кивнул, улыбаясь.

Гайдук кивнул в ответ и, откинув голову назад, закричал:

– Ох, соколик, прости старика!

Удар лбом пришёлся Боронку в грудь.

– Эх, не держи зла!

Второй удар.

– Ах, ты...

Третьего удара не получилось. Конвульсия сотрясла полковника. Началось разрушение. Извиваясь, непобедимый Гайдук устремился вслед за тающим величием. И этого оказалось достаточно. Капкан открылся.

– Вот чертовщина!

Полковник едва устоял на ногах. Укрошая инерцию и обретая равновесие, с невероятным усилием вернулся в исходный образ железного вояки.

– Как иной раз подводят чувства, – заявил он, пристально смотря на Боронка и потрясая освобождённой ладонью. – Поддашься – и сладу нет, выворачивают прямо наизнанку.

Тишина.

Немота и безучастность царили в строю – Боронок выглядел невиннее младенца.

Полковник утёрся.

Последние мгновения противостояния. Пик.

– Поздравишь от меня остальных, – рявкнул Гайдук, завершая борьбу. – Доверяю.

Отступил несколько шагов назад, развернулся и с видом далёкого от земной суеты полководца устремился прочь.

Растерянные офицеры последовали за ним.

Оставался час до отъезда. Бригада прощалась со свинарями. Мимо, следуя куда-то по своим делам, катил тележку невозмутимый Грош. Боронок окликнул его. Остановившись, Грош отпустил тележку и изменил свой маршрут.

Положив руку на плечо, Боронок проникновенно уставился в глаза сварщику.

– Береги себя. Ты светоч наш. Без тебя мы бы здесь потерялись. Оставайся таким же и впредь. И смотри, – он погрозил пальцем, – ты больше не Грош. Мы узнали твою настоящую цену. У тебя теперь новая фамилия.

– Какая? – спросил Грош, улыбаясь.

– Червонец!

Все засмеялись. Грош тоже. Везапно сквозь смех его глаза увлажнились и он чуть было не заплакал. Выдержка изменила закалённому сварщику. Взыграла неизвестная доселе чувствительная струна его души...

Глава шестая

Илона возвращалась домой. Позади Медицинская Академия, дела и заботы, связанные с переводом. Завтра первый день учёбы – первое сентября.

А сегодня балом правил последний день августа. Отчаянно светило солнце, лето прощалось и она шла по улице, нарядная и красивая, вместе с ним, последним предупреждением для всех – ухажу.

Стайка девчонок промчалась навстречу. За ней ещё одна. Показалась пожилая степенная пара. Без остановки, разминувшись со всеми, она подошла к метро. Заглянула в стоящий по соседству киоск, рассеянно пробежалась глазами по россыпям журналов и газет, увидела своё отражение в стекле, поправляя волосы, улыбнулась ему.

– Девушка!

Илона затаила дыхание.

– Можно я вас нарисую?

Она оглянулась.

Симпатичный кудрявый парень стоял перед ней, всем видом желая подхватить на лету. Ну, что же, попытка не пытка, подумала она. И вслух сказала:

– Придётся занять очередь.

Скользнув взглядом по парню и объявившемуся рядом приятелю, не торопясь, пошла к входу в метро. Обнажёнными ногами ощутила жар вдогонку. Усмехнулась. Холодно, ищите женскую душу, кавалеры.

Они сели в один вагон. Оба парня заняли места напротив неё. Как всегда в таких случаях, Илона приняла отчуждённый непроницаемый вид. Игра началась. Поехали.

Пересадка. Выйдя из вагона, она прошла по переходу – к перрону, и остановилась на нём в ожидании поезда. Парни подошли и остановились неподалёку. Завели разговор. Интересно было бы послушать – о чём?

Подъехал поезд. На сей раз внутри вагона былолюдно, пришлось ехать стоя. Она – у дверей, они – в середине вагона. Несмотря на значительные неудобства, буквально сплюснутые давкой между собой, парни не теряли свой интерес и продолжали держать её в поле зрения.

«Электросила» – объявил остановку металлический голос. Последняя надежда. Илона поспешила наружу. Подхваченная потоком людей, стараясь быть на виду, прошла перрон, вознеслась на эскалаторе вверх, вышла в вестибюль. Увидев большую корзину цветов, подошла и задержалась возле неё. Невзначай оглянулась. Догнали. Глазеют. Дав им минуту, она засекла время. Когда секундная стрелка минула круг, она повторила забег. Потом ещё раз, ещё... Пятая минута исчерпала терпение. Разочаровавшись, она вынесла безжалостный разговор – парни робкого десятка, не от мира сего, созерцатели. Глянув мельком в зеркальце на себя, она оправилась, приняла бодрый походный вид и устремилась к выходу. Не доходя шага до дверей, внезапно остановившись, развернулась. Ближний контакт.

– Не надо меня провожать, ребята. Идите своей дорогой. А то закричу.

Выйдя наружу и пройдя шагов двадцать, она оглянулась. Пусто. Хвост о двух головах исчез. Вздохнув, гордая и одинокая, продолжила путь. Ну, где же ты, Стёпа?

Финляндский вокзал. Электричка остановилась, живая волна вырвалась из неё, затопила перрон и, оглушая пространство, опознала себя многоголосым ликующим криком:

– Здравствуй, Питер!

Город встречал своих потерявшихся сыновей.

– Наконец-то! – всплеснула руками мать, увидев сына на пороге.

Шагнув в квартиру, Степан обнял её.

– Всё в порядке, мам. Живой.

Словно не веря, мать крепко-накрепко прижалась к нему.

За спиной матери появился отец.

– Привет, сын!

– Здорово, батя!

– Давай на кухню, – потянул за собой отец, – стол накрыт.

– Идите, идите, – сказала мать, отпуская и глядя сына рукой. – А я Вике позвоню. Она у подруги.

Сестра не заставила себя долго ждать. Не прошло и десяти минут, как она вихрем ворвалась в квартиру. Не обращая внимания на родителей, сходу прыгнула на Степана и, обняв, повисла на нём.

– Ух! – выдохнул он, целуя и обнимая её в ответ.

Усадив рядом с собой, дал волю словам.

– Наша декабристка! Была на краю света рядом с братом.

Счастливо улыбаясь и пряча глаза, Виктория зарделась.

Торопясь на условленную встречу, Степан вышел из метро. Прогуливая лекции, Илона ждала его дома. Одна. Мать была на дежурстве.

Его внимание привлекли выставленные на продажу цветы. Он подошёл, пригляделся. Изобилие, но как назло, её любимых гербер нет. Лучащиеся, словно маленькие солнца, говорила она. И цвет – обязательно сиреневый. Хорошо бы объявиться с ними, но где их возьмёшь? Будешь искать – мать вернётся. Остаётся купить то, что есть. Он сунул руку в карман за деньгами. Три роскошные бархатистые красные розы, выделяясь, как и положено своим ярким аристократичным видом, выглядели достойной заменой.

Цветы произвели должное впечатление. Приняв их с особым трепетом и осторожностью, Илона немедля кинулась в ванную, как будто спасать, бросив ему на ходу:

– Проходи.

Следуя приглашению, он прошёл в гостиную, остановился перед окном, посчитал ворон на ветках и, истомившись, отправился на кухню. Илона была уже здесь. Перед ней стояло полное воды ведро, в которую она опускала последнюю розу.

– Пусть напьются, – объяснила она. – Потом уже в вазу.

Наблюдая за ней, он сел на табурет.

Она смахнула обрезки стеблей в руку, выбросила их в урну, критичным взглядом осмотрела плоды своего труда и, переведя дух, уселась рядом с ним.

– Привет!

– Привет! – Он через силу улыбнулся.

– Как дела?

– Нормально. Ещё бы немного и меня тоже можно было бы брать голыми руками, как эти растения.

Она хитро улыбнулась.

– Неужели?

– Да. Уход был очень соблазнительный.

– Так и положено, – сказала она. – Цветы – наше всё. Краса жизни. Их дело – раскрыть лепестки, наше – следить, чтобы не опали раньше времени.

– Цветы цветам рознь.

– Ты это о чём?

– О себе наверно.

– О себе? Интересно. И каким же цветком ты мнишь себя, Стёпа?
Степан задумался на секунду. Море цветов. Многих он не знает даже по имени. Что же выбрать?

Ответ нашёлся сам собой.

– Тот, что всегда над всеми. Эдельвейс. Цветок горных вершин.

– Вот как! Тебе в скромности не откажешь. Высоко забрался – попробуй доберись.

– Высоко, – согласился он. – Но сегодня особый день – я спустился с гор. Встречай.

Он раскрыл было объятия, трепетный и нежный, готовый воссоединиться с ней после тяжёлой и долгой разлуки, но она остановила его.

– Побереги силы. Сначала займёмся делом.

Два полюса сошлись на одной кухне. Дистанция всего ничего – длина вытянутой руки. Но между ними непреодолимая преграда – готовящийся обед: борщ, котлеты, макароны...

Она накормила его досыта. Затем повела за собой в комнату, усадила рядом на тахту, развернула фотоальбом и начала потчевать десертом – знакомством со своими видами в далёком детстве. У сытости свои границы бдения. Незаметно перейдя их и потеряв контроль над собой, он утратил чувство реальности, поддался искушению и уснул.

Его разбудил толчок.

– Подъём. Мама на подходе. Тебе пора.

Придя в себя, он кинул взгляд на часы. Стрелки не обманывали – время и вправду вышло. Настроение мигом покинуло его. Она заметила и уже в дверях, провожая, спросила:

– Что такой хмурый? Разве ты не всё получил, что хотел?

Океан мира, покоя и любви открылся перед ним. Устоять было невозможно. Он зажмурился.

– Свободен, – сказала она, улыбаясь и отпуская его.

Глава седьмая

Боронок рос сиротой. Авиационная катастрофа в одночасье унесла жизни его отца – чемпиона-тяжелоатлета, матери, бабушки и дедушки. Спустя несколько месяцев эхо прерванного полёта откликнулось бедой на земле – взрывом газа в квартире усыновивших ребёнка родителей матери. Оба, дед и бабушка, погибли мгновенно. Он уцелел. Из адского огня и дыма его вынес пожарный – годом от роду, крохотного, синего, еле живого.

Он попал в детдом. Едва научившись разговаривать, начал спрашивать, где его мама. Ему отвечали, что она в отъезде и живёт в далёкой стране. Он загорелся желанием непременно попасть в эту страну, чтобы встретиться с ней. Ему говорили, что для этого надо вставать по утрам, есть кашу и слушаться старших. День за днём. Он вставал по утрам, ел кашу, слушался старших, но время шло, день за днём, год за годом, до страны было по-прежнему далеко, встреча откладывалась и ожидание делало его всё нетерпимее.

Когда ему исполнилось шесть лет, он убежал из детдома, пытаясь найти кратчайший путь в страну. Его поймали при переходе первой дороги.

Через год он сбежал снова. Миновал несколько дорог и очутился один посреди огромного потока машин. Вскоре одна из машин остановилась. Распахнула дверцу. И подвезла – до милиции, а потом – в сопровождении милиционеров – до детдома.

В этот раз детдом встретил его как чужого. Он поклялся себе, что сбежит третий раз и никогда больше не вернётся сюда. Слова клятвы оказались пророческими. Третий побег закончился встречей со специнтернатом. Теперь путь в далёкую страну преграждали грозные воспитатели, крепкие двери с замками, решётки на окнах и строгий отнюдь детский режим.

Через неделю новые друзья приговорили его к повешению – за то, что он был чужак и ниже их на голову. Казнь не состоялась, но он пережил её почти по-настоящему, задыхаясь в воображаемой петле несколько дней, пока они на его глазах готовились.

Далёкая страна продолжала притягивать и звать его. Он мечтал о встрече с ней, просяживая дни напролёт в тёмном подвале. Его вытаскивали на свет, наказывали, он убегал туда снова.

Однажды ему приснился сон. Дорога. Машины, преследуя, настигают и сбивают его, одна за другой, он падает, плачет, поднимается и бежит дальше, чтобы упасть, сбитым снова. Бег продолжался всю ночь, пока он вдруг не остановился как вкопанный. И тогда движение прервалось – машины начали разбиваться об него, одна за другой, словно о стену, вдребезги.

Вспокоившись, он закричал и проснулся. Сон рассеялся. Включился механизм самозащиты. Начался отсчёт нового времени. Память шести близких и родных людей пробудилась и ожила в нём, превращая его – единственного продолжателя рода – в оборотня.

Внезапная перемена ошеломила всех. Пропавший ребёнок, маленький бунтарь и изгой, преобразившись в одно прекрасное мгновение, словно по мановению волшебной палочки, стал смиренным и послушным – таким, как все.

Постепенно прошлое забывалось. Интернат обретал облик родного дома, а коллектив – семьи. Чтобы выжить, ему оставалось продолжать слушаться старших, жить в ладу с собой и всеми, и расти.

Несмотря на свою автономность, Интернат находился в самом центре довольно оживлённого квартала. Деление на своих и чужих было неизбежно. И потому при достижении определённого возраста каждый интернатовский мальчишка поневоле становился объектом самоутверждения местного одногодка. Больше всего синяков и ушибов приходилось на субботние вечера, когда интернат лишался большинства своих воспитателей и целиком высыпал на улицу – усидеть в четырёх стенах было невозможно.

Свой пятнадцатый день рождения Боронок проводил в компании друзей, играя во дворе в ножички. Возмужавший, он выделялся среди всех ростом и мощью. Друзья замерли, когда растолкав их, к нему подошли четверо с цепью, ткнули в грудь и спросили:

– Ты кто?

Безжалостный глас неба.

Вызов времени.

Встреча один на один с собой, лицом к лицу.

Вопрос повторили, размахивая в воздухе цепью.

Таить правду не имело смысла.

Тогда, обретая силу и выходя на свет, он открылся:

– Я – Боронок.

И детский сон ожил. Машины начали разбиваться о него.

Побоище едва не стоило ему исключения из интерната и отправки в колонию. Друзья, все как один, отшатнулись от него. Победа осталась неразделённой. И лишь один человек – одно из имён благодарной памяти – завхоз Данат Шарипович Салимзянов выразил тайную поддержку, обронив тихо, украдкой, наедине:

– Ты бился за своих, за весь интернат. Молодец!

Жизнь продолжалась. Новое испытание не заставило себя ждать. Через пару суббот, намереваясь взять реванш за поражение, местные подыскали бойца ему под стать, только плечистее и старше.

Они встретились на заднем дворе интерната, посреди заросшего травой стадиона, окружённые толпой зрителей. За Боронка болела и переживала вся мальчишечья половина интерната, за окнами, связанные с ним одной недетской любовью, вздыхали, желая победы, старшие девчонки.

Они стояли друг против друга, целясь взглядами, несколько минут. Оба – сродни и духом, и плотью. Боец оказался прозорливее – вопреки слепой ненависти и жажде крови он вдруг увидел перед собой брата. То был волнующий переломный момент. Их крепкими взаимными объятиями – ярким неожиданным исходом встречи – многолетней вражде между интернатовскими и местными пришёл конец.

В возрасте шестнадцати лет Боронок узнал, что оказывается не так одинок на белом свете. Его разыскала родная тётя из Архангельска, сообщившая, что кроме неё у него есть ещё дядя и двоюродные брат с сестрой. Вспомнилась далёкая страна. Сердце Боронка начало таять.

Через год мужа тёти – кадрового военного – перевели служить в Ленинградский Округ. Покинув Архангельск, семья переехала в Ленинград, тётя устроилась на работу в местный ЖЭК. Появилась возможность проводить вместе одной семьёй выходные.

Вскоре, пользуясь своим служебным положением, тётя выхлопотала для него отдельную жилплощадь – однокомнатную квартиру в Купчино. Своё совершеннолетие и выход в большую жизнь Боронок встречал уже с собственным жильём. В раздумьях о своей дальнейшей судьбе, как настоящий мужчина, он выразил было желание послужить, но тётя была начеку, категорически воспротивившись столь опрометчивому шагу.

– Поступай в институт, – убеждала она. – Следуй примеру своих родителей. А в армию успеешь. Потом, если захочешь.

Тётя была умудрённой. Она успела привязаться к племяннику и хорошо знала, что обычными двумя годами службы ему не отделаться – таких, как он, армия не отпускает никогда.

Лето после выпуска из интерната Боронок провёл с родственниками на даче под Всеволожском. Домик был неказистый, деревянный, продуваемый всеми ветрами насквозь, но это

не имело ровным счётом никакого значения. Всё окупалось с лихвой местной природой. Она была сказочная.

Со своими братом и сестрой он ладил, как и подобает близкой родне. Брат Толик, худой очкарик, ровесник, следовал за ним тенью, днём и ночью, втайне лелея надежду зарядиться хотя бы частицей его незаурядного мужества. Сестра Таня, годом младше, страстная чаёвница, частенько зазывала провести время за столом. Иногда среди разговоров она вдруг замолкала и начинала внимательно смотреть на него, словно пытаясь взглядом донести что-то сокровенное. В такие моменты Боронку становилось не по себе. Сердце замирало. Он чувствовал, как сквозь время и пространство оживает, лаская его, тепло родного материнского прикосновения.

Лето пролетело. Боронок поступил в институт. Это было начало новой жизни.

Из девятнадцати прожитых лет последние семь он провёл во хмелю. Ускользящая девичья натура. Не счастье юных пташек, сражённых им на лету. Однако постепенно наступало пресыщение охотой. Теряла соблазн форма, всё более привлекательней становилась суть. Истерзанная детской неприкаянностью душа жаждала взаимности. И находила её, вне заповедной юности, среди взрослых женщин – подруг, стоящих в одиночку десятка ровесниц.

Он встретил её, первую, как-то под вечер, гуляя по Невскому. Утомлённая заботами рабочего дня, она пила кофе с подружкой за стеклом пышечной. Немедля он устремился внутрь, подошёл и присел рядом – влюблённым на всю оставшуюся жизнь.

Любовь длилась полгода. Однажды она испугалась и ради спасения собственной семьи повинулась во всём перед мужем. Их связь прервалась. Внезапно, как и начиналась.

Боронок горевал недолго. Он нашёл утешение в объятиях другой, третьей... Убивал время, пока в возрасте двадцати двух лет не встретил Алёну, одну из разведённых тридцатилетних, потерявших надежду на счастье. Готовую ради него на всё.

Их совместная жизнь постепенно входила в свою привычную колею. Приближалась первая праздничная годовщина.

Утренние сборы в школу. Баланс начал. Всё важно. Ангельское – внутри земного. Короткая юбка, рубашка, пиджачок – готовый и полный облик взрослой школьницы. Учебники с тетрадами прилагаются.

Едва притронувшись к завтраку, Виктория чмокнула маму в щёку и вышла в коридор. Смотрясь в зеркало, прислушалась. Из комнаты брата ни звука, тишина, а ведь ему пора быть на ногах, студенческая зорька давно позади. Толкнув дверь, она с шумом вошла внутрь. На кровати лежал безжизненный кокон. Вика ухватилась за него.

– Стёпка, подъём!

Кокон распахнулся, чужое заспанное лицо брата, зыркнув из него, прошипело:

– Отстань!

На секунду Вика опешила, а затем вознегодовала:

– Что значит – отстань? А ну, вставай!

И, не удовлетворившись одними словами, бросилась в рукопашную.

Спасаясь, Степан заметался по кровати.

На шум в комнату заглянула мать. Схватка между братом и сестрой разгоралась не на шутку. Сходу без колебаний мать вступилась за сына.

– Вика! Оставь его. Пусть спит – он поздно вернулся.

Заступничество матери произвело должный эффект. Не без сожаления, прекращая борьбу и выпуская из рук бесчувственного противника, Вика поднялась с кровати. Приходя в себя, оправилась.

– Позор! – сказала она, уходя. – А ещё комсомолец!

Провожая, мать задержала дочь на пороге.

– Кажется, у Стёпы проблемы на личном фронте, – шёпотом поделилась она своим беспокойством.

Вика постояла в раздумье, выдержала паузу и, не желая утруждать себя в данный момент чужими проблемами, ответила:

– Мы – разные поколения. Он – взрослый, я – маленькая. Между нами Китайская стена.

– Ладно, – вздохнула мать, завершая разговор. – Иди, а то опоздаешь.

Пространство вокруг школы было оживлено. Ребяшня от мала до велика со всех сторон спешила навстречу знаниям. Вика шла в школу своим проторенным путём, через стадион, на краю которого в укромном месте – между кустами сирени и качелями – её, как всегда, ждал близкий человек, одноклассник по имени Коля.

Встретившись и обменявшись приветствиями, они постояли немного и продолжили путь вместе.

– Давай сбежим сегодня с уроков? – неожиданно предложил он ей.

– Зачем? – спросила она, изображая недоумение.

– Хорошая погода, – поднял глаза в небо Коля. – Гулять охота.

– Гулять можно и после уроков, – заметила она.

– Ждать долго.

– Ничего. Всему своё время.

– Отличница! – с укором буркнул Коля.

Вика повернула голову и внимательно посмотрела на него.

– Уроки пролетят незаметно, – сказала она, улыбаясь. – Сделаю всё, что в моих силах – обещаю. Если ты, конечно, от меня не пересядешь.

– Не пересяду, – выпалил Коля. И, взбежав по ступенькам крыльца вверх, открыл перед ней дверь в школу.

Новичок Коля Трубников появился в их классе год назад. Неделю, тихим и неприметным, он адаптировался. Затем, исчерпав все ресурсы чужой личности, слился с реальностью и стал тем, кем был с рождения – бунтарём.

Классный руководитель, учительница математики, сухая пожилая женщина по прозвищу «Интеграл» попыталась укротить мальчика, но не тут-то было. Незыблемый стеклянный фасад школы дрогнул и осыпался – не жалея окон, мальчик ответил игрой в атакующий футбол.

Поражение было сокрушительным. Счёт – разгромным. Однако «Интеграл» не опустила руки и продолжила борьбу. По поводу и без над Колей начали устраиваться общественные судилища.

Отвечая за свои выходки распятием на лобном месте – перед всем классом у школьной доски – он вызывал противоречивые чувства. Цыган и видом, и поведением, один против всех. Присматриваясь, Вика подолгу задерживала на нём взгляд. И... постепенно, находя одну привлекательную черту за другой, влюблялась.

Шло время. Противостояние учительницы и бунтаря усиливалось. Одних распеканий «Интегралу» уже было мало и она решила уязвить Колю в самое сердце, устроив ему показательное отчуждение от девичьей половины класса. По глубокому убеждению старой и опытной женщины такому хулигану, как он, было суждено прожить всю жизнь одному, изгоем, без пары и любви.

Упорствуя в своём убеждении, на одном из собраний «Интеграл» обратилась к прекрасной половине класса:

– Девочки, обратите внимание – единственный в классе Трубников у нас сидит один. Есть возможность исправить положение – воплотить в жизнь свою мечту.

Тишина воцарилась в классе.

– Неужели никому из вас он не симпатичен? – продолжала «Интеграл», злорадствуя. – Подайте знак, кто хотел бы дружить с ним.

Никому не было дела до него. Равнодушие. Ни шороха. Полный штиль. И вдруг поверх голов взметнулась ввысь рука Виктории. Неожиданно для всех и, прежде всего, – для себя самой. Грянул гром среди ясного неба. Движением открывшейся наружу души девочка признавалась в своих чувствах мальчику.

Усевшись за одну парту, они стали неразлучны. Чувствуя свою ответственность, Вика взялась за перевоспитание Коли. И чудо – бунтарское начало поддалось. Не до бунта, когда ты – опора девушки. Плечом к плечу на уроках, встречи у порога школы и проводы домой, поведение должно было соответствовать уровню доверия.

Единственная и последняя памятная попытка Коли выйти из-под контроля случилась на предновогодней школьной дискотеке. Перед самым её концом, потеряв мальчика из виду, Вика заподозрила неладное. Выбежав в коридор, сразу же увидела его, во главе шумной и весёлой компании, собравшейся разряжать огнетушители. Она успела появиться буквально за секунду до того, как рука Коли была готова дать отмашку пенной буре.

– Коля! – крикнула она.

Встретилась с ним взглядом и, уходя, дала понять: ты – на распутье.

Коля сделал правильный выбор. Огнетушители остались целы. Буря была укрощена. Без особого принуждения и труда – в угоду ангелу.

«Интеграл» тяжело переживала своё поражение. День за днём она видела Колю в компании Виктории – отличницы, комсомолки, примерной во всех отношениях девочки. Отношения развивались. Скрепя сердце приходилось признать: у этой пары было будущее.

Прозвенел звонок. Зов на перемену услышали все, кроме учителя. Погружённый с головой в своё занятие, как заведённый, он продолжал исписывать доску формулами. Уроку, казалось, не будет конца.

Возмущённый, Коля взял учебник, тихонько отвёл руку с ним в сторону и, дождавшись удобного момента, разжал пальцы.

– Бах! – сработал закон всемирного тяготения.

– А-а-а! – взорвалась тишина на задних партах.

– У-а! – подхватил весь класс.

Оглушённый учитель отпрянул от доски, обернулся, поднёс наручные часы к глазам.

– Да, действительно пора, – растерянно заметил он. – Как время летит – прямо бедствие какое-то. – Он поднял глаза на класс. – Все свободны. И прошу вас – не забудьте про домашнее задание.

Несмотря на суету, охватившую класс, за партой Вики и Коли царил покой. Под её пристальным взглядом, прямой и неподвижный, смотря вперёд, он изображал полную безучастность.

– Хватит притворяться! – толкнула она его. – Знаю – твоя работа.

Коля пошевелился.

– Но, если по-честному, – продолжила Вика, – то для физики вполне хватит и сорока пяти минут.

Вдохновлённый её словами, Коля мигом преобразился, сжал кулаки и, потрясая ими, запел:

– В нашем смехе и в наших слезах,

И в пульсации вен – перемен!

Мы ждём перемен.

Выйдя из класса, они отправились в столовую. За обедом стояла большая очередь, терять время попусту не хотелось и они решили обойтись без первого и второго, перекусив в буфете, чем придётся. Вика заняла места за свободным столиком, Коля пошёл за едой.

Вскоре на столике появились ватрушки и компот. Разглядывая стоящий перед собой стакан, Вика поморщилась – внутри плавала большая розовая медуза.

– Компот абрикосовый, – сказал Коля, заметив её реакцию. – Это абрикос.

Вика выудила медузу из компота ложечкой и осторожно положила её на край тарелки с ватрушками.

– Хочешь – ешь, – предложила она.

Теряя воду, медуза начала расползаться.

Коля поспешил вооружиться ложечкой и принялся окучивать её, пытаясь поднять и отправить в рот. Медуза отчаянно сопротивлялась.

Наблюдая за их противостоянием, Вика внезапно ощутила беспокойство. Прилив. Волнение тайной стихии внутри. Стихии, живущей по своим законам и правилам, и проявляющейся всегда спонтанно, неожиданно, без предупреждения. Чаще, когда они оставались с Колей наедине.

Однажды всё зашло слишком далеко. У неё отчаянно забилось сердце, пошла кругом голова и она чуть было не потеряла сознание, перепугав и себя, и Колю. Тут же покончив с поцелуями, они освободились из объятий друг друга, сели порознь и долго приходили в себя. Уже потом, спустя время, дома, наедине с собой, почти позабыв про пережитое, она обнаружила их – тайные знаки большого прилива. Будь осторожна, уходя, предупреждали они, море огромно, родников, питающих его не счесть, томлению взаперти оно предпочитает волю.

Наконец, с большими ухищрениями Коле удалось победить медузу. Аккуратно и бережно он поднёс её ко рту.

Вика опустила глаза. Достигнув своего пика, волнение постепенно сходило на нет.

– Вкусно! – поделился своими впечатлениями об абрикосе Коля.

Очнувшись, Вика потянулась к ватрушке, надкусила её, пригубила компот.

– Сегодня хорошая погода, – сказала она. – Давай погуляем в парке.

– Давай, – согласился он.

Прошло три дня с прошедшей встречи. Старые розы, ведя схватку со временем, слегка увяли. Новые, заняв место рядом и словно подбадривая их, были изначально свежи и белы. Илона улыбалась.

– Разомнёмся стряпнёй? – предложил Степан.

– Это лишнее, расслабься. Обед готов – мама постаралась перед дежурством.

Удовлетворённо кивнув, Степан подошёл и обнял её. Она не сопротивлялась.

– Тогда я начну побеждать, – заявил он, приободряясь.

– А справишься?

– Не беспокойся. Я занимался самбо, целых пять лет.

– Странно, в газетах об этом ничего не писали.

– Скромность украшает чемпионов.

– А по-моему, всё как раз наоборот, – сказала она, отступая к тахте.

Он наступал. Шаг за шагом путь сокращался, слова иссякали и, наконец, исчерпав все лимиты пространства и общения, они оба упали на тахту.

Домой он вернулся поздно. Метро уже не работало, пришлось добираться на попутках.

Утром его разбудила сестра. Больше он не уснул. Уставившись в потолок, лежал и старался прогнать мрачные мысли прочь.

Накануне он пресытился борьбой допьяна. Однако любовный омут остался взаперти.

– Санитарный день, – лукаво улыбаясь, объяснила Илона.

Глава восьмая

Вечерело. В квартире Боронка горел свет. На маленьком мягком диванчике перед ним сидела Алёна – запахнутая в домашний халат, чистая, обаятельная, тёплая. Прелюдией яркого романтического настроения струились по плечам распущенные белокурые шелковистые волосы. Велик соблазн... Но Боронку было не до того. Он ждал звонка. Ночь обещала добычу. Четыре раза в неделю без сна – он разгружал вагоны.

...Детский сад, работа воспитателем. Всё светлое время суток на ногах в суете и заботах. Вечером – пустая комната в коммуналке. Так, короткая дни, жила-была Алёна, одна-одиношенька.

Однажды жарким летним днём она опомнилась. Пытаясь поймать свой лучик счастья из щедрой горсти солнечного дождя, разорвала замкнутый круг, взяла отгул и отправилась на озеро под Всеволожском.

Он вышел из воды с лапами подмышкой, большой, весёлый, беззаботный. Подойдя и бесцеремонно уставившись, оглядел её всю. Поймав взгляд, сказал, что если она улыбнётся ему, то он сотворит чудо из чудес – подвинет озеро.

Она усмехнулась, легла на живот и притворилась неживой, давая понять, что не верит. Незнакомец не уходил.

– Я занята, – сказала она. И, прикрываясь полотенцем, добавила: – Мне не нужны ваши фокусы.

– Жаль, – вздохнул он. – Это мой коронный номер. Я тренировался и день, и ночь, всю жизнь.

Она сокрушённо покачала головой – болтун, каких немало, прилип, так просто не отстанет. Повернулась и улыбнулась блеском всех 32-х зубов. Сопроводила улыбку взмахом руки: спектакль окончен, иди двигай своё озеро и сам утони в нём.

Вернуться в исходное положение она не успела. События вышли из-под контроля. В один миг мощная сила подхватила и вознесла её высоко над песком, лицом к лицу с ним – бесшабашным. Он улыбнулся ей, держа на весу в своих дланях.

Долгая секунда оцепенения...

– Спасите! – прошептала она, зажмуриваясь и обхватывая руками его шею.

Он откликнулся. Сомкнул хват ещё крепче и понёс её, легко и непринуждённо, как пушинку, навстречу спасению, одним, только ему ведомым путём.

Спустя время, услышав плеск воды, она решила открыть глаза. Они шли напрямиком в озеро.

– Зачем? – еле слышно спросила она.

– Договор, – ответил он. – Я двигаю озеро.

Не в силах сопротивляться, словно сражённая гипнозом, она потеряла связь с реальностью.

Он вошёл в воду и, рассекая её, двинулся вперёд. Светлое безбрежное царство, даль глубокая, просторы великого блаженного покоя без страха, одиночества и боли открылись перед ней. Явь превращалась в сказку...

Она вышла из пучины, восседая на плечах богатыря.

У неё были с собой бутерброд, помидор, леденец и время. Всё, что она могла предложить ему взамен.

...Телефонный звонок.

Боронок снял трубку.

– Алло! Да, я. Выхожу.

В дверях он остановился. Чувствуя девичье волнение, обнял её, прижал к себе и поцеловал.

– Спи. Не заметишь как пролетит время, придёт утро и новой серенадой я разбужу тебя.

Алёна поправила ему воротник, погладила по руке.

– Не надрывайся там, Тит. Я тебя очень прошу.

Боронок вышел во двор. У телефонной будки стоял мотоцикл «Урал» с коляской. Рядом маячили напарники – братья Четниковы. Оба рыжие, плотные, крепкие, силой и физическим развитием почти не уступающие ему самому. Две половины единого целого. Близнецы Чет и Нечет. Хулиган с серьгой в ухе и миротворец.

Кивнув обоим, Боронок занял место в коляске. Нечет уселся рядом, Чет впереди.

Мотоцикл завёлся, взревел и, срываясь с места, понёсся навстречу ночи.

Калининская овощная база. Напротив, через дорогу – Пискаревское мемориальное кладбище. Вечный огонь и покой. Внимая и отдавая должное столь щепетильному соседству, как добрая соседка, база скрывала свою беспокойную суету за высоким бетонным забором. Праздник урожая, в праздники и будни, круглые сутки, и ночью, и днём. Троица поспела в самое время. Как всегда, старший по разгрузке Наумыч, встречая её, был на своём посту.

– Чего кислые? – спросил он, здороваясь.

– Менты тормознули, – ответил Чет. – Прикопались к габаритным огням.

– Штрафанули?

– А как же!

– И шут с ними... Хорошо, что отпустили. Иначе без вас мне кранты. Значит, как всегда, два вагона?

– Да.

– Вперёд, ребята! – радостно потёр руки Наумыч. – Родина вас не забудет.

Неторопливым размеренным шагом, разминаясь, подошёл Боронок к вагону. Очередное испытание духа и тела ждало впереди. Овощ тот ещё враг. Поначалу заигрывает с тобой, поддаётся, сам лезет в руки, потом сбрасывает маску и объявляет войну. Опомнись не успеешь, а уже пройден рубеж, килограммы ушли, откуда ни возьмись, давя дикой мощью, прёт на тебя махина весом в тонны...

Воин или бурлак? Боронок засучил рукава. И тот, и другой. Труд как сражение. Иного пути нет. Ставки сделаны – к утру вагоны с картошкой должны опустеть.

Начало лекции было монотонным и скучным. Голос преподавателя витал где-то высоко, под самым потолком, пытаясь достигнуть уровня замерших внизу студенческих голов. Слух Степана, как и большинства его товарищей, был отключен. Не до профессора, когда ты во власти потрясающей новости. Освободилась квартира – на целую неделю Горыныч вместе с родителями уезжал в Москву.

Первым шагом к цели было занять место в аудитории рядом. Вторым – войти в доверие и получить ключи.

– Горыныч! – толкнул он хозяина квартиры.

– А? – отозвался тот, увлечённо рассматривая брелок.

– Хочешь – покараулю твоё жильё?

Горыныч недоумённо приподнял бровь.

– Зачем её караулить? В дверях замки хорошие.

Взяв паузу, Степан устремил взгляд на брелок. Смотреть было на что. Женщина одевалась и раздевалась перед глазами, в зависимости от угла зрения переливаясь на свету.

– Круто! – поспешил выразить своё впечатление он.

– Ага! – откликнулся Горыныч. – Подарок.

Степан оживился.

– Что тебе подарить, чтобы ты пустил меня к себе пожить? Говори, я за ценой не постою.

Горыныч отвлекся от брелока.

– Ты один или с подругой? – спросил он.

– С подругой, – признался Степан. – Пришло время проверить чувства, а подходящих условий нет. Выручай, брат.

– Видишь, какая несправедливость, – произнёс Горыныч, снова уткнувшись в брелок. – Ты имеешь подругу, но – бесквартирный. У меня есть квартира, но нет подруги. Какой напрашивается вывод?

– Какой?

– Гони подругу. И тогда, так и быть, на неделю квартира твоя, вселяйся и веселись. Только смотри, чтобы моя подруга была не хуже твоей. Я в этом плане привередливый.

Степан растерялся.

– У меня нет лишней подруги. Да ещё такой, чтобы угодила тебе.

– Это твоя проблема. Ищи, коли приспичило. Свободная хата стоит того.

И, заканчивая разговор, Горыныч потряс в воздухе связкой ключей.

Как ни старался Степан, найти за один день девушку, достойную Горыныча, не удалось. Условие оказалось невыполнимым, квартира – недоступной, и каждый из них – хозяин и влюблённый – в итоге остался при своём.

На следующий день после отъезда Горыныча, сидя в аудитории, Степан слушал очередную лекцию. Тоска донимала его. Жить не хотелось. Рядом, вертя что-то в руках, увлечённо разглядывал Боронок. Бросив в его сторону случайный рассеянный взгляд, Степан встрепенулся. Луч света в тёмном царстве. Знакомый брелок. Тот самый – с переливающейся женщиной.

– Откуда у тебя это? – спросил он, облизывая пересохшие губы.

– Горыныч оставил, – ответил Боронок. – Мы же соседи.

– Он... и квартиру тебе оставил?

– Да. Ведь там живность – хомяк и рыбы. Надо следить, чтобы не окоchureились в его отсутствие.

В отличие от Горыныча Боронок оказался куда сговорчивее. Никаких условий. Всего лишь одно пожелание – взять хлопоты по уходу за живностью на себя. Степан обещал. И ключи вместе с волшебным брелоком тут же перешли к нему. Как временно исполняющему обязанности хозяина квартиры.

Стоя перед сервантом, Илона внимательно разглядывала хрусталь за стеклом. Какие сюрпризы порой преподносит жизнь. Неделя свободной жилплощади. Начало игры в жениха и невесту. Дозволено всё, никаких запретов, открыты все дороги, среди которых и та, одновременно близкая и далёкая, уносящая личную свободу – в ряды юных домохозяек, обременённых бытом и семьёй.

Она оторвалась от хрусталя, огляделась, заметив зеркало, подошла к нему. Собственное отражение по пояс. Несколько минут она придирчиво рассматривала его. Вынося вердикт, улыбнулась. Всё как всегда – среди смуглянок с холодным сердцем она первая, поиск изъянов – пустая трата времени, должный эффект без всяких уловок и прикрас налицо. Она заложила руки за голову и закрыла глаза. Задумалась. А что же и вправду дальше? Какие перспективы в действительности ждут её, красавицу, впереди? Институт, диплом, работа – вехи совершенно необходимые для становления личности, важные этапы, без которых нечего и думать о каком-либо существенном изменении судьбы. Да, жених женихом, игра игрой, а записываться в невесты рановато. Время ещё не пришло.

Она открыла глаза. А где собственно он? Ушёл кормить хомяка, обещал через пять минут вернуться и – как в воду канул.

Тихо на цыпочках, стараясь не шуметь, Илона отправилась следом за ним, в соседнюю комнату. Дверь была приоткрыта. Поддев её носком и распахнув пошире, она заглянула внутрь.

Степан стоял перед окном, спиной к ней, совершенно голый. Сердце Илоны отчаянно забилося. Маяк. Сигналит. Кому?

– Эй!

Он развернулся.

Она пошла навстречу.

Мельком на ходу отметила: с сигналом беда – никаких надежд. Глянула в окно. Внизу никого. Далеко впереди башенный кран. Обернулась. И едва не зажмурилась, застигнутая врасплох. Сигнал, реагируя, оживал на глазах.

– И что мне теперь делать? – спросила она, смотря ему прямо в глаза.

– Забыться, – ответил он. – Под нашей собственной крышей. Крепко-накрепко. Чтобы осталась память о ней.

Ярок, горяч и полон чувств был призыв. Словно панцирем сдавило грудь. Раздумывать было некогда. Поддаваясь и отменяя прочь все тайные и явные противоречия, она поспешила сбросить лишний груз.

...Отутюженный жарким полным контактом пушистый напольный ковёр остывал, впитывая влагу разгорячённых неподвижных тел.

Они лежали рядом, касаясь друг друга и смотря в потолок.

– Когда-нибудь так у нас получатся дети, – голосом пересекающего финишную черту марафонца заявил он. – А пока я получил всё, что хотел.

Она улыбнулась. Тронула его рукой. Сигнал таял в розовом тумане. Маяк исполнил своё предназначение.

Боронок вошёл в вагон. Треть картошки уже снаружи. Осталось выгрузить ещё треть и братья придут на помощь. Он усталился на гору перед собой. Рассыпайся!

Груз в сетках не пошелохнулся.

Он полез наверх. Тронул мешок под самой крышей, ухватился за другой, третий... Отзываясь, гора встрепенулась, задрожала и пришла в движение. Начался картофелепад. Спасаясь, Боронок бросился вниз, а затем прочь из вагона. Картофель – за ним.

Из соседнего вагона на шум выглянул кто-то из братьев. Озадаченно усталился на беглеца.

– Нормально, – откликнулся тот, приходя в себя. – Сорт такой. – И, набычившись, ринулся обратно, за реваншем – очищать заваленный вход в вагон.

Глубокая тёмная ночь. Равнодушно рассеивая тьму, светили фонари. На платформе перед вагонами, ожидая заполнения поддонов, стоял погрузчик. Сидящий внутри водитель, покуривая, смотрел увлекательное шоу. Троицу он видел впервые. Студенты? Наверяд ли. Хотя и молодые, но работают так, будто не овощами – золотом промышляют – молча, упорно, старательно. Чувствуется серьёзная натура. Мужики.

Заморосил дождик, сначала тихо, затем всё более крепчая и набирая силу. Вскоре на крышу погрузчика барабанной многоголосой дробью обрушилась настоящая стихия. Всё, приехали. Хочешь-не хочешь, пришло время сматывать снасти, объявлять перерыв и ждать прояснения погоды. Водитель раскрыл было рот для усыпляющего зевка, как вдруг замер. Безумие творилось на его глазах. Бросая вызов стихии, троица сбрасывала одежду.

Первым под дождь вышел серьгастый. Вынес трёхпудового младенца на руках, маршем дюжей няни пронёс его до поддона и впечатал в деревянный настил.

Запел.

Двое, выходя со своим грузом на руках, подхватили песню.

Подавшись невольно навстречу участником события, водитель начал жадно ловить слова. Несомненно главный секрет был в них. Точно.

– Это Кара-Кара-Кара-Каракум...

Ночь уходила. Свет фонарей угасал. Огромным багряным заревом поднималось над горизонтом солнце.

Гольшом, в одних трусах и ботинках, троица выгружала последние мешки из вагона. Из тени внезапно вынырнул Наумыч. Водитель Сёма, сверкая шальными глазами, бросился ему навстречу. Бедолагу шатало из стороны в сторону.

– Наумыч, не подумай чего, – заголосил он, трясая головой. – Я не пьян, ей-Богу!

Наумыч молча уставился на него, затем перевёл взгляд на трудяг.

– Ты, брат, легко отделался, – заметил он. – Одежка всё-таки при тебе осталась.

Сёма зажмурился.

– Не пил ничего.

– Конечно.

– Наумыч!

– Верю. Ты, Сёма, пьян этой стервой Победой. Я знаю. И со мной такое бывало.

– Да, – закивал, соглашаясь, Сёма. – Та ещё зараза. Нет спасения.

Подошёл Нечет.

– Поздравляю с успешной сдачей норматива! – раскрыл ему объятия Наумыч. – Отлично сработали. – Обнимая и хлопая по спине, добавил:

– Пошли за расчётом.

Утро вступало в свои права. База просыпалась. Ночная смена, усталая и довольная, с заработанным рублём в кармане шла на проходную. Путь триумфаторов был усеян овощным изобилием. Картошка, брюква, морковь... Внезапно глазам открылась арбузная отдушина. Они сошлись. Словно сами собой большие полосатые ягоды прыгнули в руки. Боронку – две, братьям – по одной. Ноша окрылила. Идти стало намного легче.

Из-за поворота перед проходной наперерез внезапно выскочил человек в чёрной робе. Уставившись на них, он увидел арбузы и, словно гончая, поймавшая след, устремился навстречу.

– Охрана, – тихо сказал Чет.

– Не слепые, – в тон ему произнёс Боронок.

Довольная улыбка во весь рот озаряла лицо человека.

– Какая удача! – осклабился он, разводя руками. – За всю неделю ни одного воришки, а тут за один раз сразу трое. Ну, что, попались, ребята? Сдавай кладь, будем акт оформлять, штраф вам светит нешуточный.

Боронок переглянулся с братьями.

– Погоди, – сказал он. – Рано радуешься. Эти арбузы – битые.

– Битые? – переспросил человек. Нахмурился, шумно задышал и, приходя в бешенство, ткнул перед собой пальцем: – Покажи!

– Смотри, – пожал плечами Боронок. И простым бесхитростным движением шулера выронил арбуз.

Хрясь – разбился вдребезги тот.

Человек замер. Боронок, улыбаясь, стал подкидывать в руках второй арбуз, Чет и Нечет, вторя, принялись жонглировать своими.

– Ты не за теми охотишься, – заметил Боронок. – Мы – работяги, всю ночь здесь пахали. Этими арбузами не восполнишь того, что выжала из нас твоя база.

– Ищи лучше халяву, – посоветовал Чет. – Она там не стесняется – арбузы тачкой увозит.

– А? – обрёл дар речи человек.

– Ага.

– Куда увозит?

– Будто сам не знаешь. Туда, где дыра в заборе.

– Где? – присел человек.

Боронок и братья показали. Не сговариваясь – в противоположные стороны. Глаза охранника растерянно заметались.

– Дыра сквозная, – объяснил Боронок. – Вход-выход.

Человек жадно посмотрел на арбузы, перевёл взгляд на розовое пятно на асфальте, махнул рукой и, чертыхаясь, побежал искать дыру в заборе.

На проходной навстречу поднялась пожилая женщина-сторож.

Чет прижал арбуз обеими руками к груди.

– Заплачено, бабуля!

– Кому, ему?

– И ему тоже.

Она уставилась в окно.

– Тогда куда-это он стреканул?

– За долей своей. Чтобы не забыли.

– Ах, ты!

Они вышли наружу. Остановились, вдохнули полной грудью свежую прохладу нового дня и, оживлённо переговариваясь, устремились к поджидавшему их мотоциклу. Ещё одна ночь из череды трудовых будней была позади.

Сквозь сон Степан услышал птичью трель, бодрую и залиvistую. Будя, она звала ожить, вспорхнуть и запеть вместе с ней. Он открыл глаза. Звонили в дверь.

Спрыгнув с дивана, он поспешил на зов. По пути услышал шум с кухни – Илона что-то готовила, ей было не до птичьих разговоров.

С замиранием сердца открыл дверь. За ней – никого. Он хотел было закрыться, но в последний момент, передумав, решил выглянуть наружу. По лестнице вниз удалялась знакомая широкая спина.

– Тит! – окликнул он.

Боронок оглянулся.

– Я думал тебя нет, – радостно осклабился он, меняя направление движения.

– Здесь мы вдвоём, – сказал Степан, встречая друга. – Закрылись, как в крепости. Почти не выходим.

Боронок понимающе кивнул.

– Никто вас не беспокоит внутри крепости? – спросил он, останавливаясь и обмениваясь рукопожатием.

– С какой стати? – встревожился Степан. – Хозяин уехал.

– Сам – да. А домовой на страже. Вдруг материализуется, захочет свести знакомство.

– Пусть он Горыныча дожидается. Мы здесь транзитом, на время, поживём и съедим.

– Ладно. Тогда у меня есть предложение. Приглашаю посидеть вечерком по-соседски, парой на пару, вчетвером.

Внезапно к разговору присоединилась Илона. Прильнув сзади к Степану, она обхватила его руками и выглянула наружу.

– Здравствуйте!

– Здравствуйте! – кивнул Боронок.

– А почему в дверях? – спросила Илона.

Вопрос повис в воздухе – из кухни донеслось громкое шипение, раздался протяжный свист, застучала гулкая дробь.

– Ой! – вскрикнула она, отшатнулась от Степана и стремглав бросилась на шум.

– Колдует, – кинул ей вслед Степан.

– Консервы, – заметил Боронок, принюхиваясь.

– Ага.

Минуту друзья молчали.

– Хорошо, что ты зашёл, Тит, – сказал Степан. – Спасибо за приглашение. Давай и правда отметим наше новоселье, закажем пир на весь мир.

– Договорились. Тогда до вечера. Встречаемся у меня.

Боронок двинулся вниз. На середине лестницы, вспомнив что-то, остановился.

– А Горыныч что с тебя за квартиру требовал?

– Знакомства, – ответил Степан. – Подругу хотел.

– Старая песня, – усмехнулся Боронок.

– Я не смог ему ничем помочь.

– Не терзайся. Такое положение вещей – в интересах общего дела. Пока Горыныч один, нам с тобой делить блага. Тебе – квартира, мне – его дружба.

Стоя перед раскрытой зеркальной дверью шкафа, Алёна перебирала платья. Сегодня с Титом они ждали гостей и потому следовало выглядеть достойно. Полосатое или в горошек? А может быть это – отливающее бирюзой? Примеряя платья, одно за другим, она смотрелась в зеркало. Неудовлетворённая, продолжала поиск. Внезапная мысль мелькнула в голове: дело не в платьях – в ней самой. Разница в возрасте, целых семь лет! Отсюда неуверенность, искажающая лицо, облик, фигуру. Как справиться с ней? Море платьев вокруг. У каждого своя история. Она закрыла глаза, уходя в мир воспоминаний, поплыла и пропала. Спустя время, по возвращении платье из платьев ждало её. Затая дыхание, как в первый раз, она одела его, пригляделась, подняла голову. Да, та самая. Любимая. Красивая и молодая, вне возраста, времени и памяти лет.

Начало вечеринки кружило голову. Проведя несколько дней взаперти и отвыкнув от людского общения, Илона к своему удивлению стеснялась. Придти в себя и освоиться помогла хозяйка. Радушия, непринуждённости и гостеприимства ей было не занимать. Илона видела перед собой взрослую женщину, превосходство опыта и умения быть собой, старшую подругу из соседней квартиры, ту самую, что в иных моментах бытия – открытия сокровенных женских и житейских тайн – ближе родной матери. Общий стол, сидящие рядом мужчины не давали возможности сблизиться. А так хотелось! В разгар вечеринки, переглянувшись, они поднялись со своих мест. Взяли початую бутылку лёгкого вина, бросили мужчин и уединились в углу на мягком диванчике среди полумрака и тишины. Грёзы и мечты парящей в небесах одной, обрётённая твердь под ногами другой – встретились два полюса, качнулись качели и начался поиск уравнивающей всё единой вечной истины.

Мужчины были заняты собой. От обильной еды ломился стол, горели ярким огнём звёзды крепкого армянского коньяка, шло полным ходом весёлое и беззаботное братание.

Наступила глубокая ночь. Небо было усеяно звёздами. Боронок и Степан вышли на балкон. Вспыхнула ярким пламенем спичка, рассеяла тьму, зажгла два огонька. И закрутился сигаретный дым. Языки развязаны, души нараспашку, пришло время откровения.

Боронок выпрямился, вынул сигарету изо рта и, удерживая её на весу перед собой, заговорил:

– Знаешь, Стёпка, я с рождения одержим одной большой мечтой. Сколько себя помню – пашу изо всех сил, ищу счастье, прокладываю путь в свой залитый солнцем оазис. Мне счастья много надо, я хочу его всё, что есть на земле и мне отмерено. За это ничего не пожалею, любую цену заплачу, себя с землёй сравню.

Степан слушал, не перебивая.

– И главное, – продолжал Боронок, – о чём прошу судьбу в этих мытарствах – не отлюбить, остаться собой, жить и дышать до конца, любя.

Замолчав, он сунул сигарету обратно в рот, опёрся локтями на перила и опустил голову вниз.

Дым клубился. Тишина царила вокруг. Наконец, в ночь, один за другим полетели два огонька, чертя мерцающим светом свой путь, достигли земной тверди, ударились о неё, вспыхнули и рассеялись.

Земля и небо.

Горели звёздами светляки.

– Ты услышан, Тит, – тихо сказал Степан. – Адрес верный.

Глава девятая

Пятница была особенной. Сидя за партой, Вика и Коля еле сдерживали возбуждение. Первое путешествие за город вдвоём – в гости к «полосатому» деду.

Накануне родители со Степаном проведали деда. Обрато вернулись впечатлённые, с горой свежего урожая – помидорами, кабачками, яблоками... На словах дед передал, что ждёт внучку. И надеется дожидаться её приезда раньше, чем появится ещё одна. Шутки шутками, а деду не позавидуешь, живёт старый моряк один-одинёшенек, компании ему не хватает.

Коля вознёся на седьмое небо, когда Вика предложила ему составить ей компанию. Обрадовал. Правда, насторожил знакомый шальной блеск в глазах, но она тут же поспешила успокоить себя. Пусть только попробует что-нибудь выкинуть – она просто бросит его по пути. Невелика потеря. Потом посмотрим, как будет вымалывать себе прощение.

Мама, узнав про их совместный отъезд, встревожилась. Подобное намерение явно имело тайную подоплёку. Краснея, Вика ответила ей неммым укором. У этих взрослых всегда одно и то же на уме. Как будто не видно, что они оба ещё дети.

Уроки, наконец, кончились. Наскоро перекусив в буфете, они вышли из школы и устремились на вокзал.

Электричка была полупустой. Октябрь, пляжный сезон давно миновал, за стеклом проплывала красно-жёлтым нарядом осень. Вика устроилась у самого окна, Коля подпирал её плечом, сидя рядом. Между их ног на полу стояла большая сумка – в гости к деду они ехали не с пустыми руками.

На половине пути, распугивая сонную тишину, в вагон ворвалась троица подростков. Юная рабочая смена, она же – живое проклятие родного ПТУ. Вдоволь покуролесив и набегавшись, новые пассажиры заняли места на соседней лавке, позади Вики и Коли. Смехом, матерщиной, лущением семечек и плевками продолжили общий путь.

Вика смотрела в окно, изредка с любопытством поглядывая на Колю. Он сжимал её руку в своей, красный, уставившись невидящим взглядом прямо перед собой. Временами, в ответ на шум за спиной, брови его хмурились, на скулах играли желваки. Никаких сомнений – в любой момент он был готов подняться и проявить себя защитником.

Остановки летели одна за другой. Пассажиры постепенно покидали вагон. Пришло время и их выхода. Ступив на перрон, Вика облегчённо вздохнула – неприятный отрезок пути кончился, хулиганы-попутчики остались позади. Вдвоём они спустились с перрона и отправились к билетной кассе – узнать расписание поездов на воскресенье. Остановившись перед огромным стендом, Вика углубилась в чтение. Коля оказался предоставлен самому себе. Скучая, он обернулся и уставился на электричку. Уезжая, та медленно набирала ход. Показалось окно с пэтэушниками. Увидев Колю, все трое вскочили со своих мест, прильнули к окну и начали прощаться. Отчаянием в лицах и жестах. Взгляд Коли застыл. Отчаяние нарастало. Электричка уезжала. Время прощания стремительно таяло. И тогда Коля очнулся. Срываясь с места, бегом устремился вслед, подхватил на ходу с земли воображаемый камень, поравнялся с окном, взмахнул рукой и сымитировал бросок. Попал. Окно вмиг стало прозрачным, как будто за ним никого и не было.

Насладиться победой он не успел.

– Хулига-а-ан! – внезапно истошно закричал кто-то рядом. – Вот он. Держи его!

Оправдываться было бесполезно. Петляя, как заяц, Коля рванул назад. В мгновение ока достигнув билетной кассы, подхватил сумку и, увлекая Вику за собой, понёсся прочь.

Они остановились через несколько минут, когда опасность в виде всполошённого кричащего на все лады люда осталась далеко позади. Вика задыхалась, у неё отчаянно коло-

тилось сердце, кололо в боку. Пытаясь придти в себя, она согнулась и упёрлась руками в колени.

– Вика, они первые начали, – сказал Коля. – Я только ответил.

С тяжёлым вздохом Вика выпрямилась. Глаза её источали ледяной холод.

– Слышать ничего не желаю, – прохрипела она. – Ещё раз подобное повторится – сильно пожалеешь. Понял?

– Да, ладно, – отмахнулся Коля. – Я всё равно промахнулся.

– А если бы меня рядом не было? Разбил бы окно?

– Не знаю, – пожал он плечами.

Находя дальнейший разговор бесполезным, Вика махнула рукой.

– Пошли.

До дома деда им удалось добраться без приключений. Дед находился во дворе, коля топором дрова. Идя вдоль забора к калитке, смотря во все глаза на него, Вика испытывала невольный трепет. Её дед. Всегда в строю, солдат полка Победы, вне времени и перемен.

Увидев гостей, дед воткнул топор в колоду, утёр руки и пошёл навстречу.

– Здравствуй, внучка!

Растроганная Вика не жалела чувств, обнимая и целуя родного человека. Нельзя пропустить ни морщинки... Внезапно щека полыхнула огнём. Ойкнув, она поспешила остановиться и отпрянуть.

– Колется, – пожаловалась она.

Старый Греков провёл рукой по щетине.

– Колется, – с улыбкой подтвердил он.

– Бриться надо.

– Это точно. – Дед перевёл взгляд на Колю. – Как звать?

– Николай.

– Водку пьёшь?

– Ещё не пробовал.

– Жаль, а то бы научил тебя опохмеляться.

Теряясь в поисках ответа, Коля потупился.

– Дед, что за глупости ты говоришь? – поспешила вступить за друга Вика. – Коля – ещё школьник.

– И что? Это не повод ставить на себе крест. Тем более, когда он с меня ростом.

Коля, оживившись, поднял глаза.

– Не робей, – подмигнул ему дед. – Школа школой, а главная наука – сама жизнь. Раз приехал, познакомлю тебя с ней, введу в курс молодого бойца.

Колины глаза зажглись.

Нехорошее предчувствие охватило Вику. Перспектива приятного отдыха стремительно улетучивалась. «Полосатый» был верен себе. Пользуясь подвернувшимся моментом, сколачивал экипаж.

– Дед, а ведь мы к тебе в гости, – недовольным тоном сказала она.

– Добро пожаловать! – откликнулся он.

– Хотим отдохнуть на природе, – продолжила она.

– Пожалуйста.

– Гостинцы у нас.

– Понял. Семь футов нам под килем. Идём обедать.

И, ухватив сумку с гостинцами, он развернулся к дому.

Предчувствие не обмануло Вику – дед и в самом деле положил глаз на Колю. Срочно требовалась помощь по хозяйству. И «полосатый» не мог отказать себе в искушении вылепить за обедом из парня добровольца. Обед кончился. Оба отправились работать. Скрепя

сердце, Вика осталась в доме одна. Единственное, что могло в этой ситуации утешить – клятвенное заверение деда в разумных пределах помощи. Часы сверены – всего каких-то полсуток и затем полная свобода передвижения им обоим. Как они распорядятся этой свободой деда, казалось, не волновало. Два юных голубя прилетели поворковать наедине. Не будет же он им помехой.

Посидев в одиночестве, без дела, Вика заскучала. Поднялась, прошлась от окна до окна и решила привести в порядок холостую дедовскую обитель. Это занятие так увлекло её, что с непривычки пошла кругом голова. Оставив веник и вытряхнутый наполовину ковёр, она поспешила в укромное место под бабушкиным портретом.

Какая дикая несправедливость: гибель под колёсами по вине пьяного водителя. А будь всё иначе, была бы бабушка жива, разве сидела бы сейчас здесь Вика одна-одинёшенька, потерянная, уставшая и обиженная. Бабушка не дала бы в обиду. Приласкала бы, ободрила, а главное – запретила бы деду своевольничать. Вика приподнялась и, обернувшись, устремила взгляд на старую чёрно-белую фотографию. Лицо на портрете, молодое и весёлое – на нём бабушке не было и сорока – ожило. В бабушкиных глазах Вика увидела себя. Почудилось, что они с ней одно целое. А ведь так оно и есть, поддакнул голос внутри. Внучка – прямое бабушкино продолжение. Связь между ними жива вопреки всему – скреплённая родной кровью поколений. Здравствуй маленькая дюймовочка, была у тебя защита и опора, есть и будет, ты на этом белом свете не одна.

...Её разбудил яркий свет и шум. Открыв глаза, она увидела деда и Колю, топчущих пол грязной обувью.

– Спишь? – спросил дед, улыбаясь.

Негодую, Вика вскочила на ноги.

– Сплю, – заявила она. – После трудов праведных. Не заметил, что здесь чисто?

Уставившись себе под ноги, дед озадаченно почесал голову.

Вика подняла голову и с чувством оскорблённого достоинства вышла из комнаты. Затевать сыр-бор с этой компанией она не собиралась.

Компания признала свою вину. Дед демонстративно, с азартом, вымел все грязные следы из дома, Коля не менее усердно рассеял их по ветру. Инцидент, казалось, был исчерпан. Выдерживая характер, Вика погуляла некоторое время по двору, вернулась в дом и без лишних предисловий и околичностей возобновила прерванное общение.

Было зябко. Светало. Вика закинула руку за изголовье кровати, нащупала наручные часики на тумбочке, поднесла их к глазам. Циферблат показывал прошедшее время. Так и есть – забыла завести. Немудрено, всё-таки это первая ночь, проведённая с мальчиком. Крутя колёсико завода, она приподнялась и устремила взгляд в сторону Коли. До дивана шагов пять. Длинных. Интересно, как он переночевал? Судя по смятому, расположенному в ногах одеялу, закрытой крест-накрест руками голове, ему было не до сна – с кем-то боролся.

Откинувшись на подушку, она уставилась в потолок. Чета комаров, лишённая каких-бы то ни было инстинктов, деля пяточок крошечного пространства вниз головой, мирно дремала прямо перед ней. Сонное царство. Жизнь за лишнюю минуту сладкого сна. Присоединяйся!

Обдумывая ответ, она затаилась. Слов нет, понежиться хотелось. Тем более, когда ты здесь не одна – в компании.

– Коля, – позвала она. – Коля-а-а...

Тишина.

Внезапно нечто вроде маленького беспокойства заворочалось внутри. Мысль, что придётся провести выходные вот так, лёжа, впустую, не за грош, ужаснула её. Беря себя в руки, она откинула одеяло и, поднявшись, соскочила с кровати.

Исполнив армейский норматив по одеванию, на одном дыхании она подскочила к дивану, схватила одеяло и бросила его на спящую Колину голову. Не дожидаясь ответной реакции, с криком побежала из мансарды вниз.

– Деда!

Отклика не было. Вика юркнула на кухню, оттуда в комнату. Пусто. Кровать деда была убрана, без морщинки, аккуратно, по-походному, ярким вызовом и укором всем лежебокам. Вика вспомнила про свою расхристанную постель, отвернулась и, ёжась, побрела умываться в коридор. Голубой умывальник встретил её. Самодовольный, бока раздуты, словно полон воды по самую крышку. Предвкушая потоп, Вика осторожно тронула его ладошкой снизу. Всхлип. Долой крышку... Внутри до самого дна – пустота. След «полосатого», он и здесь первый, попробуй угонись за ним.

Вернувшись в комнату, она осмотрелась. Чем же взбодрить себя? Взгляд остановился на старой ламповой радиоле. Она подошла к ней, приласкалась, провела обряд колдовства и отправилась на кухню. Магия возымела своё действие – вслед ей начал распеваться Джо Дассен.

Под голос любимого певца она начала готовить завтрак. Вскоре еда – разогретые мамини котлеты с вермишелью – была готова. И в этот момент, рядом, как нельзя, кстати, объявился Коля.

– Коля! – скомандовала она. – Срочно нужна вода в умывальник.

– А где её взять? – спросил он, зевая.

– Во дворе колонка.

– Пошли, умоемся под ней.

– Ты что – с ума сошёл? На улице ноль градусов.

– Тогда я один.

– Делай, что хочешь. Только сначала, будь добр, заполни умывальник, потом – подвиг. Коля исчез.

Вика вспомнила про деда. Куда подевался? Неужели замышляет что-то опять? Сегодня у них с Колей в планах поход в лес, костёр. Не хотелось бы попасться впросак, как вчера.

Внезапно хлопнула дверь. На кухню пулей влетел Коля – в одних плавках, возбуждённый, красный, как из парной. Рука деда, сразу поняла Вика.

– Вик! – вскричал Коля. – Меня дед окатил у колонки целым ведром!

– А ты и не сопротивлялся. Почему?

– Мы проверяли: настоящий я мужчина или нет.

– Зачем?

– Надо было. Иначе дед не пустил бы в лес нас одних.

– Ну, дед! – возмутилась не на шутку Вика. Кинула взгляд на дверь. – А где он сам?

– Не знаю. Зато как мне сейчас хорошо! Даже жарко. Сбегаю, умоюсь ещё.

– Коля! – прикрикнула Вика, но было поздно – того уже и след простыл.

Покачивая головой, Вика ухватила сковороду. Ища свободное место на столе, обратила внимание на странную пирамиду под полотенцем. Оставив сковороду, потянула за полотенце... И обомлела, обнаруживая перед собой стопку свежих румяных блинов, пропитанных красным ягодным вареньем. Гонка прервалась. Промежуточный финиш. «Полосатый» предлагал мировую.

Начало прогулки обескуражило. Лес оказался заперт преградой. Оголённые, лишённые листьев, кусты, смыкаясь, препятствовали движению. Стоя перед ними, Вика предложила путь в обход, но Коля и слышать ни о чём подобном не хотел. Разбежавшись, он устремился в прорыв. Кусты не устояли перед ним, отчаянно хлестаясь ветвями вдогонку. Вика осталась одна. Недолго думая, она развернулась спиной к кустам, зажмурилась и последо-

вала явленному примеру. Рывок, провал, блуждание в потёмках – и Колин смех и руки встретили её по ту сторону живой границы.

Утопая в мягкой лесной подстилке, Вика всем сердцем ощутила и почувствовала свободу. Впереди глаза радовал целый хоровод красавиц берёз. Приходя в себя, предложила Коле держать курс на них.

Они обосновались близ большого поваленного дерева. Запасшись хворостом и дровами из сухостойных сосенок, сложили шалашик, сели и предложили пищу огню.

Костёр набирал силу. Сгорая первой лёгкой добычей, нижние тонкие сухие веточки чернели, затем вдруг белели и рассыпались золою. Языки пламени жадно устремлялись вверх, облизывая дрова, изгоняя шипящую влагу и норovia полыхнуть из всех их пор ярким весёлым плясом.

Лес вокруг, казалось, затих. Мальчик и девочка сидели рядом, плечом к плечу, выпустив на свободу огненного джинна и замороженно любуясь им, всемогущим.

– Классный у тебя дед, – промолвил Коля.

– Да, – откликнулась Вика.

– А он воевал?

– Конечно. Только ты от него рассказов не дождёшься. Эта тема запретная.

Вика помолчала.

– Бабушка рассказывала, что однажды он был на волосок от гибели. Из батальона их осталось только пятеро.

– Батальон – это много?

– Наверно. Они выходили из окружения, охраняли какого-то важного генерала, не давали немцам подступиться.

– Они были десантники?

– Моряки. Братва без страха и упрёка. «Полундра».

Поджав губы, Коля молча и уважительно склонил голову. То были люди избранного круга.

– Генерал спасся? – спросил он после паузы.

– Да. И дед вместе с ним. Он при генерале личным охранником был, потому что самый молодой.

– А у деда много наград?

– Хватает. Но самая главная, как он сам говорит – это жизнь.

– Вик!

– А?

– Я хочу быть похожим на твоего деда. Чтобы и в старости быть таким, как он. Решено, буду обливаться по утрам холодной водой.

Вика посмотрела на него.

– Ты не торопишься? Это утро ещё не кончилось.

– Да, брось ты. Что мне будет? Я, знаешь...

– Коля, – тихо позвала Вика, перебивая его.

Он осёкся.

– Что?

– Холодно, – повела плечами Вика.

Коля внимательно посмотрел на неё. Жар румянил её щёки. В глазах, отражаясь, плясали яркие блики костра. Он потянулся ей навстречу. Сближаясь, осторожно обнял её, прильнул губами к тёплой щеке. Почувствовал отражением себя.

Лес зашумел. Пришли в движение мехами кроны деревьев, разогнали, подхватили и понесли воздух навстречу огненной стихии. Проснулись спящие светлячки. Взвился до небес костёр. И, казалось, нет спасения всему живому. Но... двое уцелели. Опасность

минула их. Укрываясь в тени лесного огня и довольствуясь его теплом, они остались вне зоны горения, самими собой, детьми – играющими в любовь мальчиком и девочкой.

Сумерки сгущались. Небо над головами почернело. Сливаясь единым фоном, окрасились в тёмные тона деревья вокруг.

– Коля! – встрепенулась Вика, поднимаясь. – Уже вечер.

Сборы в обратный путь были коротки. Костёр пылал. Полный жизни он выражал способность гореть и гореть – до хлопьев невесомого пепла. Вика была не против. Но Коля взбунтовался, решив бросить вызов стихии и сразиться с ней один на один.

Он догнал её у кустов. Дым ел глаза, выжимал ручьями слёзы, однако мальчику было всё равно, счастье его было безмерно, очередная победа кружила голову – он ощущал себя дождём Вселенной, пролившимся на маленький горящий лес и укротившим огонь.

Дом встретил их ярким светом. Перед окнами, развеваясь на ветру, трепетала тельняшка. Подобно поднятому флагу, деля на равных радость возвращения, она обещала отдых, кров и еду.

Коля открыл дверь, устремился вперёд и тут же, как кур в ошип, угодил в крепкие дедовские объятия. Засада. Минуя борющихся охотника и жертву, Вика поспешила унести ноги – напрямик на кухню.

Большая кастрюля стояла на плите. Она подошла, подняла крышку и, выпустив наружу клубы пара, заглянула внутрь. Источник вечной жизни – волшебный флотский борщ – предстал перед ней.

– Дед, ты ел? – крикнула она, облизываясь.

Ответа не последовало. Она крикнула ещё раз, постояла в раздумье и, закрыв кастрюлю, пошла на поиски. Прихожая, комната... Никого. Ясно – мужская компания была вновь одержима своим двором. Возвращаясь, Вика остановилась. Собственные глаза, отражаясь в зеркале, привлекли её внимание. Такие непохожие на себя, счастливые, дикие, лесные. Чего им не хватало? Музыки! Срываясь с места, она устремилась к старой радиоле. Загорелись лампы, закружилась, наматывая витки, голубая прозрачная пластинка и вскоре бархатистый мягкий голос Джо Дассена, оживая, воспарил в пустой тишине. Подпевая, Вика направилась на кухню, дошла до порога и вдруг замерла. Вторя ей и песне, со двора нёсся радостный собачий лай. Рой вернулся с прогулки.

Не находя себе места, отчаянно жестикулируя хвостом, пытаясь выразить доступным языком все лучшие собачьи чувства, большая серая дворняга металась между Колей и дедом. Увиливания, хлопки, смех... Чувства пропадали. Но подросла Вика. И всё изменилось. Явилось миру чудо, торжество без границ, яркий праздник воссоединения общего родного начала человека и зверя.

Вика ворочалась. Объятия у костра. Разве заснёшь после них. Утром она боялась, что взволнуется море, стихия вырвется наружу и случится непоправимое – она потеряет Колю. Но беспокойство оказалось напрасным. Внутри было тихо и покойно, ни отголоска. Коля остался близким и родным.

Ночь. Полна копилка. В любой момент можно закрыть глаза, уснуть и начать любоваться ими – безопасными страничками детских снов. Пусть так будет и дальше, без последствий. Ведь всё хорошо – Коля любит её, она – его, а больше ничего и не надо.

Внизу скрипнула дверь. Звуки бодрой мелодии огласили пространство, раскатистый женский голос, прорываясь сквозь них живым словом, произнёс:

– Говорит «Голос Америки» из Вашингтона. Программа для полуночников. Мы снова с вами, друзья!

Дверь захлопнулась. Всё стихло. Ни звука. И вдруг среди звенящей тишины откуда ни возьмись донёсся комариный писк. Тонкий залиvistый, исполненный безудержного азарта

охотника. Досада охватила Вику. Зима на носу, грядёт конец всей жизни, а одному из приговорённых насекомых всё равно неймётся – зовёт в пике чужая кровь.

Она приподнялась, села и отчаянной отмашкой рук вступила в незримый бой с летучей напастью.

Ночь постепенно брала своё. Мысли Вики кружились, путались и пропадали. Сменяя друг друга, мелькали зрительные образы. Поезд. Проплывающие мимо за окном дома, деревья, люди. Кто-то большой и сильный, обращая на себя внимание, махнул вслед ей рукой.

– Я с тобой! – донесло крик эхо.

– Я с тобой, – повторила она, уезжая.

Было позднее воскресное утро. Охваченный плотницким усердием дед строгал рубанком доски. Рой, сидя на цепи, контролировал порядок. Терпкий запах свежей древесины разливался по двору.

Дверь дома распахнулась. На пороге появилась Вика. Рой рванулся ей навстречу прыжком во всю длину цепи. Остановился, скованный неволей, и принялся скакать на месте, весь вне себя от радости и возбуждения.

Его обострённые нюх и чутьё предвкушали праздник. Борщ, тот самый, чудесный и забытый, которым дед кормил в те годы, когда их родная стая жила втроём. Всё не зря – невыносимая тоска по бабушке, долгий, трудный и безуспешный поиск её следов, вой по ночам... Конец печалям. Плохие времена были пережиты.

Вика не обманула собачьих надежд. В её руках действительно была миска с борщом. И личный подарок другу – оторванное от своей порции мясо.

Увидев Вику, дед прервал работу. Выковыривая стружку из рубанка, предупредил:

– Смотри, пальцы береги.

Вика не вняла предупреждению. Она смело подошла к Рою, поставила миску перед ним, присела рядом и запустила пальцы ему в шерсть.

Пёс ткнулся в неё, лизнул и, извиняюще мотнув головой, склонился над миской. Борщ начал с шумом таять. Лаская Роя, Вика забыла про всякую осторожность. Но дед был настоже. Упёртый строгий хозяйский взгляд довлел над псом. И тому ничего другого не оставалось, как вымарывая из себя зверя, стараться выглядеть агнцом – кротким, миролюбивым, добродушным.

Когда миска опустела, дед, глядя на облизывающегося довольного Роя, заметил:

– Пропала собака.

– Ну, что ты, деда, – вступилась Вика. – Он просто хорошо поел. Правда, Рой?

Рой гавкнул в знак благодарности.

– Собака должна знать своё место, – сказал дед. – Она не птица небесная, чтобы кормить её с руки.

– Дед, Рой не просто собака – он наш друг.

Дед усмехнулся.

Вика присела, обхватила голову Роя и посмотрела ему в глаза.

– Таков наш дед, – с сожалением произнесла она. – Никогда не выставляет свои чувства напоказ, но будь уверен, Роюшка – он любит тебя.

Рой внимательно выслушал её, повернул голову к деду и замер неммым ожиданием, словно спрашивая, правильно ли он понял эти слова.

Дед промолчал. Но вид его был красноречивее всяких слов. Нам, брат, с тобой зимовать.

Вернувшись в дом и пройдя на кухню, Вика встретила Колю. Он сидел, уткнувшись в чашку чая, сосредоточенно и неподвижно, словно ища в ней клад.

– Привет! – обратилась она к нему. – Как спалось?

– Э-мме-э, – отозвался Коля, продолжая углублённо изучать чашку.
Чувствуя неладное, Вика подошла и заглянула в чай.
– Ты что такой? – спросила она, не найдя ответа.
– Нос не дышит, – ответил Коля гнусавым голосом, не поднимая головы.
– Посмотри-ка на меня! – велела Вика.
Коля подчинился.
Его вид ошеломил её.
– Допрыгался, испытатель!
– Да, – тяжело вздохнул Коля.
– Сиди. Надо рассказать деду.

– Вжик, вжик, – летели из-под рубанка стружки.
Дед с воодушевлением строгал очередную доску.
Вика подбежала к нему.
– Коля заболел!
– Как это его угораздило?
– Без тебя не обошлось. Ведро воды утром помнишь?
Дед остановился, отложил рубанок, взглянул на Вику.
– Что совсем больной?
– Совсем.
– Сочувствую.
– Сочувствуешь?! Ну, ты даёшь, дед! Коле плохо. Он сюда здоровый приехал. Тебе не стыдно?

– Кто знал, что этим кончится, – пожал плечами дед. – Надо было сразу признаться: так мол и так, сделан из сахара, ограниченной годности. Я ведь ему навстречу шёл.

– Что теперь делать?

– Лечиться. И не смотри на меня так. Прожжёшь насквозь – придётся всему Репино карантин объявлять. Давай, зови его сюда ко мне, во двор.

Вика убежала. Спустя несколько минут она вышла из дома, сопровождая еле переставляющего ноги, одетого в ватник инвалида.

С выражением прощающегося с жизнью мученика на лице Коля приблизился к деду.

– Однако как тебя скрутило, – заметил дед. – Холодно в ватнике-то?

– Да-а, – передёрнул плечами Коля.

– Видишь, как всё вышло – не так, как хотелось бы. Выбор теперь у тебя невелик. Либо таким навсегда останешься, либо послушаешь меня.

Борясь с собой, Коля попытался обрести дополнительную устойчивость.

– Что? – приложил к уху руку дед.

– Ш-ш-ш...

– Не слышу! – рявкнул дед и сбросил куртку, оставаясь в одной тельняшке.

Вика вцепилась в Колю сзади. Он отчаянно заморгал глазами.

– Если веришь мне, – голос деда звучал натянутой струной, – айда за мной. Утренняя роса нынче свежа и бодра как никогда. Сольёмся с ней в одно целое. И не слушай мою Викторю. Она тебе сейчас не подмога.

– Греков! – попыталась урезонить деда Вика.

Но тот отмахнулся. Его внимание было целиком устремлено на Колю.

– Ну, что, двое здесь мужиков или один?

Вместо ответа Коля начал раздеваться.

– Вика, отвернись! – приказал дед.

Глаза Вики растерянно заметались, не зная, что делать, как противостоять творящемуся беспределу, она отвернулась и начала молча поднимать падающие наземь Колины ватник, рубашку, штаны...

Дед в одних плавках устремился к колонке. Обнажённый Коля – за ним.

– Ты сам виноват, – говорил дед, сатанея на ходу. – Породнился вчера с водой, теперь надо жить с ней в союзе, разлуки, как видишь, она не прощает.

Жадно хватая воздух ртом, словно пойманная рыба, Коля прислушивался.

Дойдя до колонки, дед встал босыми ногами на цементную плиту, сжал кулаки и, потрясая ими, послал вызов всему холоду на земле, в небесах и на море. Поставил ведро под кран, открыл вентиль. Кран выдохнул, задумался на мгновение и брызнул струёй шумной ледяной воды.

Ведро наполнилось до краёв. Коля замер. Дед подмигнул ему, схватился за дужку и, подняв ведро, в мгновение ока облил себя водой с головы до пят.

– Уф!

Коля поёжился.

– М-моя очередь?

– Точно.

– А м-может не надо? – жалобно выдал Коля.

Но дед, как будто не слыша его, скомандовал:

– Вставай на моё место!

Через силу, как неживой, Коля шагнул на плиту.

Снова зашумела струя, ведро начало заполняться водой.

– Стой смирно, – велел дед. – Закрой глаза, отключись.

– А как отключиться? – спросил Коля, зажмуриваясь.

– Это просто. Вспомни себя до рождения.

Скрипнула дужка, донёсся лёгкий плеск. Коля почувствовал лёд всей изнанкой кожи. Стиснул зубы...

Вода выплеснулась.

Он открыл глаза. Лужа расплывалась у ног. Мимо.

Улыбаясь, дед покачал пустым ведром.

– Молодец!

– Дед! – Стоя у дома и прижимая к себе Колину одежду, Вика сердито смотрела на них.

– Идём, – махнул ей дед рукой.

Коля молчал, не в силах произнести ни слова. Рот его был открыт. Он дышал им взахлёб, как отпущенная в воду рыба. Уже не больной – битый, тот самый, за которого всегда дают двух. Небитых.

После экзекуции, отправив внучку и Колю в дом, дед взялся было снова за рубанок, но сноровка покинула его. Инерция была велика. Экзекутор доминировал над плотником. Он решил передохнуть. Отложил рубанок, развернулся и пошёл по следу молодёжи. Возвращать былое равновесие.

– Эй, Серафим! – раздался вслед ему оклик.

Он оглянулся. За забором маячила грузная фигура соседа Леонтия. Махая руками, тот звал к себе. Изменив направление, дед пошёл ему навстречу.

– У тебя никак гости? – спросил Леонтий, поздоровавшись.

– Да, – ответил дед. – Внучка.

– А парень кто?

– Какой парень?

– Цыган. Никак жених, а? – Лицо Леонтия розовело на глазах, предвкушая свежую животрепещущую новость для всего посёлка.

– Привиделось тебе. Внучка одна.

Леонтий растерянно вытаращил глаза.

– Не было никакого цыгана, – сказал дед. – Собака на цепи – почуяла бы.

– Шёл я мимо давеча... – неуверенно начал Леонтий.

– Меня рядом видел? – спросил дед.

– Нет.

– Я же говорю – привиделось. Мне с чужаком на одном дворе не разойтись.

– Ладно, шут с ним, – проговорил Леонтий, смотря на деда с недоверием. – Значит, одна твоя внучка?

– Одна голубка, одна.

Вынужденный поверить на слово, Леонтий махнул рукой. Порозовевшее лицо начало бледнеть. Оставляя в покое чужие радости и печали, пришло время вспомнить про свои собственные.

– Беда у меня, Серафим.

– Что случилось?

– Мыши. Целое кладбище в подвале.

– Вот это да! Неужто голодуха доконала?

– Я было поначалу и сам так подумал. Да у всех, вишь, знак характерный – хребет переломан. Опознал, чья работа. Летом у меня мансарду семья снимала. Тихая, хорошая, всем довольная. И я ею доволен тоже был. Питались они там же – в мансарде. На погибель мышам. И, вишь, одну за другой потом из мышеловки тихо, тайком, в простенок отправляли. Он худой у меня. Все до подвала и долетали. Полез наведни за огурцами, а там...

– Вернули, стало быть, тебе твоё добро? – заметил дед, улыбаясь.

– Нагадили поганцы в самую душу. Что теперь делать?

– Яму копать, – посоветовал дед. – Для братской могилы. Чем глубже, тем лучше.

Сзади в доме скрипнула дверь, наружу выглянула Вика.

– Дед! Ты где? Мы с Колей ждём тебя.

– Иду, – откликнулся дед.

Леонтий, насторожившись, вытянул шею.

– Коля? А кто это – Коля?

– Родственник малолетний.

– А говорил – одна внучка.

– Так он от земли два вершка. Не считается.

– Он на тебя больше похож или смуглее? – вновь начало розоветь лицо Леонтия.

– Чуток смуглее.

– Он самый и есть цыган! – не терпящим возражений тоном заявил Леонтий. – Два вершка волосы у него на голове.

– А хоть бы и так. Что теперь?

– Женихаться приехал?

– Эх, как у тебя личность разгорелась! – заметил дед. – Был бы курящим – прикурил.

– А всё же?

– Напрасно ты полыхаешь, Леонтий. Нет здесь ни женихов, ни невест. Одни родственники. Вечером уезжают.

– Ах, Серафим, – покачал головой Леонтий. – Старый ты краб. Так и помрёшь со своими тайнами.

– Вот свидимся на том свете, тогда и исповедуюсь, – улыбнулся дед. – Узнаешь всё.

Они не покидали дом до вечера. Пользуясь подвернувшейся возможностью, дед обучал Вику премудростям домашней кулинарии. Под его руководством она попыталась приготовить обед – первый в своей жизни. Не хватило нескольких ингредиентов. Каких именно, дед не уточнил, лишь многозначительно прищурившись во время общей пробы.

Коля долечивался. На сей счёт в его распоряжении были пар от сваренной в мундирах картошки, горячий сладкий чай и старые, выцветшие от времени, фронтовые фотографии деда.

Пришло время отъезда. Как ни отговаривали деда и Вика, и Коля, он отправился провожать их на станцию.

Стоя перед раскрытыми дверьми электрички, Вика не удержалась и бросилась ему на шею.

– Не забывай про меня, – сказал он ей на ухо. – Приезжай.

– Обязательно, – прошептала она. – Я люблю тебя, очень-очень...

Прощаясь и жмя руку деда, Коля смотрел на него во все глаза. Стараясь запечатлеть всё, не пропустить ни одной детали, он высекал его навечно в граните своей памяти.

Электричка уехала. Смахнув невольную слезу, дед постоял, посмотрел ей вслед и отправился домой.

Оставленный один, визжа и лая, пытаясь вырваться на волю, Рой бесновался на цепи. Дед открыл калитку, прошёл во двор и остановился перед псом. Утихомиривая, потрепал по загривку. Поднял глаза в небо, приложил пятерню к груди и, унимая свои сердечные боль и трепет, вздохнул.

– Будем зимовать, Рой.

Глава десятая

За день до освобождения квартиры Степан принялся замечать следы тайного пребывания в ней, стараясь делать это как можно незаметнее. Однако Илона заметила. Пришлось признаваться. Узнав всю правду о своём участии в аванюре, она пришла в ужас. Но делать было нечего, следов хватало, времени убрать их оставалось в обрез и потому следовало немедленно браться за работу. Узнай Горыныч, чего им обоим стоило вернуть квартире прежний вид, то не потребовал бы платы за наём – компенсация была достойной.

Наконец, все волнения остались позади. Шли последние минуты перед уходом. Сидя, они прощались со своим временным жильём.

– О чём задумалась? – спросил он её.

– Мы всё равно оставляем здесь частицу себя, – ответила она, осматриваясь. – Свою энергию, если хочешь. Незримую тонкую материю.

– И что с этим делать?

– Не знаю. Тебе виднее – ведь ты же всё это затеял.

Они помолчали.

– Долой стены, – сказал он, махая рукой. – Возвращаемся в природу.

– Назад в эдельвейсы? – подыгрывая, улыбнулась она.

– Другого выхода нет. Мы были и остаёмся бездомными. Хотя в этом есть и своё преимущество – таким, как мы, открыты все вершины. Хотела бы увидеть облака?

– И среди них тебя – в неземной красе!

– Ну, да.

– Заманчиво. Про облака-то я слышана, а вот, каков ты в своей настоящей красе, не знаю.

– Будь уверена – я не разочарую тебя.

– Хотелось бы верить. Однако, ты – снежный эдельвейс. Я – спутница южных широт, любимица солнца, гербера. Как будет выглядеть наш союз?

– Мы дополним друг друга. Половинами единого целого. Свет, воздух и вода – всё, что нужно цветам для счастья.

Илона вздохнула.

– Хочу утешиться. Живыми цветами – прямо сейчас.

Материалистка, едва не бросил ей в лицо Степан. Но сдержался. Такова женская природа.

Он поднялся.

– Куда ты? – спросила она.

– Мы уходим, а хомяк с рыбами остаются. Надо договориться, чтобы не вздумали рассказать про нас.

Задумавшись, Илона устремила взгляд ему вслед. А ведь он слов на ветер не бросает. Отыщет путь, возьмёт да и поведёт за собой на свою вершину. Ум, сила, характер – всё есть. Мужчина...

Стрелка уровня топлива колебалась близ нулевой отметки. Бензобак был почти пуст. На последнем издыхании, выжимая из себя всю способную пламенеть жидкость, мотоцикл нёсся к заветному источнику. Этим вечером горючее было нарасхват, слаще и привлекательнее самого нектара. Длинная очередь растянулась перед бензоколонкой. Примыкая к ней и достигая цели, мотоцикл остановился.

Чет выключил фару, заглушил мотор и, снимая шлем, обернулся.

– Полчаса простоим, не меньше.

– Потерянное время, – откликнулся Боронок из коляски.

Сидящий за Четом Нечет зевнул.

– Интересно, – вступил в разговор он, – хватит бензина на всех? Может...

– Не каркай! – поспешил оборвать его Чет.

Боронок вылез из коляски. Вытянув вперёд руки, прямой, как аршин, медленно присел. Один раз, другой. Размявшись, устался на очередь. Неподвижная вереница людей и машин производила тягостное впечатление.

– Нечётный, – позвал он.

– Что?

– А ведь нам с тобой бензин без надобности.

– Да, – оживился Нечет.

– Тогда что тут делать? Пошли, погуляем под звёздным небом.

– Это дело!

Чет не стал препятствовать их уходу. Оставшись один, стоя, с видом мученика он скрепил руки на груди. Реанимация беспомощного железного коня требовала от него известной доли стойкости, терпения и самопожертвования.

Вскоре сзади подъехала машина, хвост очереди удлинился, переднее транспортное средство тронулось с места, оживляясь и толкая мотоцикл вслед за ним, Чет начал движение вперёд.

Когда очередь сократилась наполовину, мимо, медленно, словно разыскивая кого-то, проехали две «Явы». Спустя некоторое время, вернувшись, они притормозили рядом.

– Эй, ты! – окликнул Чета ближний наездник.

Лишённый возможности избавиться от внезапного пристального интереса к себе, Чет поднял голову и ответил хмурым взглядом.

– Ты нас помнишь?

– Впервые вижу.

– А кто же тогда вчера ночью поворот нам не уступил?

– Где?

– Здесь недалеко – у Пискарёвского кладбища.

– Не знаю я такого кладбища. Никогда там не был и даже не слышал про него.

– Охотно верим. Да вот только колымагу твою ни с чем не спутаешь. Одна она такая на весь Питер.

– К чему разговор?

– Это уже конец разговора. Значит, так – заправляйся и возвращайся на вчерашнее место. Погоняем наперегонки.

Мотоциклы взревели.

– До встречи, друг!

Сынки богатых родителей, подумал Чет, уныло смотря мотоциклистам вслед. От жира бесятся. Им не нужно разгружать вагоны по ночам, стоять в очереди за бензином, трудиться и мучиться, всё куплено. Отводя взгляд в сторону, он сплюнул. Нет справедливости на земле, если все блага принадлежат трутням.

Расстроенный, он дождался своей очереди, заправился и верхом на мотоцикле отъехал от бензоколонки. Ушедшие в ночь пассажиры задерживались. Теперь следовало ждать их.

Боронок и Нечет объявились после второй выкуренной сигареты. Обращая на себя внимание, Чет посигналил фарой. Увидев его, они пошли навстречу. Оба возвращались не с пустыми руками. Приглядываясь, Чет опознал в ноше сладкое. Куски самого настоящего торта. Вот это да! Долгое ожидание, трутни, горькие думы – всё вдруг рассеялось при виде неведомо кем посланного угощения.

Подойдя, Нечет протянул брату его долю. Чет вопросительно уставился на него.

– Свадьба, – объяснил Нечет, утираясь от крема. – Две пятиэтажки гуляют.

– Пospели вовремя, – добавил Боронок, жуя. – Молодожёнам не хватало горечи. Мы поделились своей. Махнулись на сладкое, не глядя.

Чет улыбнулся. Устремил взгляд на лакомство, облизнулся и тут же без церемоний целиком отправил его в рот. За молодожёнов!

Впереди показалось Пискарёвское кладбище. Приближалась конечная. Редкая машина попадалась навстречу, пустынной дорога оставалась позади. Справа у забора базы Чет разглядел группу мотоциклистов. Присмотрелся. Сомнений не было – то были его недавние знакомые. Он сбавил газ.

– Перед нами по ходу ночные гонщики, – кинул он через плечо. – Что делать будем?

– Тарань, – откликнулся Боронок.

– Не обращай на них внимания, – посоветовал Нечет.

– Короче, – подытожил Нечет, – выручайте, родные колёса. – И прибавил газу.

Проезд не остался незамеченным. Казалось, гонщики только и ждали вызова. Началась погоня.

Преследуемый Чет не стал сворачивать к базе. Бак был полон горючего. Взыгравший азарт гонщика погнался вперёд.

Минуя дорогу и бездорожье, порядком вытряся души пассажиров, мотоцикл одолел большой круг и вновь выехал к кладбищу. Хвост из десятка мотоциклистов не отставал.

Чет мотнул головой.

– Ещё круг! – И дал газу.

Голубые ели вдоль базы ожили, замахали мохнатыми лапами в отсветах фар – ох, и тревожен сон в эту ночь.

Второй круг был на излёте. Погоня настигала. Закусив удила вместе со своим железным конём, Чет готовился идти на новый круг, третий, но Боронок, изрядно измученный тряской, крикнул:

– Баста!

От неожиданности, едва не выпустив из рук руль, Чет подпрыгнул в седле. Оставленная без присмотра люлька дала знать о себе.

– Сворачивай в лес! – последовала команда.

Чет пришёл в себя. И, кивнув, без лишних слов уступил лидерство в гонке.

Огромный прикладбищенский парк. Широкая пешеходная дорога под сенью сосен уходила в пустоту. Тьма впереди смыкалась.

– Стой! – крикнул Боронок.

Чет притормозил.

– Дальше один, – продолжил Боронок, выпрыгивая из люльки. – Мы с братом пешие за тобой. Будешь живцом.

Двое наездников растворились во тьме. Мотоцикл проводил их и продолжил путь, освещая пространство перед собой ярким светом фары.

Вскоре света прибыло. Погоня вышла на след. Услышав топот бегущих ног за спиной, Чет повернул руль, перегородил мотоциклом дорогу и заглушил мотор.

Топот приближался. Он слез с мотоцикла. Развернувшись к догоняющим лицом, приготовился к встрече.

Подоспевшая дюжина обступила его.

– Почему с дистанции сошёл? – услышал он. – Кто разрешил? – И не успел ответить, как получил неожиданный удар под дых.

Чтобы одолеть последствия и совладать с собой, пришлось согнуться в две погибели.

– Ребята, – укоризненно произнёс девичий голос, – зачем же сразу бить? Сначала надо объясниться.

– А он не может объясняться. Видишь – немой.

Чет с трудом выпрямился. Приходя в себя, выдохнул.

– Давай один на один, – сильным голосом предложил он. – Кто самый сильный?

– А мы все сильные. Как один.

Удар. Он зажмурился. Прямое попадание в лицо. Открыл глаза. Новый замах... Реагируя, он обрушил свой удар первым. Кулак пришёлся по темени – транзитом до пят. Темя потеряло опору. Чет отпрыгнул, лягнулся, двинул локтем, коленом, размахнулся и услышал приговором девичий голос:

– Бейте его, раз дерётся.

Боронок отправил Нечета к брату. Сам притаился меж сосен, внимательно разглядывая сторожащую мотоциклы троицу. Безмятежна и весела, словно перед распевкой победной здравицы.

Ближний к лесу парень, учуяв шорох, насторожился. Подался вперёд, присматриваясь, и отшатнулся при виде выросшего перед ним лесного человека.

– Здорово, – протянул руку тот.

– Ага, – машинально ответил парень, исполнил свою часть дружеского ритуала и, угодив ладонью в адские тиски, со стоном упал на колени.

– Лежать, – велела железная хватка.

Покорным молниеносным броском парень распростёрся на земле.

– Привет, – обратился Боронок к его товарищам. И распахнул объятия.

Лесные чувства требовали взаимности. Товарищи опешили. Один трясся. Другой каменил. Внезапно сработал инстинкт самосохранения. Рывок... Прыжком большой пантеры наперерез, Боронок поспешил встать на пути обоих.

Сзади донёсся шум. Боронок прислушался. Нечет вступил в бой.

– Ты кто такой? – пришёл в себя окаменевший.

– Леший, – улыбнулся Боронок.

– Я кишки тебе выпущу, леший! – внезапно взъярилась окаменелость и выхватила складной нож.

Троица ободрилась. Чувствуя близость переломного момента, поднял голову лежачий.

– Порежу! – блеснул страшным лезвием потрошитель.

Место действия вдруг показалось Боронку тесным. Пятясь, он отступил в чащу.

Опьянённые жаждой расплаты за пережитый страх двое бросились вслед за ним.

Лежачий поднялся с земли. Успокаиваясь, начал отряхиваться. Отряхнулся, плюнулся в сердцах – надо же пережить такое!

Нечет обежал мотоцикл, тронул на ходу рукой – потерпи машина. Увидел перед собой девичий силуэт. Замахнулся.

– Сгинь!

Впереди драка. Настоящая мужская. Нечет сжал кулаки, стиснул зубы и ринулся в неё, как в омут головой – недостающей половиной Чета.

Сидя на мотоцикле и ожидая возвращения товарищей, парень жалобно смотрел на ладонь. Как будто чужая, лишённая всех степеней свободы, деревяшка. Вот и пожми руку первому встречному. Врагу не пожелаешь такой напасти. Из леса донёсся шум. Злорадная ухмылка исказила его лицо. Конец лешему. Эх, если бы не травма – сам бы охотно поучаствовал в расправе и первым делом, мстя, без малейших колебаний оторвал бы проклятую железную клешню.

Шум усилился. Парень обернулся и, забыв про всё, обмер. Страшнее картину трудно было придумать. Леший. Укрощённый нож торчал изо рта – добычей хищно оскаленных

зубов, безжизненные тела мстителей волочились по бокам. Поединок без правил. Не дожидаясь новой встречи с лесным чудищем, парень спрыгнул с мотоцикла и пустился наутёк.

Выйдя на дорогу, Боронок бросил свою ношу. Оба были без чувств. Он вынул нож из рта, сложил его, спрятал в карман. Тылы были зачищены. Наступил черёд идти на помощь братьям.

Рысью он миновал мотоцикл Чета. Наткнулся на девушку, шуганул её. Сошёлся с аллеей часовых. Развешивая оплеухи направо и налево, несокрушимым тараном прошёл её насквозь. И очутился посреди схватки – в самом её центре. Здесь себя уже требовалось проявить в ином качестве. Обретшим волю безжалостным молотобойцем. Что он и сделал.

Противник бежал. Среди опустевшего пространства их осталось четверо. Чет держал в своих руках одетого с иголки заморыша. Помятый и подавленный, тот был ни жив, ни мёртв.

– Отпусти его, – вступился за врага Нечет.

– Сейчас! – соорил недовольную мину Чет. – Ты посмотри на него – это же их вылитая касса. Где деньги, хипарь?

– В за-а-днем кармане.

Рука Чета немедленно скользнула в указанное место, порылась там и вытащила несколько смятых купюр. Чет развернул их. Как на заказ – три двадцатипятирублёвки. Не обращая внимания на пятящегося в страхе заморыша, он повернулся к друзьям.

– Наши призовые! – заявил он, махая перед собой деньгами. – Гуляем пацаны! Долой работу в ночную смену!

Трое друзей с криками бросились в объятия друг друга.

Одержанная ценой бескомпромиссной жертвы победа обрела свой завершённый облик.

Илона шла домой. Здравствуй, родная улица, шумная и весёлая! Ты не изменилась – как всегда Благодатная. И я под стать тебе, возвращаюсь из Богом забытого Купчино, полная радужных переживаний и восторга, с медовым раем в душе.

Дверь открыла мать.

– Приве-е-т!

– Привет! – ответила мать. Впустив дочь, обняла её, спустя мгновение ощутила что-то новое и в то же время удивительно знакомое.

– Пахнешь как-по-особенному, – заметила она.

– По-особенному как – хорошо или плохо?

– Хорошо, – улыбнулась мать. – Дурманишь.

– Это, наверно, аромат любви.

– Наверно. Как всегда – вечной. А я и забыла.

Илона освободилась из объятий.

– Насчёт вечной – не будем загадывать.

– Не будем загадывать, – согласилась мать, рассматривая дочь с головы до ног.

Под материнским взглядом дочь начала раздеваться. Скинула туфли, сняла куртку, хотела было повесить на вешалку, но мать, перехватывая движение, протянула руки.

Глаза их встретились.

– Неделя, – сказала мать, беря и прижимая куртку к себе. – За это время я обнаружила какая же огромная у нас квартира. Просто дворец!

Она хотела добавить ещё что-то, но Илона, реагируя, вспыхнула, как порох.

– Мам, мы же договаривались! Одиночество – тема запретная.

Глаза дочери были полны укора.

– Прости, – поспешила загладить свою вину мать. – Не обращай внимания. Пытаюсь брюзжать с непривычки. Всё хорошо. – Придя в себя, она повесила куртку на вешалку и повернулась к дочери.

– Я желаю тебе счастья – за нас обоих. Чтобы всё было, как в кино. – Мать улыбнулась. – Пусть даже и с такими синячищами под глазами.

Илона схватилась руками за лицо, сорвалась с места и побежала к зеркалу.

– Mam, и правда синяки, – донёлся спустя минуту её голос. – Откуда? Раньше их не было.

– Привыкай, – вздохнула мать. – Это первая плата за счастье.

Вечер они проводили, сидя перед телевизором. Мать старалась не беспокоить расспросами – дочь взрослая, сама отвечает за свою жизнь. Однако о планах узнать не мешало бы. Украдкой она поглядывала на неё. Увлечена экраном, а исчезни он – и не заметит. Стёпа перед глазами.

– Илона, – осторожно начала мать, – ты уже определилась насчёт своей будущей специальности?

– Нет, – ответила Илона, не отрываясь от просмотра. – Пока общая практика. Мы выбираем, нас выбирают. Процесс в самом разгаре.

– Врач – не только учёба, – продолжила мать. – Это ещё и опыт. А для настоящего хорошего врача, который предан своему делу, любой опыт бесценен. Самая грязная и трудная работа, благодаря которой потом, спустя время, будешь одевать халат и знать – он по настоящему белый, ни одного пятна на нём.

– Mam, – повернула голову Илона, – я поняла, куда ты клонишь. Не беспокойся, буду врачом, как и ты. Выучусь, постараюсь, чего бы это ни стоило. И любовь здесь мне не помеха. Если надо будет – заморожу.

– Да люби, люби на здоровье, – спохватилась мать. – Кто же запрещает? Я не о том. Просто если так получится, всё ведь возможно – победят чувства, можно уйти в академку. Доучиться никогда не поздно.

Илона поджала губы. Подобные рассуждения, выражая определённый смысл, задевали за живое.

Завершая разговор, мать поднялась.

– Пойдём перекусим, – предложила она, – а то я что-то проголодалась.

Отказываясь от предложения, Илона покачала головой.

Мать ушла.

Посидев минуту в одиночестве, Илона поднялась и подошла к телевизору. Внимательно глядя на экран, начала щёлкать переключателем по кругу. Пустое пространство замелькало перед ней. Притягательное и таинственное, словно отголосок будущего. Щелчок, ещё один... Экран оживился. Какая-то говорильня. Слова, слова, слова... Ничего не понять. Она остановилась, постояла в раздумье и вернулась на своё место. Села. Закрыла глаза. Трудно признаться себе, а тем более матери: как далеко всё зашло. Щемящим комком подступила к горлу разлука. Всего несколько часов одна, а уже не хватает его. Эта неделя вдвоём открыла страны, моря и континенты. Кажется, все земные открытия позади. Впереди – вершины. Для простых смертных – живые воплощённые мечты. Она готова. В силах начать восхождение, расстаться с земным притяжением, пройти все испытания и где-то там высоко, среди одной из покорённых вершин, найти и обрести своё счастье. Ради этого можно пожертвовать многим. Почти всем... Глаза её открылись. Всем – но не собой. И потому здесь, кроме желания, во что бы то ни стало нужна страховка. Личная опора. Одно из средств, связующих напрямую с божьим промыслом. Белый незапятнанный халат.

Леонтий, красный от натуги и выпитого, частил жаркой скороговоркой. Сегодня вечером рот его не закрывался. Дед почти не перебивал. Благодарный слушатель, спаситель Серафим. Нет рядом докучливой жены, их только двое, тикают часы, да собака редко взлает за окном. Давай ещё по одной и слушай дальше. Ох, сколько ещё припасено...

Всеми, как известно, есть свой предел. За полночь под грузом накопившейся усталости красноречие Леонтия стало понемногу иссякать. Дед, задумчиво смотря на него, думал о чём-то своём. Ковырнув закуску, бросил вилку. Полный винегрет в голове, но отыскалась и изюмина, надо воспользоваться моментом и поделиться с Леонтием.

– Мы все одной закваски, – заговорил он. – Любая букашка, что по земле ползает – родня. И мы с тобой сродники. Худой и толстый, а личность одна. Потому, Леонтий, вследствие такого общего естества жить надо без зла, в мире и согласии с собой и всеми. Тогда жизнь будет только в радость, одно бескрайнее земляничное поле.

– Я, Серафим, с добром к людям, – заметил Леонтий. – А они, вишь, чем в ответ платят. Мышами.

– Мыши – последняя надежда корабля, – назидающе поднял указательный палец дед. – Пока они с тобой, ты на плаву. Нет их – потоп, хана всему. Расти новых, а этих давай я похороню, если тебе тошно.

– Зачем их хоронить? Они всё равно, что консервы – мумии. Тьфу. Завтра возьму, соберу их в мешок, да в лес. К зиме, вишь, голодуха наступает. Может кто зубастый возрадуется.

Потеряв интерес к разговору, дед взглянул на часы.

– Пойдём-ка, Леонтий, во двор, ночью подышим. А потом оставайся у меня. Покема-ришь в мансарде. Жена-то знает, что ты здесь?

– Сказал ей.

– Тогда вопросов нет – оставайся. Режим флотский. Через час отбой. Подъём в шесть. Самое чудесное время. Росой как умоемся – всякому похмелью труба.

Леонтий закричал.

Дед внимательно посмотрел на него.

– Что-то ты больно пунцовый, дружище. От света, от водки или камень за пазухой таишь?

– Брось, Серафим, – обиженно засопел Леонтий. – Я пунцовый сам по себе, от природы. Близость сосудов у меня. Страдаю от неё всю жизнь. Того и гляди, неровён час, дозрею до лихости и поминай как звали – брызнет изо всех щелей сок.

– Когда-нибудь мы все дозреем. Чего раньше времени горевать? А пока живы, собирайся, Леонтий, айда с песней во двор.

Дед встал, расправил плечи и запел:

– Прощайте скалистые горы...

Глава одиннадцатая

Степану не спалось. Он лежал на нижней полке плацкартного купе поезда Ленинград-Таллин лицом к столику. Сзади, обхватив его руками, спала Илона. Делить одно узкое ложе на двоих под стук колёс им ещё не приходилось. Как и отправляться в путешествие накануне Нового года в чужой город, наобум, без адреса пристанища и приглашения. Казалось бы, безумная затея. Но разве могут остановить крылья за спиной? Крылатой была и компания: Боронок, Алёна, Чет и Нечет с подругами. Исключение составлял Горыныч. Но у него всё было впереди, он ехал за крыльями – в Таллине ему обещали найти подругу.

Льготных билетов в кассе им продали всего пять, остальные предложили купить без студенческой скидки, по полной. Они отказались, решив сэкономить на неудобствах в пути, но зато компенсировать всё потом по приезду. Впереди три дня приключений, здесь каждый рубль на счету.

Наверху заворочалась Алёна. Ей повезло. В её распоряжении была целая полка. Трудно представить, как бы она уместилась на ней в обнимку с Боронком. Сам он, сверхгабаритный, устроился на боковом сидении в коридоре. Сидя, скрестив руки на груди, держал осанку – само воплощение недремлющего ока на посту. Напротив него, уронив голову на столик, размякший и бесформенный, витал в небесах Горыныч.

Чет и Нечет, деля сон со своими половинами, находились в соседнем купе.

Степан прислушался. Дыхание Илоны было ровным и спокойным. Пальцы её были замкнуты у него на груди. Страховка от падения. Как он не сопротивлялся, она настояла. Иначе угрожала бессонницей. Скоро придётся потревожить её – надо перевернуться на другой бок, размять затёкшую нижнюю половину тела. И тогда пусть размыкает свой засов. Не упал первую половину ночи, дотянет невредимым до утра.

Думая о своей любимой, Степан улыбнулся. Он в руках будущего врача. Хорошо, что хозяйке этих рук, нежных и сильных, удалось избежать тех испытаний, что были уготованы ему – без пяти минут молодому инженеру.

Родной Вуз не делал различий между юношами и девушками. И тем, и другим предстояло пройти школу мужания на настоящем заводе. Мужать надо было два года, сочетая 8-часовой рабочий день у станка с вечерней учёбой. Это было лихое время. Однажды, поднявшись чуть рань, Степан окунулся в него всей душой и телом, с головой.

Его встретил не просто завод – гигант советского машиностроения, город в городе, поражающий своими масштабами легендарный «ЛМЗ». Плутая среди огромных корпусов и отдавая должное впечатляющему зрелищу, он добрёл до маленького приземистого здания, окружённого металлическим забором и четырьмя сторожевыми вышками. Конечный пункт назначения, согласно воле жребия и разрядке – цех 22. Здесь, уступая место какому-то странному потустороннему ландшафту, завод кончался. Зона отчуждения от мирной жизни, как насмешка над ожиданиями, раскрыла объятия Степану. Он ощутил себя узником. И, как оказалось, не зря. Тому имелось основание. Каждой ночью цех превращался в укреплённую тюрьму, встречая смену заключённых из расположенных поблизости «Крестов». Запирались двери и ворота, исчезали за плотными глухими жалюзи окна, появлялась вооружённая охрана. На вышках вспыхивали прожектора, освещая пространство вокруг ярким предупреждением: осторожно, здесь работают зэки.

Утром всё возвращалось на круги своя. Цех становился прежним. Работу начинала вольная смена. Полный цикл обработки турбинных лопаток, конвейер от станка к станку, волшебство, превращающее ржавые, похожие на больших рыбин с квадратной головой и длинным плоским хвостом, болванки в блестящие изделия-сувениры.

Степана допустили к процессу. Недалеко от цехового буфета пустовало место станочника. Старый обшарпанный станок когда-то фрезеровал пазы в головах лопаток. Ныне с этим успешно справлялись полуавтоматы. Уступая им в производительности, станок дождался своей очереди в металлолом. Студент был ему достойной парой.

Грамоте общения с железным памятником Степана обучила бабушка-настройщица. На это ей потребовалось не более получаса. Далее Степан был предоставлен самому себе. От него не требовалось ровным счётом ничего. Стой, мелькай, бей баклуши, обретай опыт фрезеровщика без фрезы. Но Степан решил работать – хотелось доказать себе и всем, что ты на что-то способен.

Несколько дней он общался со станком, что называется наощупь. Тот отвечал взаимностью, стараясь ожить всем своим естеством. Совместные усилия дали свои плоды. Наступил долгожданный и волнующий момент. Степан установил лопатку в прокрустово ложе приспособления, замкнул её намертво захватом гидроусилителя и отправил вместе со столом навстречу вращающейся зазубренной дисковой фрезе. Оглушительным хрустом металла жизнь станка возродилась заново.

Шум не остался незамеченным. Когда в конце смены смеха ради к Степану подошла контролёр ОТК, она была приятно удивлена – пазы трёх лопаток из пяти были достойны качества полуавтомата. Через неделю результаты улучшились – из десятка лопаток за смену годными становились девять. Степана похвалили и даже пообещали поощрить материально. Довольная бабушка-настройщица объяснила его успех профессиональным выражением – «поймал базу» – и с особой теплотой, как родному, пожелала так держать и впредь.

Вторая молодость станка побудила начальство задействовать его во вторую ночную смену. Однако попутно среди спецконтингента требовалось отыскать ловца «базы», терпением, сноровкой и чутьём подобного Степану. Поиск затянулся на несколько недель. Каждое утро в течение этого времени Степану приходилось несладко – он был вынужден устранять последствия общения со станком случайных людей. Наконец, пришёл день, когда этого не потребовалось. Невидимый ночной сменщик оказался тем, кем надо. День, ночь, люди и станок объединились, бросая вызов засилию всемогущего полуавтомата. И пошли потоком пазы.

Всё было хорошо несколько месяцев. Но однажды случилось непредвиденное. Перед обедом, как обычно, Степан выключил станок и размыкнул систему захвата, нацелив свободный конец шланга гидроусилителя вверх. Проходящая мимо в середине обеда бабушка-настройщица увидела незамкнутую лопатку и машинально среагировала на неё, замкнув захват. Реакция оказалась бесполезной с точки зрения техники безопасности и роковой для очереди в буфет. Струя машинного масла, взмыв вверх, окатила её щедрым проливным дождём. Осознав промашку, с проворством достойным молодой спортсменки бабушка исчезла в ближайшем убежище – мужской раздевалке. Она не появлялась наружу, пока не утих шум и не нашли виновника – курящего у открытых ворот Степана. Толпа умасленных разъярённых работяг едва не линчевала его. Спасли невинные круглые от страха глаза ребёнка.

Бабушку пришлось простить – старость не радость. Однако этим всё не кончилось.

Масляный дождь отразился на работе, взаимодействие человека и станка нарушилось, лишённый в одночасье покоя Степан потерял «базу». Лопатки уродовались одна за другой. Лимит брака превысил все допустимые пределы. Заканчивая смену, Степан оставил станок вконец расстроенным и безнадёжным. С тяжёлым сердцем он отправился домой. Былой уверенности в себе как ни бывало. Карьера фрезеровщика была кончена, синхронно что-то важное умирало в нём самом.

Однако впереди была ещё ночь. Сменщику-зэку были чужды посторонние лиризмы. Ему хватало своих. Пазы были единственной зэковской отдушиной, символом свободы, спо-

собом и средством выжить. Он реанимировал станок. Брак сравнялся числом со Степановым, но утром стол был чист и свеж, в приспособлении лежала нетронутая лопатка, фреза голодным зубом целилась на неё. Настройка совершенна, парень, гласило послание, не отчаивайся, дай жизнь первому пазу и продолжай наш общий марафон.

...Полёт разбудил Степана. Он не успел расправить крылья, как столкнулся с препятствием. Аварийное приземление. Под ним пол. Первым желанием было вскочить и закричать, но крик застрял в горле – вдогонку летела Илона. Ей повезло больше. Следуя прото-рѐнным путѐм, она упала, подминая собой его податливое тело.

– Ах, – выдохнуло тело.

– Ты жив? – испуганно спросила она, обустриваясь на нём.

Он не ответил. Вокруг начали просыпаться пассажиры.

– Живой он! – донѐлся весѐлый голос Боронка. – Притворяется.

Илона начала ощупывать рукой лицо Степана. В поисках жизни попала пальцем в рот. Рот ожил.

– Ай! – выхватила она прикушенный палец назад.

Немедля, продолжая прерванный контакт, воспользовалась языком. Встретила язык навстречу.

– Закон Ньютона, Горыныч, – снова раздался голос Боронка. – На то они и фрукты, чтобы созревая, падать.

– Прекратите шуметь! – зашипел кто-то из пассажиров.

– Спокойной ночи, – ответил Боронок.

Сверху свесилась Алѐна.

– Вам помощь нужна? – шѐпотом спросила она.

Илона молча отмахнулась – нет.

– Не пора ли дѐрнуть стоп-кран? – опять подал голос Боронок.

– Тит, прекрати! – шикнула на него Алѐна. – Люди спят.

– Я за них и волнуюсь. Пропустят самое интересное.

Степан с трудом укротил свой язык.

– Пошли в туалет, – предложил он шѐпотом Илоне.

– Я – первая, – шепнула она в ответ.

Туалет. Место уединения всех летунов во сне и наяву. Не мудрствуя лукаво, Илона поспешила обнажить себя самое перед Степаном. Тот ответил взаимностью. И стены пали, границы расступились, земное притяжение исчезло, на сей раз полѐт вознѐс их ввысь, до головокружительной высоты. Стѐрлись без остатка все страхи и следы падения. Хорошо. До того, хоть падай снова. И пари, пари, пари...

Когда веки их, усталых и приземлившись, смежил сон, послышался тихий голос Боронка.

– Спи, Горыныч, не терзайся. Неисповедимы пути влюблѐнных. Следи – не следи, всё равно не уследишь.

Горыныч вздохнул, соглашаясь. У этих влюблѐнных всё не так, как у обычных людей.

Таллин встретил метелью. Белый свет был невидим, мириады снежинок неслись в лицо, с неистовой силой хлестали наотмашь и единым неуправляемым вихрем пронеслись мимо.

Компания замерла на месте. Замороженная, оглушѐнная, ослеплѐнная и онемевшая. Вся, кроме Боронка.

– Ехали на чужбину, а здесь нормальная питерская погода! – изрѐк он, бросая вызов снежной кутерьме.

Все, как по команде, уставились на него. Широкие драповые штаны в клетку, кожаная куртка, мохнатая кепка. Легка экипировка, отнюдь не для вызова. Однако роем солнечных атомов оживала вечная энергия внутри. Не жалея себя, пылало сердце. Ключом от парадных городских ворот, затмевая белую пелену, открывалось перед глазами лето...

Зубы Горыныча выбивали чечётку. Лицо выражало крайнюю степень возбуждения. Ноздри были раздуты больше обычного. Змей предвкушал добычу.

Чет толкнул его локтем, указал на стоящую перед ним тарелку.

– Ешь.

Приходя в себя, Горыныч огляделся. Ближайшая к вокзалу столовая предлагала перекусить, стоя на ходу, за невысокими – вровень под пупок – столиками. Сосиски, хлеб с горчицей. Жирное мутное какао. Есть Горынычу не хотелось. Чет и Боронок, сосредоточенно двигая челюстями, расправлялись со своими порциями рядом. За соседним столиком трапезничали Грека с Нечетом. Каждый при своей подруге. Каждая Горынычу чужая. Интересно, на какую из них будет похожа его подруга? Машинально сунув в рот кусок сосиски и жуя, он углубился в размышления.

Подругами братьев можно пренебречь. Ни розовощёкая чётная Катя, ни рыжеволосая нечётная Юлия его не прельщали. Одна чересчур тихая, другая, наоборот, слишком болтлива. Красотой не блещут. Обыкновенные.

Хороша Алёна. Да взгляд у неё какой-то особый, умудрённый. Глянет – и улетает Горыныч в далёкое детство, ощущая себя маленьким напакостившим шалопаем. Если вовремя не отвести глаза, можно там и потеряться. Всё дело в возрасте, слишком взрослая.

Остаётся последняя. Грекова отрада. Разглядел её в поезде хорошо, во всех ракурсах и видах. Разволновался, нервишки пошаливают до сих пор. Однако сейчас она совсем непохожа на себя, холодная и бесстрастная, как манекен в магазине. Хотя этому и есть своё объяснение. Что они вытворяли ночью с Грекой... Горыныч внезапно поперхнулся, судорожно глотнул, пропуская внутрь непрожёванный кусок. Горло обожгло огнём. Он поспешил отправить вслед куску большой глоток какао. Кха! Осторожней надо с этой едой. Неровен час остаться навсегда девственником. А ведь так хочется дожить до своей любви... Он отложил вилку в сторону, обмакнул губы салфеткой.

– Ты что? – спросил Чет.

– Не хочу, – с вызовом ответил Горыныч. И нахмурился, предупреждая всем своим видом: с ним шутки плохи.

Чет посмотрел на две оставшиеся целые сосиски, подцепил одну, взглядом пригласил стоящего напротив Боронок последовать его примеру. Тарелка немедля опустела.

Горыныч поднял стакан и, допивая какао, устремил взгляд в пустоту. Похоже цель его поездки ясна, оформилась конкретным образом. Пусть только попробуют не найти похожую эстонку. Держись тогда Грека! И ноздри Горыныча раздулись до предельной величины. Предвестниками грядущего вселенского пожара.

Когда они, опрашивая прохожих, добрались до гостиницы «Виру», миновал полдень. Метель унялась, хмарь рассеялась, выглянуло солнце. То был добрый знак. Их ждал кров. И не какой-нибудь, а самый лучший, с номерами типа люкс и обслуживанием по высшему разряду. Перед стеклянным простенком гостиницы, встречая, приветливо улыбался швейцар. Улыбнувшись ему в ответ, они вошли внутрь.

Тепло, роскошный финский интерьер, мягкие кресла. Где-то рядом были радостные приветствия, дифирамбы, ключи на блестящем подносе. Рассевшись, они начали ждать.

Стрелки настенных часов описали круг. Долгожданное признание явилось в образе пожилой администраторши. Мельком глянув на них и безошибочно определив социальный статус, она неожиданно рявкнула:

– Свободных номеров нет!

Мгновение столбняка. Одолевая его и вскочив со своих мест, они поспешили окружить даму и отчаянной разноголосицей чуть ли не со слезами на глазах попытались расположить в свою сторону. Тщетно. Хозяйка гостиницы была неумолима. «Виру» – заведение для избранных, студентам здесь не место, ищите ночлежку. Напоследок, смущённая возможным землячеством с белокурый Степаном, она кинула ему наживку на местном языке.

Степан растерянно захлопал глазами.

Успокоенная администраторша указала на двери.

– Уходите.

– Националистка! – выпалил ей в лицо Чет.

Эстонская неперевожимая речь была ему ответом.

Улыбка швейцара на выходе была лишена души и сочувствия. Реакция регистрирующего движение автомата. Униженная и понурая компания, прямая противоположность себе самой ещё какой-то час назад, поплелась прочь от гостиницы.

Идущий последним Боронок остановился перед швейцаром. Он был унижен и оскорблён больше всех. Истукан на посту был за это в ответе.

– Идите, – бросил Боронок вслед компании. – Я догоню.

Под пристальным ледяным взглядом Боронок профессиональная дежурная улыбка швейцара начала претерпевать изменения.

Боронок не отводил взгляда. Он видел перед собой одну из опор будущего реванша.

– Семейный? – вдруг спросил он.

– Да, – ответил швейцар с лёгким поклоном.

– И я. У тебя семья большая?

– Нет. У нас это не принято. Меньше детей – больше любви.

– Вот как! Экономия, стало быть. Вряд ли она прижилась бы среди нас, люберецких.

Швейцар захлопал глазами.

– Есть такие люди на земле, – продолжал Боронок. – Куда бы не забросила их судьба, они везде дома.

– Вы один из них? – осведомился с дрожью в голосе швейцар.

– Трудно признать?

Испарина выступила на лбу швейцара.

Газетные страшилки про город беспредела, столицу грубой физической силы – Люберцы, обретали весьма конкретный вид. Шальной ветер дул в сторону гостиницы.

– Будущее за коммуной, – сказал Боронок. – Гостиницы должны объединять, а не разъединять людей. Сегодня вечером я с земляками попробую растолковать это твоему руководству.

Оставив швейцара, Боронок воссоединился с компанией. Все расспросы друзей он оставил без внимания. Радостное возбуждение владело им. Он решил вселиться в гостиницу во что бы то ни стало. Почему бы и не любером, раз студенты здесь не в чести?

Спешить было некуда. Они отправились в пешую прогулку по Таллину. Столица крошечной советской республики, свято хранящая свою независимость духом, речью и житейским укладом древнего города всех эстонцев, представала перед ними. Маленькое зазеркалье, пространство, лишённое всех перспектив, отдушину времени. Казалось, здесь можно было расстаться с самим собой, но не потеряться. Диковинные впечатления ждали ленин-

градских студентов. Магия, начало начал, остров во Вселенной и они, очарованные им, чувствовали себя островитянами.

Улочки, улицы, проспекты, площади. Близ какого-то важного особняка одного из министерств, нарушая походную идиллию, Боронок остановился. Объявил общий сбор в 9 вечера у «Виру» и исчез, уведя с собой Горыныча.хлопоты насчёт ночлега, подумали все и, облегчённо вздохнув, продолжили путь.

Несмотря на холод, скользящий под ногами лёд, зимний день, пронизанный ярким солнечным светом, был чуден и великолепен. Думы, мысли и заботы улетали прочь. Илона откинула назад капюшон, распустила волосы, открылась навстречу. День стал ещё ярче. Для полного слияния с ним требовалась полная независимость. Подхватив под руку Алёну, Илона ускользнула из-под Степановой опеки и, демонстрируя свободу и раскрепощённость, устремилась вперёд. Подруги братьев тотчас последовали её примеру и шествие, преобразившись, превратилось в парадный женский выход. Во главе – принцессы, позади свита. Расступитесь.

Молча, мурлыкая песенки или непринуждённо переговариваясь, Илона с Алёной прокладывали общий маршрут. Попадая в людскую толчею, они неизменно приковывали к себе внимание поклонников, принимали его как должное и уходили, прикрываясь плетущимся сзади хвостом.

Незаметно подкрались сумерки. Ноги не чувствовали утомления. Казалось, они достигли своего совершенно естественного состояния – идти, идти, идти...

На какой-то безымянной площади, среди проплывающих мимо вывесок магазинов, стеклянных витрин, предновогодней праздничной мишуры Илона внезапно увидела родные цветы, сошедшие на землю живой мечтой, редкое сочетание цвета и красоты – любимые сиреневые герберы. Радостное возбуждение охватило её. Сияние волшебной сказочной красоты. Какая неожиданная встреча! Однако, едва вспыхнув, радость тут же и погасла. Непреодолимая преграда разделяла их. Увы, время и место этой встречи находились по ту сторону реальности – вне стихии праздника и чувств.

На чердаке общежития профтехучилища было сыро и неудобно. Горыныч сидел перед Боронком, смотря как тот, орудуя складным ножом, готовит бутерброды. Они вели разговор.

– Я тебе, Тит, про свой тип говорю.

– Твоя горячая десятка?

– Да. Подруга Греки – самое то. Хитовая.

Боронок, улыбаясь, подмигнул.

– Хитовая, говоришь! Однако она из той десятки, что и Даная, и Мэрилин Монро...

– Ага, ещё и Джоконду приплети, – перебил его Горыныч, недовольно мотая головой. – Брось, Тит, не до шуток в самом деле. – Глаза его загорелись. – Мне надо найти такую же, как она. Чтобы точь-в-точь.

– И никаких отличий?

– Да.

Боронок уставился на Горыныча пристальным недоумённым взглядом. Выдержав паузу, опустил глаза.

– Горыныч, – изрёк он, разворачивая плавленый сырок.

– А?

– С какой стати быть при красоте рабом? Я, например, за равноправие. Дама сердца должна быть твоего поля ягода.

– Что же я по-твоему уродины достоин? – обиженно засопел Горыныч.

– Я такого не говорил. Не путай одно с другим. Однако не всё то золото, что блестит. Возьми тех же русалок. Вот где настоящий клад! Неспроста они прячут свой блеск в пучине – душой манят, глубиной натуры.

– Оставь свои бредни при себе! – вскипел Горыныч, негодуя. – Слушать не желаю!
– Ладно, – вздыхая, пожал плечами Боронок. И, заканчивая разговор, протянул другу бутерброд.

Трапеза заняла несколько минут. Покончив с ней, Боронок выглянул во двор. Фигурки пэтэушников сновали туда-сюда.

– М-да-а, – с сожалением протянул он, наблюдая за ними через маленькое закопчённое оконце. – Мала ребятня. Не доросла ещё до подвигов. Придётся ограничиться массовой.

Горыныч молчал. В данный момент, кроме раздумий о личном будущем, его не волновало больше ничего.

Они спустились с чердака под вечер, когда по наблюдениям Боронок общага заполнилась до отказа всем своим штатным населением.

Пожилая вахтёрша, памятуя о дневном общении, встретила их как старых знакомых. Едва усиживая на своём месте, взволнованно сообщила:

– Пришёл Хейно. Первая дверь по коридору налево.

Боронок улыбнулся. Продолжая разыгрывать из себя загадочного важного гостя, поблагодарил вахтёршу и вразвалочку, увлекая за собой Горыныча, пошёл в указанном направлении. Большая тяжёлая сумка была у него в руке. Перед указанной дверью он остановился, поменял руки и, строго глянув на Горыныча, приказал:

– Мобилизуйся!

Двойной стук ногой. Секунды ожидания. Дверь приоткрылась. Усталый белобрысый парень показался в проёме. Осточертели – было написано у него на лице. Кого ещё принесло? В ответ, распахивая дверь на всю ширину, Боронок решительно пошёл вперёд. Хозяин попятился. Сумка, звякнув стеклянным содержимым, опустилась на пол. Горыныч, замыкая прорыв, тихо притворил дверь сзади.

– Шишкин, – представился Боронок, улыбаясь. – Мастер из Ленинграда. Командированный.

– А-а-а, – неопределённо протянул парень.

– Приехал делиться опытом, – бодро продолжил Боронок. – Обучать передовым технологиям. Где молодёжь?

– Отдыхают.

– Хорошо. Как звать тебя?

– Хейно.

– Гм... Какое странное имя. Я бы на твоём месте взял псевдоним, Хан или Херувим. Имя при твоей должности должно внушать страх и уважение.

– Меня и так боятся, – сказал парень, переступая с ноги на ногу и косясь вбок.

Проследив за направлением взгляда, Боронок увидел жареную картошку в большой сковородке – стынущий ужин Хейно. Момент для визита гостей был явно неподходящий.

Желание покоя и статус коменданта придали смелости Хейно.

– А какая у вас специальность? – спросил он, загораживая собой ужин.

– Шефы, – ответил Боронок.

– Шефы? Вы, наверно, ошиблись адресом. Наша путяга готовит краснодеревщиков, плотников и столяров.

– Профиль – деревообработка? – уточнил Боронок.

– Да.

– Тогда мы по адресу.

– Но я про вас ничего не знаю.

– А как ты можешь что-то знать про нас, если мы никогда не встречались? Ты здесь, мы там, между нами города. Зато сейчас мы, наконец, встретились. Проблем много, они копились и зрели не один день, будем их решать.

– Нет никаких проблем.

– Слышь, ты, – вдруг подал голос Горыныч, – не мути воду, разуй глаза, нас к тебе послали.

– Кто? – подозрительно посмотрел на него Хейно.

Не зная, что ответить, Горыныч беспомощно уставился на Боронка.

– Не будь Буратино, Хейно, – сказал тот. – Ты же умный парень. Расслабься. И поверь на слово. Мы – свои, спецы-древоточцы, работаем без отходов.

– А документы ваши можно посмотреть?

– Можно. Только сейчас они у директора твоей путяги. Уговорил оставить, вроде как в залог – не поверил счастью своему. – Боронок вздохнул. – Жаль, командировка маленькая, три дня всего. Первый раз такое. Но ничего, придётся собраться, попытаемся научить вас уму-разуму и за это время.

Горыныч, подтверждая, закивал головой.

Не давая коменданту опомниться, Боронок ласково, по-отечески, взял его за грудки.

– Я решил остановиться здесь, в общаге, – тоном, не терпящим возражений, сказал он. – Хочу быть ближе к молодёжи. Со мной ещё четверо, все – мастера. Подумай, куда нас устроить. И давай без комплексов. Мы хоть и старики, а радоваться жизни ещё не разучились. Сегодня отметим наше знакомство дискотекой.

– Дискотекой? – переспросил Хейно, облизывая пересохшие губы. – У нас в общаге для таких мероприятий нет условий.

– Естественно. Общага есть общага. Но ты не переживай. Для дискотек в Таллине имеется гостиница «Виру». Слышал про такую?

– Да.

– Всё заказано. Иллюминация, звук. Ждут нас к девяти. А пока давай-ка разомнёмся.

И Боронок подмигнул Горынычу. Кивнув, тот бросился к сумке, расстегнул её и обнажил неисчерпаемый походный источник пива в бутылках.

Лицо Хейно расплылось в довольной улыбке. Дело принимало совершенно иной оборот. Где же вас носило раньше, мастера?

Весть о необычных гостях молнией облетела всю общагу. В мгновение ока комната Хейно пережила массовое нашествие рабочей молодёжи. Желаящих обзавестись личным знакомством с ленинградцами было не счесть. Освобождённая пенная жидкость, изливаясь наружу, пошла по кругу.

Святылище деревянных идолов гуляло. Невидимый резец искусённого мастера встречался с замкнутыми оковами, вскрывал их, пробивался сквозь оболочку и достигал живых душ, обнажая их во всей скрытой доселе первозданной красе. Боронок работал виртуозно, с полной отдачей, ладно и гладко, как и обещал – без отходов. Отзываясь, раскрепощаясь и сбиваясь в единый коллектив, узники были готовы на всё, любую смену личности и жертву, лишь бы не возвращаться с этого праздника жизни назад – в свои глухие опостылевшие норы.

В начале девятого разношерстная толпа вышла из чертогов общежития на улицу. Спаянная и электризованная общей переменной – навстречу пляскам до зари.

Часы показывали четверть десятого. Уже более часа компания топталась у гостиницы, ожидая Боронка. Пытаясь согреться, Чет, Нечет и Степан по очереди заводили одну и ту же бесконечную шарманку из смешных историй, анекдотов и легенд – по мере усиления холода всё более пустую и бессмысленную.

Дневной свет давно угас. Чернея с каждой минутой, ночь подступала со всех сторон. Гостиница оживала светом окон. Счастливые постояльцы спешили мимо поодиночке,

парами, группами, стремясь скорее добраться до своих номеров и окунуться в мир вожделенного искусственного тепла. Тёмных окон становилось всё меньше.

Надежды на благоприятный исход таяли. Ощущение неотвратимости страшного конца – ночлега под открытым небом, леденя кровь, закрадывалось в душу.

Внезапный свист прервал мучения. Оглушительный, дерзкий, неистовый. Полный силы жизни глас спасения. Все повернули головы в его сторону. Спустя минуту из темноты показался Боронок. И не один – во главе ополчения.

Опознав себя, он остановился, сунул пальцы в рот и свистнул снова – на сей раз условным сигналом Чету.

Откликаясь, Чет немедля устремился ему навстречу.

Несколько минут общения и посвящённый в план общих действий Чет вернулся. Согласно плану компания разделилась. Девушки в сопровождении Степана направились в сторону гостиницы, братья – к Боронку.

Укрепив передние ряды Четом и Нечетом, Боронок двинулся навстречу свету. Его ждали. На ступеньках непоколебимой преградой стояли швейцар и два милиционера. Ответная реакция на дневной визит любера.

– Мест нет! – крикнул швейцар, желая остановить нашествие.

Боронок поднял руку. Гвардия остановилась. Он отделился от неё и продолжил путь вперёд один.

– Мест нет, – повторил швейцар, встречая его. – Руководство гостиницы просило передать свои сожаления.

Боронок остановился, сорвал кепку и с силой бросил её наземь.

– Тогда спать будем прямо здесь – под окнами, – заявил он. – Любера не сдаются!

Швейцар замер.

– Слушай, парень, – вмешался один из милиционеров, – это гостиница, а не приют комедианта. Давай обойдёмся без шума.

– Это как? – спросил Боронок.

– Так – разворачивайтесь и дуйте отсюда.

– Куда?

– А мне всё равно. Хоть на кудыкину гору.

– Покажи дорогу, – предложил Боронок. – А ещё лучше – присоединяйся. Комедия смех и грех – ночь под открытым небом.

– Ты знал куда едешь? – вскипел другой милиционер. – Да ещё с такой оравой! Заранее надо было оформлять жильё, беспокоиться.

Боронок нагнулся, поднял с земли кепку.

– Я побеспокоился, – сказал он, отряхивая головной убор. – Второй раз здесь. У меня бронь. Вот этот фрукт подтвердит.

Милиционеры, недоумевая, уставились на швейцара. Того поразила немота. Клин вошёл меж сплочённой троицы.

– Дайте мне потолковать с товарищем наедине, – предложил Боронок, наслаждаясь общей растерянностью и одевая кепку. – Утром мы были друзья. Напомню ему о наших договорённостях.

Единый монолит защитников гостиницы разрушился.

– Толкуй, – махнули руками милиционеры, отходя.

Боронок подошёл вплотную к швейцару. Обнял его. Привёл в чувство.

– Дружище, – задыхал он ему в лицо, – у меня есть запасной вариант, но за этот подлый обман я вынужден потребовать сатисфакции.

– Какой такой обман? – пролепетал швейцар. – О чём вы говорите?

– О нашем с тобой общем желании пожить вместе.

– Не было такого желания!

– Что? – угрожающе произнёс Боронок. – Не было? А посмотри, сколько у меня свидетелей за спиной!

Швейцар посмотрел на толпу, затем на милиционеров. Ему вдруг стало невыносимо страшно и одиноко. Всё перевернулось с ног на голову. Помощи ждать было неоткуда. Бандит в кепке, заваривший всю эту кашу, воплощал единственную надежду на спасение.

– Не надо шума, – еле слышно вымолвил он. – Давайте разговаривать.

Боронок удовлетворённо кивнул.

– Вы сказали – у вас есть запасной вариант?

– Да. Поселишь четырёх девчонок.

– Так нет же мест.

– Тогда остаются сорок парней.

Швейцар вздохнул.

– Других вариантов нет?

– Нет.

– Надо сообщить руководству. Я на вашей стороне, но решение принимать ему.

– Давай, сообщай, – согласился Боронок.

Швейцар отсутствовал несколько минут. Томительно было ожидание. Но возвращение переговорщика окупило всё с лихвой.

– Немедленно освободите территорию, – потребовал он. – Руководство выделило вам один номер.

Пока Горыныч на улице сдерживал нетерпение молодёжи, Боронок, Степан и братья в холле гостиницы желали своим подругам спокойной ночи. Проводив их наверх, они сделали по телефону контрольный звонок в номер, услышали живой довольный щебет и покинули гостиницу.

Проходя мимо милиционеров, краем уха Боронок услышал обрывок их разговора.

– Вот и главный любер.

– Куда он свою ораву уведёт?

– Его дело.

– Представляешь, что они там у себя на родине вытворяют?

– Да-а-а...

Боронок улыбнулся. Победа ликовала в его душе. Он взял штурмом крепость, принял капитуляцию и на правах победителя вселился в павшую твердыню всем своим ценным обозом. Теперь можно наслаждаться свободой. Вместе с войском. Вот они, перед ним, потешные дублёры любителей. Все как один достойные благодарности. Сподвижники победы. И Боронок, не в силах сдержать чувств, с короткого разбега прыгнул на них, подминая собой и валя с ног целый клин. Оказавшись на снегу, не успокоился и закувыркался, умножая число отблагодарённых. Обессиленный, упал на спину, раскинул руки, зачерпнул горстями снег и умылся им. Вскочил на ноги, выбежал из гущи, двинул сжатым кулаком в небо и закричал во всю мочь:

– Даёшь дискотеку!

– Даёшь! – подхватили десятки голосов.

В мгновение ока образовавшийся единый живой энергетический поток устремился в ночь – прочь от гостиницы.

Гостиница светилась множеством окон. Одно из них было необычайно оживлено – добровольные пленницы, провожая, желали доброго пути своим мужчинам.

Внизу, покидая свой пост, один милиционер повернул голову к другому.

– Я понял, – сказал он. – Эти любера здесь не случайно. Ребята отчаянно нуждаются в отдыхе.

Милиционер был прав. Ребята встретили рассвет на окраине Таллина. Дискотека бушевала внутри них. Окружающую тишину распугивала песня всех пропавших без вести:

– Это Кара-Кара-Кара, Каракум...

Все вместе они встретились вечером следующего дня в общежитии. Едва переступив порог комнаты, Илона увидела яркое пятно. Большие сиреневые ромашки – герберы. Сердце замерло. Она присела, замороженно смотря на цветы, боясь потревожить и спугнуть это чудо, не видя и не слыша ничего вокруг.

Букет был общим для всех девушек, иначе и быть не могло. Каждая могла любоваться им, считая по праву своим. Однако в нём была сокрыта сокровенная тайна – личное послание ей одной. Не было нужды задавать извечный животрепещущий вопрос «любит-не любит» и отрывать со вздохом лепестки по кругу, гадание здесь было неуместно, все лепестки были изначально красноречивы как один.

А ведь мог бы пройти мимо витрины, не заметив или сделав вид, что не заметил. Нет, заметил, пустил шапку по кругу, сумел достучаться до парней, вернулся тайком и купил. И ради чего? Чтобы порадовать её неожиданным праздником.

Илона взглянула на него, своего белокурого любимца. Подтвердила всё без слов. Замороженный прошлым днём, отлучённый, он остался прежним, тем самым, достойным места рядом и отогрева. Возвращаясь, поманила взглядом она. И, оживая отражением редкой сиреневой герберы, дала волю чувствам.

Атмосфера шума и веселья царила в комнате. Восседающая на огромном табурете посреди сборища пэтэушников, Боронок буквально разрывал себя и их на части потоком смешного словоблудия.

В дальнем конце комнаты, стоя в одиночестве перед раскрытым окном, курил Чет. Мало помалу массивный широкий подоконник привлекал его внимание. Податливый, молчаливый, сверкающий белизной собеседник. Докурив, Чет присел, вынул перочинный ножик и под общий шум вступил в общение. Спустя время подошедший перекурить Хейно застал конец разговора.

«Здесь был Чет – декабрь 1988», – открылся признанием подоконник.

– Слова улетают, написанное остаётся, – объяснил Чет смысл своей росписи Хейно. И бережно, словно благословляя на долгие лета, погладил буквы пальцами.

Разговоры разговорами, а необходимо было что-то есть. Руководство по приготовлению общего ужина взяла на себя Алёна. Помощники раздобыли огромный пищевой бак, водрузили его в кухне на плиту и вскипятили воду. Очищенный и нарезанный дольками картофель покорной жертвой отправился на дно бака. Тушёнка, сухие супы в пакетиках и прочие приправы-ингредиенты заняли место подле бака, ожидая своей очереди.

Хлопоты не остались без внимания внука вахтёрши. Гроза всех местных индейцев, вооружённый с ног до головы игрушечным оружием, шестилетний мальчуган отложил топор войны и нашёл себе новое развлечение. Для такого одержимого бойца, как он, это был новый бесценный опыт. Едва дождавшись момента, когда бак остался без присмотра, он подбежал к нему, встал на табурет и заглянул внутрь. Открытое варево, гипнотизируя, звало поделиться чем-нибудь, обещая взамен исполнение чуда. Мальчик вспомнил про своё сокровище – шоколадный батончик. Немедля вытащил его, развернул и, надкусив, бросил в бак. Батончик закружился, встал торчком и, булькнув, утонул. Варево довольно облизнулось. То было всё чудо – с началом и концом. Мальчику стало жалко себя. Он соскочил с табурета и побежал за палкой. Вернувшись, принялся вылавливать утонувшее лакомство. Однако как ни старался, всё было тщетно. Батончик исчез. Бросив палку, с плачем мальчик побежал жаловаться бабушке на вахту.

Узнав про шалость внука, бабушка ужаснулась, велела держать язык на замке и забыть дорогу на кухню. Смягчая свой наказ, пообещала купить новую шоколадку. Успокоенный малыш отправился в туалет. Захотелось по-маленькому, перед тем как снова отправиться в погоню за индейцами. Но коварные неугомонные враги опередили его. Едва он успел вспомнить о них, как они скользнули мимо и устремились на кухню. Иного выбора, как броситься вслед за ними, не было.

Кухня. Враги внезапно рассеялись. Вместо них глазам предстал всё тот же бак, наглый, самодовольный и булькающий, предлагающий сразиться с ним за всех – один на один. Это уже было слишком. И мальчик принял вызов.

Он встал на табурет, навис над варевом и, изо всех сил, вращая языком во рту, начал собирать слюну. Занятие так увлекло его, что он не заметил подошедшей сзади Алёны. Капкан цепких женских пальцев замкнул ухо. Рот мальчика мгновенно пересох. Большой плевок сорвался.

– Что там? – спросила Алёна.

– Ша-ка-ладка, – со всхлипом ответил мальчик.

Алёна отпустила ухо, строго посмотрела на шалуна и вынесла вердикт.

– Будешь есть вместе с нами.

– Не буду!

– Тогда расскажу про тебя всем.

Малыш вздохнул.

– Буду.

Ужин был готов. От желающих отведать его не было отбоя. По настоянию Алёны право первой пробы доверили внуку вахтёрши – самому маленькому и голодному. Ободренный ею, он зачерпнул варево ложкой, подул на него и, закрыв глаза, отправил в рот. Мгновение... Суп как суп. Шоколадкой и не пахло. Он открыл глаза, взглянул на окружающих и расплылся в улыбке.

– Вкусно!

Сидя и бойко орудуя вязальными спицами на своём месте у входа за столиком, вахтёрша прислушивалась к всеобщему оживлению. Нечто особенное происходило в жизни общежития. Событие большого городского масштаба. Приезд мастеров. Марш молодёжи утром, днём и вечером. Праздник вне закона и границ. Спасибо, что не забыли про внука и уделили частицу внимания и ему. Кажется, он нашёл себе хороших друзей. Сегодня он был сам не свой, уже несколько раз подбегал к ней из-за общего стола. Большие детские глазёнки блестели, уйма впечатлений переполняла его. Ещё бы! Это тебе не какие-то придуманные индейцы.

Когда за внуком, как обычно, пришла мама, он обнял бабушку и коснулся губами её уха.

– Не надо шакаладки, – жарко зашептал он. – Я наелся.

В ответ она только умиленно покачала головой.

О том, что он остался без подруги, Горыныч вспомнил за пять минут до отхода поезда. Провожающие пэтэушники восторженно толпились вокруг. Три дня, веселясь, он провёл среди них и совсем упустил из виду цель приезда. Оглянуться не успел – пора возвращаться назад, в тоску и холод одиночества. Внезапная перемена в лице Горыныча воспринялась провожающими по-своему. Все, как один, они начали уговаривать его остаться. Беспомощно озираясь, мямля что-то невразумительное в ответ, он колебался. Однако, колебания были напрасны. Достойная пара не объявлялась. Все девушки Таллина, прячась, желали Горынычу доброго пути.

Поезд уходил. Стоя на перроне, пэтэушники махали руками вслед. Волею заезжих мастеров три дня они были освобождены от всех занятий в училище, проходя невидан-

ную и неслыханную доселе духовную и физическую практику. Кончилось совершенствование. Возвращаться на круги своя или припустить по шпалам за поездом? Выбор оставался за ними.

Начало движения. Перекур в тамбуре выдался на редкость холодным. Дым коромыслом, тление табака и никаких эмоций. Горыныч, выглядя безжизненным истуканом, был явно не в духе.

– Что с тобой, Саша? – спросил Боронок, пытаясь проникнуть в скорбный образ друга.

– Сам знаешь, – буркнул Горыныч.

– Нет! – убеждённо затряс головой Боронок.

Горыныч вздохнул.

– Вспоминаю твоё обещание насчёт моей подруги. Ты, кажется, даже слово давал.

– А, подруга, – улыбнулся Боронок с таким видом, словно речь шла о чём-то малосущественном – призрачном объекте, бабочке-однодневке, случайно пригрезившейся во сне.

– Ага, – мрачно подтвердил Горыныч. – Подруга.

– Бывает – разминулись. Зато сколько новых друзей нашёл!

– И что мне теперь с этим делать?

– Дружить. Дружья – это самое лучшее, что у нас есть.

– Подруга нужна, – сквозь зубы процедил Горыныч. – Я всё-таки доверял твоему слову.

– Далась тебе эта подруга! – загремел Боронок, досадуя. – Брось. У тебя есть гораздо более ценное богатство – свобода. Наслаждайся ей. Она, как и настоящая дружба, размену не подлежит.

– Дружба! – Горыныч в сердцах бросил окурок на пол и тут же растоптал его. – Что мне дала твоя дружба? Пьянки с песнями до рассвета, да шишки! Хороша замена, ничего не скажешь.

– Не кощунствуй, – сказал Боронок приглушённым голосом. – Это святое. Так закалялась сталь.

Шумно распахнулась дверь. В тамбур вошёл Чет. Теребя сигарету в руках, попросил прикурить. Пыхнув дымом, посмотрел на друзей, понял, что лишний, и отошёл в сторону.

Горыныч, умолкнув, опёрся спиной о стенку, запрокинул голову и поднял глаза вверх, словно мученик, обращающийся к небу с последней молитвой.

Боронок, покуривая, принялся искоса следить за ним. Пытался ли обмануть его друг? Едва ли. Приходилось признать, какие бы испытания и закалка ни были позади, какой бы крепкой и надёжной не казалась защита, тяжкая минута в один миг ставила всё на свои места. Женская натура во плоти. Нет от неё спасения. Зов вечный.

Боронок бросил окурок. Подошёл к Горынычу и, привлекая внимание, тронул его за плечо.

– А может и правда пробил твой час, – размышляя вслух, произнёс он. – Глядишь, отыщется, блеснёт чешуёй на безрыбье русалка. Предлагаю дожидаться вечера и обыскать поезд.

Горыныч сглотнул слюну.

Боронок кивнул в сторону Чета.

– Этого брат с собой не будем, – заявил он. – Курильщик подосланный. Ложный след.

Лицо Горыныча озарила улыбка. Змей воскрес. Утраченное дружеское доверие обрело былую силу.

Темнело. Поезд мчался сквозь белоснежье домой. Стучали, убаюкивая, колёса. В купе было тихо. Среди общей сонливости Алёна увлечённо рассматривала купленный в таллинском универмаге красочный букварь для дошкольников. Одна страница, другая... Постепенно она добралась до буквы «Х», которую представлял большой и добродушный рыжий

хомяк. Она невольно залюбовалась им. Нарисован умело, с душой, совсем как живой. Показывая рисунок, поделилась своим впечатлением с сидящим рядом Четом.

– Крыса, – отозвался тот, пожимая плечами.

– Нет, – замотала головой Алёна. Ласково погладила рисунок рукой. – Хома. Друг всех детей.

– Дудки, – сказал Чет, зевая. – Пусть выскажется специалист. Горыныч!

– А? – откликнулся тот.

– Тебе слово. Кто такой хомяк?

Купе оживилось.

– Грызун, – ответила Илона.

– Ну, да, – поддакнул Горыныч.

– Вот видишь, – кивнул Чет Алёне. И развёл руками. – Нас большинство.

Алёна, нахмурившись, попыталась возразить, но Чет, внезапно переменясь в лице, остановил её.

– А там это кто? – спросил он, указывая дрожащим пальцем в темноту под столиком.

– Кто? – испугалась Алёна, поджимая ноги и захлопывая книгу.

– Он! – воскликнул Чет, состроив уморительную мину.

Все засмеялись.

Переведя дух, Алёна замахнулась книгой на насмешника.

– Вот ненормальный!

– Держи хомяка на замке, – предупредил Чет, закрываясь руками, – а то сбежит.

– Хомяк в это время спит, – подал голос Горыныч. – Днём его пушкой не разбудишь.

– Точно, – поддержала его Илона. – А ночью совсем безумный. Помнишь, Стёпа, нашего хомяка, того, который клетку грыз?

– Клетку? – переспросил Горыныч. – Мой хомяк тоже в клетке живёт. И грызня по ночам – его самое любимое занятие.

– Ну, вот, – кивнула головой Илона.

– Забирается наверх, виснет в углу и грызёт, грызёт, – продолжал Горыныч, – потом заснёт и...

– ...падает! – в один голос с ним закончила Илона.

Горыныч внимательно посмотрел на неё. Илона растерялась. Она внезапно поняла, что допустила непростительный промах. Речь, вероятно, шла об одном и том же хомяке, прописанном в квартире Горыныча, где ей довелось пожить тайком. Попались... Встрепенувшийся Степан поспешил отвлечь внимание на себя.

– Горыныч, первый раз слышу, что у тебя хомяк живёт.

– А что? – насторожился тот.

– Обычно змеи с мышами не дружат.

– Я – исключение, – самодовольно ухмыльнулся Горыныч.

– Чем кормишь? Семечками?

– Нет. Я даю ему сухие макароны. По праздникам – свежие овощи.

Илона опустила глаза. Вспомнила, чем неделю кормили хомяка они. Не бедствовал, жировал, отъелся за все постные дни. Напоследок подсунули ему хлебный мякиш с сюрпризом. Не всё ведь хомяку масленица. Зверёк отведал чеснока у них на виду. Ох, и потешились!

Горыныч увлёкся разговором со Степаном. Подозрения минули стороной. Мало ли пленных хомяков пытается сбежать по ночам одним и тем же путём. Инстинкт.

Улучив момент, Илона склонилась к уху Степана.

– Он?

– Да.

Вечер для Горыныча выдался потрясающим. У него в собеседницах была сама грековская отрада. За три дня они едва успели переброситься с ней парой фраз, её красота как самое дорогое достояние была нарасхват. Приходилось довольствоваться дистанцией и местом стороннего наблюдателя. У неё было имя, редкое и благозвучное, но он не желал даже и слышать его. Разве имело оно какое-то значение? Для него она была гречанка, безымянная уроженка южной страны, обители неиссякаемого яркого полудня, колыбели, творящей во все времена женщину не просто венцом природы – желанной невестой всего света.

Всякий раз, когда солнечный луч встречался с ней, лаская чёрную смоль волос, оживляя нежное личико, зажигая глаза, образ красавицы обретал своё настоящее подлинное совершенство. Сердце Горыныча замирало. Неиссякаемый источник вдохновения открывался перед ним.

И вот сейчас, казалось, пришло время, небеса сжалились над ним и дали возможность выразить все потаённые чувства. Несколько раз к нему подходил Боронок, звал за собой на прогулку по поезду, но Горынычу было не до того. Сеанс связи был в самом разгаре. Ноздри его шумели и трепетали. Огонь поднимался из скрытых глубин. Всепобеждающий, сжигающий дотла и ...призрачный. Кто знал, что гречанке было не до взаимности. Общась, она просто искупала свою тайную вину перед ним, доступной жертвой, любезностью прекрасного соцветия – одним осыпавшимся лепестком.

Сторожа своё придуманное счастье, Горыныч не смыкал глаз всю ночь. Утром, околдованный, потерявший всякую связь с реальностью, он вышел из вагона и устремился вслед за ним. Когда все границы дозволенного остались позади, счастье, казалось, было уже в руках, чья-то сильная рука ухватила и остановила его. Полный сочувствия друг Боронок молча встряхнул его, обнял и, разрушая чары красавицы, бесчувственным манекеном повёл в обратную сторону – туда, откуда брала своё начало разбитая мечта.

Дома. Родной город, шумный и просторный.

Безудержный поток времени подхватывает и несёт, стирая жизнь мгновение за мгновением.

Но остаются воспоминания.

И среди них те, что не боятся времени.

Яркие маяки.

Три дня в Таллине.

Глава двенадцатая

Подушка была мокрой от слёз. Сегодня они расстались. Полчаса на вокзале, поезд уехал, а потом пришла ночь, которая не кончается. Она осталась одна. Вика всхлипнула.

Далёкий южный город Сочи. Новый адрес Коли. Писать письма, ждать ответа, жить надеждой на встречу. А ведь они были единственной парой в классе, кому все прочили счастливое будущее. Эта волшебная ночь на набережной перед разведённым мостом... Как упоительна она была для выпускников. Полна особым смыслом, грёзами и планами. Дождавшись рассвета, они прошли по сомкнувшемуся мосту вдвоём первыми – прямо в лето. Лето пригрело. Расслабившись, они забыли про всё, впереди открывалась большая жизнь, которую им было суждено прожить вместе. Прошлое оставалось позади, настоящее было прекрасно и вдруг, как гром среди ясного неба, это известие. В Сочи обнаружился родственник – кооператор, зовущий разделить с ним блага дозволенной новой сладкой жизни. Семья Коли, кочевая душой – не зря сам Коля так походил на цыгана – поспешила откликнуться. Родительская воля, короткие сборы и – в дорогу. Коля пытался протестовать, она – тоже, но всё было бесполезно. Разлуку можно было испугать кликами взрослой любви, молочных зубов первой она не боялась.

На вокзале мама Коли, сочувствуя, пригласила Вику в гости. Так, без конкретной даты, в любое время года. Смотри в Колины глаза, Вика была рада и этому.

Он уехал в последний день августа. Лето кончилось. Это был настоящий затянувшийся во времени выпускной.

...Вика очнулась. Звонил телефон. Настойчиво, требовательно, как сирена. Голос утра. Она вскочила, обежала всю квартиру – никого. Как бы ни хотелось ни с кем общаться, но придётся.

Она подошла к телефону. Незнакомый женский голос спросил:

– Это квартира Степана Грекова?

– Да, – ответила Вика.

– Он дома?

– Нет.

– А вы кто?

– Как кто? Сестра. А вы кто?

– А я – его кошмарный сон, – ответил голос и рассмеялся.

– Илонка! – обрадовалась Вика. – Как хорошо, что ты позвонила. А я ведь совсем одна.

Никого нет дома.

– Немудрено. Рабочий день за окном. Степана след уже простыл?

– Я его не видела со вчерашнего вечера. Отключилась.

– Причина уважительная?

Слёзы навернулись у Вики на глаза, комок застрял в горле.

– Вика! – окликнула её Илона, не дождавшись ответа.

– Я здесь, – сдавленным голосом отозвалась Вика.

– Ты в порядке?

Вика проглотила комок.

– Да.

– Свет за окном. Пора просыпаться и жить.

– Я живу.

– Радости не слышу.

– Тебе хорошо, – чужим голосом сказала Вика. – У тебя Стёпа есть.

– А я не жадная. Делюсь, чем могу. Он ведь всегда возвращается. Разве не так?

– Да, всё нормально, – подобие улыбки тронуло губы Вики. – Мне его хватает. И, вообще, я вас со Стёпкой очень люблю. Хорошо, что вы есть. А больше мне никого не надо.

Поговорив с Илоной, Вика почувствовала себя лучше. Оказались востребованы холодная вода из-под крана, зубная щётка, а потом и мамин завтрак, оставленный на кухонном столе. Когда из магазина вернулась сама мать, Вика встретила её уже в форме – беззаботной и весёлой. Прочь все горести. И беда – не беда. Ведь так хотелось, повернув время вспять, продолжать жить по-старому – надеждой и любовью, верой в сказку со счастливым концом.

Вечером того же дня Илона встретила Степаном в парке Победы – ярком и большом оазисе природы близ своего дома. Взявшись за руки, они отправились в прогулку по парковым аллеям. Тишина и жёлтые наряды деревьев дышали началом осени.

– Я сегодня утром с Викой разговаривала по телефону, – сказала Илона. – Мне показалось, проблема у неё.

– Что за проблема? – насторожился Степан.

– Подозреваю, личная. Несчастный роман.

– Как догадалась?

– В таких случаях, вспоминаешь про тех, кто рядом. Расчувствовалась девчонка, словно мы с ней не общались несколько лет. Признаться, я была поражена. Что скажешь, брат?

– Со стороны, наверно, виднее. Однако, если чувства остались, значит, есть надежда – всё вернётся на круги своя.

– Как бы там ни было – я тебя предупредила.

Молчаливым кивком Степан поблагодарил её.

Некоторое время они шли в полной тишине, думая каждый о своём. Илона нарушила молчание первой.

– Чувства, – сказала она. – Откуда они в нас, кто управляет ими, где их корни? Как думаешь, Стёпа?

– Это вопрос не по адресу, – отозвался Степан. Подумав, добавил:

– Спроси у радуги. Она знает точно.

Илона подняла глаза в небо.

– Радуга. Я помню, как она выглядит. Триумфальная арка вечности.

– Она самая, – подхватил Степан.

– Она не услышит меня, – опустила глаза Илона. – Я – материальна.

– В твоих силах одолеть это. Для чувств нет ни преград, ни расстояний.

Илона вздохнула.

– Что с тобой? – спросил Степан, удивлённый внезапной переменой её настроения.

– Жаль расставаться с материей, – ответила она. – Даже на время.

– Не жалея, – с жаром призвал Степан. – Вспомни луковицу тюльпана. Чешуя за чешуей, а внутри – цветочный стебель. Он и есть смысл всему. Так устроено всё живое. И мы с тобой.

– Время покажет, – тихо сказала Илона.

Степан внимательно посмотрел на неё. Определённо, что-то таилось за пазухой. Какая-то неприятность, предназначенная специально для него. И точно.

– Уезжаю я от тебя, Стёпа, – чуть дрогнувшим голосом открылась она. – Фельдшером – на скорой. Боюсь, мне уже будет не до встреч.

– Что за блажь такая? – после некоторого замешательства спросил он.

– Это не блажь, – ответила она. – Школа мужества. Практика настоящего врача.

– Разве в Академии мужества недостаточно?

– Мало. Хотя, когда я первый раз внутренности увидела, так не казалось.

– Пережила? – поморщился Степан.

– Как ёжик в тумане. Спасибо профессору. Выручил своим хладнокровием. Если верить ему – всё дело в привычке.

– Гиппократ нашёлся! – посуровел Степан. – Умник. Он такой хладнокровный только потому, что внутренности ему ответить не могут.

– Ш-ш-ш, – поспешила утихомирить его Илона. – Чем это тебе профессор не угодил? – До моих внутренностей ему не добраться, – заявил Степан. – Кишка тонка.

– Да-а?

– Да. Замок у меня отменный.

– Это пупок что-ли? Нашёл замок! Развяжет в два счёта – не успеешь и глазом моргнуть. Хотя зачем тебя трогать? Ты и так весь на виду. Могу рассказать, что там внутри.

– Ну?

– Одна большая детская обида.

Степан засопел.

– Твоих рук дело.

– Ну, извини, что делать – практика есть практика. Жизненная необходимость. У тебя остаётся право экстренного вызова. Обещаю откликаться.

– Звучит как приговор.

– Поверь – ничего личного.

Степан остановился.

– Исполнишь моё последнее желание? – спросил он.

– Какое? – прервала движение Илона.

– Исчезнем на пару дней.

– Не знаю, – опустила голову Илона. Выдержав паузу, подняла глаза на него.

– Надо посоветоваться с профессором, – сказала она. И засмеялась.

В ближайшие выходные, прихватив с собой Вику, они исчезли. Место устроило всех. Старое доброе Репино с видом на залив и дедом впридачу. По случаю приезда гостей несказанно обрадованный Серафим Греков поспешил устроить застолье. Когда плодами его суеты стол был накрыт и все начали занимать места за ним, дед устроился как и подобало – между барышнями.

Пытаясь успокоиться, он открыл бутылку домашней наливки, разлил жидкость по трём рюмкам и, не дожидаясь традиционных тостов и чокания, опрокинул свою рюмку в рот. Илона и Степан последовали его примеру. Вика поддержала их глотком привезённой с собой пепси-колы.

Наливка вызвала испарину. Горячая картошка и разогретая в сковороде тушёнка добавили жару. Общее настроение зыграло. Вика пыталась присоединиться к нему, но безуспешно. В самый разгар застолья она незаметно отделилась от компании и исчезла в комнате. Здесь, сидя в полумраке, наедине с бабушкиным портретом, ощутила потребность выговориться. Пользуясь отсутствием постороннего внимания и тишиной, стала облегчать душу. Выговорилась. И, обретя опору, избавленная от тяжкого груза вернулась на кухню. Когда дед, оторвавшись от оживленной беседы, обратился к ней с вопросом о Коле, она даже не вздрогнула – сработала защита. Не моргнув глазом, ответила:

– В гостях – у родственников.

Предвосхищая дальнейшие расспросы, подняла палец и помахала им в воздухе.

– Заноза. Глубокая была, еле достала.

Дед уставился было на палец, но она тут же поспешила спрятать его. Сжатым кулачком стукнула по столу:

– Не буду плакать!

И, устремив взгляд в дедовы глаза, со сталью в голосе повторила:

– Не буду!

Дед откинулся назад и расплылся в улылке.

– Молодец. Капни-ка ей, Стёпа, в рюмку вишнёвки – в награду за храбрость.

– Не надо, – отмахнулась Вика. – Рана – пустяковая. И, вообще, прошу без опеки. Я почти совершеннолетняя.

– Почти не считается, – сказал дед.

– Это дело поправимо, – вмешалась Илона. – Я добавлю лет. Сколько тебе не хватает, Вика? Не стесняйся – бери и пользуйся.

– Слышал, дед? – торжествующе засветилась Вика. – Я уже совершеннолетняя.

– Сговорились? – прищурился дед.

– Да, – в один голос откликнулись обе.

Дед развернулся к Илоне.

– Раз так, тогда давай, красавица, сговариваться до конца. Хватит особняком ходить.

Бери фамилию нашу.

От неожиданности Илона потеряла дар речи.

– Вступай в наши ряды, – загораясь, продолжил дед. – Будь Грековой, люби Степана, оставайся красавицей навек. Как глава династии благословляю.

Наступила пауза. Илона обвела Грековых взглядом, увидела родню, своё место между ними, почувствовала единое притяжение. И, приходя в себя, поспешила уклониться от искушения.

– Я возрастом ещё не вышла. Пусть красота созреет. Дождёмся совершеннолетия, дед Серафим.

От такого ответа дед угас. Вика, беззвучно смеясь, пригубила пепси-колу. Степан перевёл дух. Дедовский капкан не сработал. И хорошо. Иначе в собственных глазах было бы не оправдаться.

– Вот так, дед, – обратился он к нему. – Красота требует жертв. И династия твоя ей не указ.

– А пускай, – махнул рукой дед. – Мы пленных не берём. Всеми своё время.

– Выпьем за мой диплом, – предложил Степан.

И, разряжая обстановку, поднял рюмку.

– О, – оживился дед.

Наполнил рюмку Илоны до краёв, плеснул наливки себе и, не слушая протестов красавицы, заставил её разделить радость за внука до дна. Предложил закусить. Жуя, посмотрел на Степана.

– Решил, кем будешь теперь?

– А я уже есть, – ответил Степан. – Молодой специалист.

Дед перестал жевать, пригляделся, помотал головой.

– Гудок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.